

Тастухи
призраков.

Лена

Все мы получаем от предков наследство. Ну там дачу, способности к музыке, форму носа или отвратительный характер двоюродного дяди, склонного вешаться в сарае, а потом гоняться с топором за всеми желающими. Лене досталось от предков по полной. С топором она, правда, ни за кем не гоняется, да ей и не надо — можно же просто «попросить» человека убиться головой об трамвай, и тот непременно послушается. Такое вот у Лены наследство. Зато за самой Леной по ночам гоняется волк. Может, просто фобия, или прапрабабушка любила бродить по лесам в красной шапочке. Эта прапрабабушка, она вообще со странностями была старушка...

Юлия Ламичева

Пастухи призраков

— Я ненавижу эту бабу, а ты, Сашок? — сказал Паша, продавец-консультант с лицом персикового оттенка.

— Не нагнетай, — зевнул продавец-консультант Сашок.

Продавец-стажёр Валя аккуратно сложила свитер и только после этого позволила себе обернуться. В подсобку шмыгнуло нечто вроде подростка: капюшон до бровей, рюкзак, штаны мешком, ботинки, позволяющие даже начинающему живодёру с первого удара раскрошить череп коту. Даже со спины нечто будоражило инстинкты охранников.

— Кто это? — спросила Валя.

Сашок снова зевнул, прикрывшись ладошкой.

— Лена. Тоже продавец.

— «Тоже продавец» у нас ты, — скривился Паша. — А Лена — краса и гордость коллектива. Валь, срочно начинай равняться.

— Ребята, не портите мне новенькую! — гладко причёсанная головка менеджера Наташи выглянула из-за вешалок с весенней коллекцией. Паша и Сашок прыснули по местам с тараканьим проворством. — Валёк, тебя вчера инструктировали, но я кратенько освежу: во время рабочего дня у нас нельзя беседовать с другими продавцами, говорить по телефону, сидеть, скрещивать руки, выходить из торгового зала без разрешения менеджера, подходить к кассовому аппарату или сейфу...

Валя слушала, улыбалась и кивала. Без опыта сложно устроиться, просто чудо, что взяли: зарплата приличная, хорошие вещи (девочки сказали, для продавцов скидки), и люди такие приятные, все стараются помочь.

Наташа хозяйским жестом поправила на вешалке кофту.

— Когда входит покупатель, говоришь ему: «Здравствуйте» или «Добрый день», ответят или нет, не важно. Здраваться нужно с каждым. Затем надо рассказать о товаре. Например, «здесь у нас представлена новая коллекция. Вы можете подобрать себе одежду ярких оттенков». Закрытые вопросы, такие, как «Вам помочь?», задавать запрещено. На них отвечают либо: «Нет, спасибо», либо: «Хотите помочь, помогите деньгами». Нужно спрашивать: «Что вас интересует?», «Какую одежду вы подбираете?», «Для какого случая?». А сама ходишь за ним незаметно, чтобы ребята видели, что это твой покупатель... Ленусик! Отлично выглядишь! Познакомься с Валей, надеюсь, она будет работать вместо Олечки.

Вблизи Лена оказалась старше всех работников магазина, даже администратора Виктора. Морщинки на лбу и в уголках рта, голубоватые мешочки под глазами. Благодаря гномьему росту и плоской широкоплечей фигуре она всё равно смахивала на мальчишку-подростка — хоть и несколько пожилого. В плане бёдер Валя ей изрядно позавидовала, но грудь должна быть (удовлетворённый взгляд в сторону зеркала). Ленино сходство с мальчиком довершали коротко стриженные рыжеватые волосы, чуть ли не машинкой. А ещё говорят, в хороших магазинах нужна внешность! Если уж такая работает, здесь... Ещё один взгляд на зеркало. Улыбка. Наверно, Лена очень опытная. Хоть бы ресницы накрасила, совсем не видно, а бровей, кажется, вообще нет. Губы как объединенные леденцы.

Карие до черноты Ленины глаза холодно мазнули по Вале, неприязненно смерили Наташу и уставились в пол.

— Я — кофе пить, — вместо положенной продавцам чёрной футболки на Лене была

глухая водолазка.

Валя завертела головой.

— Чем-то таким пахнет?

— Приятного аппетита, Ленусик! — быстро проговорила Наташа, увлекая Валу в сторону подсобки. — И ещё один моментик. У нас дружный коллектив, но если хочешь прижиться, не раздражай Лену. Очень важно, чтобы ты это запомнила, дорогуша. Девушка, работавшая до тебя... неважно. Оля больше не работает: она ногу сильно вывихнула, а больничных у нас не полагается. Но Ленины клиенты тебе и ни к чему, они у неё... нестандартные, сама увидишь.

— Можно и мне кофе? — спросила Валя, у которой то ли от кондиционера, то ли от Наташиных инструкций пересохло горло.

Наташа нежно ей улыбнулась.

— За рабочую смену положено три перерыва по полчаса, кафетерий на втором этаже, туалет, кстати, там же. У нас девочки не кушают, очень полезно для фигуры. Самое важное — это позитивность намерений. Если любишь красивые вещи, любишь людей, ценишь своё развитие, то это очень хорошее начало карьеры. Ну, что правда, то правда — клиенты разные, ситуации разные, но это интересно. А главное — возможность общаться с людьми... Ещё раз, будь повежливей с Леной!

К обеду Валя не продала ни единой тряпки. «Оставьте меня в покое! Я сама всё смотрю и выбираю!». Валу всегда бесили крадущиеся следом продавщицы, точно следящие, не сопрёт ли она чего. Но как иначе дать понять Паше и Сашку, чей покупатель?! Глупое правило, ребята такие зайки, сочувствуют, Саша покупательниц подводил, правда, всё равно не вышло обслужить. Аллочка улыбается из-за кассы. У Вали глаза давно были бы на мокром месте, если б Наташа ни поддержала: она тоже в первый день ничего не продала, и во второй, это нормально. Зато скоро администратором станет, когда Виктор в закупщики уйдёт. Закупщик — это мечта: ездить по загранице, покупать одежду... Валя принялась наблюдать за работой ребят.

Наташа всучила расфуфыренной дамочке много всего. Сашок с Пашей наперебой обслуживали девиц, Паша имел успех и у дам постарше, при общении с которыми он проявлял вкрадчивую гибкость. Все Ленины клиенты имели общую особенность: кроме Лены, их вряд ли кто сумел бы раскрутить на покупку.

Вот у входа нарисовался парень самого убогого вида. Шарахнулся от Вали, чуть из зала не выскочил, но вошёл. Валя побрезговала тратить на него время — кроссовки какие позорные, да и куртка. Чего забрёл? Не музей! Паша и Сашок тоже не двинулись с мест. Зато Лена покинула свой угол возле подсобки, выражение её лица как будто ещё кислее сделалось. Парень растерянно топтался возле стеллажей с джинсами. Лена приложила к нижней части пациента несколько штанов, трое швырнула назад, а с последними направилась к кассе, прихватив пару маек. По пути она ни разу не обернулась, будто ей и дела нету, идёт ли за ней пациент, однако тот очень даже бойко шёл, как на верёвочке. «Оплачивает! — вздохнула Валя. — А ведь майки даже посмотреть не успел!».

— Сложи джинсы, — велела ей Лена на обратном пути в угол.

Девушка угрюмо щупала брюки на несколько размеров длиннее и меньше нужного. То ли производители одежды считают, что низеньких толстушек ничем не украсишь, то ли попросту уверены, что девушки бывают высокими и стройными, а жирные тётки должны носить паранджу.

Лена не переносила боль ни в каких видах. Страдание вызывало в ней навязчивое желание уничтожить мир или хотя бы страдальца. В своё время это (плюс некоторый запой) поставило крест на Лениных потугах стать ветеринаром. Да уж, в смысле медицины Лене светила карьера разве что на ниве эвтаназии, но за этим неизбежно последовала бы ещё более успешная карьера пациента психдиспансера.

Неважно, что говорить, лишь бы привлечь внимание. Дальше просто: сжимаешь мозги, точно губку, и как бы выдыхаешь *приказ* в сторону человека, при этом появляется напряжение вверху живота. Когда сознание проникает в чужое, в мозгу возникает ощущение вроде чавканья, всё становится тёплым, влажным и липким...

Толстушка устремилась к кассе, размахивая выбранными Леной штанами точно флагом. На сегодня её мучения кончены — вместе с деньгами. Нормальные штаны, задницу не уменьшат, тут хирурга с топором надо, но размер и рост подходящие, великое дело. Лена не понаслышке знала, как тяжело раздобыть одежду на мелкий рост. Её саму выручали детские отделы, но с габаритами этой несчастной в детском не пошустришь. Когда такая бродит по магазинам, на пути попадаться не стоит, ну, если не хочешь захлебнуться лучами ненависти. Этих лучей отдельно взятая пышка в отделе молодёжной одежды способна нагенерить достаточно, чтобы уничтожить космос, учёные когда-нибудь додумаются, как воспользоваться данным фактом на задницу человечеству.

В Ленином Списке Ненависти магазины занимали почётное второе место после боли. Вот оборжались бы, так сказать, коллеги, узнай они, сколько времени и нервов тратила Лена на поиски одежды (одевалась она бомжеватой сиротой). Самое противное — смотреть на себя в зеркало, а тут люди шныряют, да ещё эти... продавцы. До слёз обидно, что Лене так и не попался продавец вроде неё самой, способный *приказывать*. Ходила бы только к нему! Неужели она единственная в своём роде? Вот же блин. Это ведь против законов природы! Профессия была кошмаром два дня через два, но пользу людям Лена приносила. Сама над собой смеялась, тем более любовь к человечеству не являлась Лениной сильной стороной. Мягко говоря. Однако бабушка крепко вбила ей в голову идеи насчёт честного куска хлеба. Для тех, кому шоппинг доставляет удовольствие, есть Сашок и Паша. Лена — продавец для клиентов другого типа, и она облегчает их страдания. Практически то же самое, что медицина. Если б не ЗУД! От него крышей можно поехать... и чесаться нельзя, тогда совсем кранты.

— Вы продавец или как? На работе работать надо, а не тупить!

Вынырнув из туманного болотца мыслей, Лена упёрлась взглядом в талию существа женского рода. Волосы существа были сделаны на самой лучшей фабрике, производящей самых дорогих и злобных кукол с насекомыми тельцами, а с таких шпилек Лена немедленно осела бы на пол, хотя вряд ли её удалось бы на них водрузить.

Визгливые крики занимали в Списке Ненависти третью позицию. Лена *приказала* девице купить мышастой расцветки тряпку, на которой Наташа давно поставила крест как на явном проколе закупщиков. Тряпку насекомое безропотно взяло, но в какой-то момент Лена почувствовала сопротивление. Оно было неожиданно сильным, редчайший случай. В конце концов, Лена никого не принуждала ходить по потолку или прыгать с эскалатора голышом,

люди сами ходили сюда покупать одежду, заставить их купить именно эту шмотку — несложный трюк, учитывая, что все магазины торгуют одним и тем же. Но блондинка сопротивлялась так, что у Лены перехватило дыхание и судорогой охватило мозг. Девушка всё-таки сломалась, неуклюже засемила на кассу, где с ней приключилась истерика. До Лены долетали вопли, заглушавшие испуганные оправдания кассира Аллы. Прибежала Наташа.

— Поймите, на вашей карте недостаточно денег!

— Я должна купить эту вещь, хочу, вы обязаны меня обслужить...

Уши потеплели, наверняка красные, щёки горят. Какой прокол! За годы торговли шмотками Лена научилась оценивать платёжеспособность покупателя, эта мымра просто застала её врасплох. Всё равно прокол!

Рыдающую жертву прокола вывел охранник (тряпку отнимали совместными усилиями сотрудников смены). Наташка с Аллой наверняка переглядываются за спиной, Сашок и Пашка, кретины, отводят глазки, одна новенькая пялится в открытую, интересно ей всё, маленькой. Потом будут шептаться, как бабки за спиной тёти Иды! Насекомая лахудра будет в порядке, ну, проревётся, головка поболит, а вот Лену ждёт расплата по полной. Нашарив в подсобке рюкзак, она бросилась по тошнотворно-знакомому маршруту в туалет, лавируя между посетителями торгового центра.

Первым делом сгибы локтей. Так и есть — в страшном состоянии. Лена была готова выть от зуда. Пузырёк с дегтярной настойкой едва не плюхнулся в унитаз. Ватными тампонами Лена протирала свежие ранки дерматита. Сколько их! Провалиться этой блондинке... До самых кистей! Так, и пальцы придётся мазать. Как же чешется! Пора увольняться, месяц как пора. Попробовал бы дятел, проектировавший сортир, снять в кабинке штаны и колготки, а потом намазаться дёгтем! Лена сдавленно хихикнула, забив на стыд, захохотала в голос, представив лица стоящих в очереди тёток. Самый прикол будет, когда кто-то зайдёт после неё в кабинку!

Лечить дерматит дёгтем она придумала сама, вспомнив, как хорошо он работает на собаках (даже при демодекозе). На человеческие средства и врачей Ленин дерматит чихал. Дёготь тоже не панацея — на определённом этапе не то что коллеги, соседи по маршрутке стараются дышать ртом, да и эффект относительный, разве что зуд снимает. Радикальный метод — увольнение, но и он имел минус: как ни экономь, непродолжительное время спустя наступает финансовый кризис. Трагедия, когда единственный доступный способ зарабатывания денег вызывает дерматит!

* * *

— Ленусик, помогла бы ты ребятам развесить товар?

Ленина макушка едва достигала Наташиного плеча, но Наташу, как всегда, смущало ощущение, что Лена смотрит на неё сверху вниз.

Ещё в школе Лена вычитала, как императрица Екатерина Великая, будучи маленького роста, приучила себя глядеть строго перед собой. Люди маниакально обожают пялиться в глаза, они вынуждены наклоняться, ища взгляд собеседника, причина поклона игнорируется подсознанием, зато фиксируется сам поклон.

— Понимаешь, Ленусик, ребята и так обижаются, что ты отдыхаешь в подсобке и

надолго выходишь из зала, не отпрашиваясь. И на собрания ты не ходишь. У тебя самые высокие продажи, кто спорит, но не случится ничего страшного, если иногда ты сдашь смену вместе со всеми. Для поддержания коллективного духа?

— Я не интересуюсь спиритизмом, — бросила Лена, застегнув куртку с тем самым звуком, с каким в ужасных фильмах застёгивают молнии на трупах, и направилась к выходу, прямая, точно палку проглотила, обдав Наташу настоявшимся за день дегтярным ароматом.

Наташа оглянулась. Папа с Сашком спрятали глумливые ухмылочки. Наташа сузила глаза:

— У вас обоих даже перед праздниками не бывает таких продаж, как у Лены в обычные дни, — («И у меня тоже», — горько подумала она, отчего по-настоящему разозлилась). — Из-за Ленки наш магазин один из лучших в сети, так что зарплата всем выходит выше, и вам, между прочим, тоже! Чтобы через пять минут в зале был порядок! Берите пример с Вали, вот кто убирается, а не по коридорам подслушивает.

* * *

Лена наведалась в супермаркет. После тяжёлой непродолжительной борьбы сунув в корзинку большую банку ядовитого коктейля вместо маленькой, она доставила себе слегка винное удовольствие. Не обязательно напрягаться, наращивая дерматит, когда имеешь дурной глаз. Достаточно последить за руками нарезающей колбасу продавщицы, и тётка с плачущим голосом нянчит пострадавший палец. Приятный пусячок безо всякого дерматита. Увы, за такие фокусы денег не платят.

* * *

— Фа... а... Ххх! Фу! Перестань, успокойся, девочка!

Пятьдесят два килограмма ротвейлерного восторга традиционно впечатали в дверь сорокакилограммовую Ленину, когти передних лап нежно терзали куртку. Уворачиваясь от целящего в лицо языка, Лена сняла с крюка ружье.

— Да, мы уже идём гулять. Фаня, стой, наконец, я сказала, фу!

Бряцанье ядовитого коктейля о клёпки ошейника придавало сборам праздничное настроение. «Лена, ты опять распиваешь алкоголь с собакой-убийцей», — возбуждают дамы с собачками.

К счастью, дамы в парке уже закончились — вот и отлично, можно спустить Фанту. Паршивый день! Последний раз Лена так опростоволосилась ещё на рынке у китайцев. Она уныло скользила из одной промёрзшей лужи в другую, стараясь удержать равновесие. Может, когда-то весной и зацвели подснежники, более того, возможно, они и сейчас где-нибудь зацветают. Но в городах по весне цветёт собачье... в общем, оно. Вот сколько в парке гуляет собак, столько и зацветает, ну и пакость, выброшенная людьми за зиму, сложно сказать, что преобладает. Летом почему-то меньше заметно. Даже странно. Видимость летом лучше, а в связи с увлечением газонокосилками трава стала символической до неприличия. Сзади сурово залаяла Фанта. Мелких собачек она кушала без пыли и шума, на пьяных рычала. Лай мог означать только одно — так и есть, собака застыла, вздыбив холку,

мордой к сломанному фонарю. Этот фонарь Фанта не жаловала. Лене разбиралось любопытство, что именно с ним не так, с другой стороны, может и к лучшему, что Фанта держала причину недовольства при себе.

— Пойдём, девочка.

Парк разбили на месте кладбища. Летней порой мужички устраивались выпить на бывших могильных плитах, собачники спотыкались в многозначительных овражках об остатки чугунных оградок, а собаки надрывались воем на пустое место. И всё же с Фантой припадки медиумизма случались чаще, чем с коллегами. Давно миновав подозрительный фонарь, она продолжала ворчать, озираясь, и Лене никак не удавалось разгладить шерсть на ротвейлерном загривке. В такие моменты ей становилось не по себе в одиночестве.

Мимо прошмыгнула Настя, сморкаясь и всхлипывая на ходу. В очередной раз с Димкой поругалась. Когда-нибудь он набьёт ей морду, и поделом: самое противное, что может произойти с женщиной — это цепляться за мужика, а за такого как Димка — лучше заранее повеситься и застрелиться.

— Привет! Опять привидение встретили?

Димка-мент в своём репертуаре: в одной руке фонарик, в другой — пакет с пивом, хотя, судя по запаху, пьёт он шариковый дезодорант. Лена в очередной раз улыбнулась несоответствию верхней и нижней части соседushкиного лица. Природа и генетика пошутили над Димкой, завершив солдатский нос пунцовым ротиком-сердечком и дамским подбородком в ямочках. Такой ротик полагается стыдливо обмахивать веером, а не набивать пивными бутылками. Димкин колли Кеша мягко завертелся у Лены в ногах, подставляя для глажения то меховую попу, то уши. Ревниво рякнула Фанта, но Кеша уже переключился на неё, принялся нашёптывать любезности. Снег падал медленными хлопьями, было тепло и, несмотря на март, как-то по-новогоднему. Скамейки леденцами поблёскивали в фонарях. Далеко за парком взревел автомобиль.

— Тормоза менять вовремя надо, козёл, — прокомментировал Димка. — Пиво будешь?

— Я пиво на холоде не пью.

— Лен, позанималась бы ты с Кешей, а? Он меня не ставит тупо ни во что, — Димка уже сильно подшофе. — Лен, вот ты кинолог, ты ж в милиции работала. Фанта — конкретный милицейский ротвейлер, у неё правильные инстинкты на подкорке прошиты, не то что что у моего. Выбей из него дурь, правда, я заплачу!

— А я тебе сто раз говорила: выбивать дурь надо в первую очередь из хозяина, поэтому с твоей собакой работать бесполезно. Кстати, Кеша жрёт говно.

— Что? Ах ты...

Описав нетвёрдую дугу, фонарик ввинтился рукоятью прямо по центру привлёкшей Кешу кучи, где и затих, рассыпая по сторонам радужные блики. Лена хохотала, прихлёбывая ядовитый коктейль. Распространяясь на весь парк, до какой степени он расстроен, Димка хрустел настом к фонарю. Вокруг него скакал Кеша, благоразумно не даваясь в руки.

* * *

Классная комната кое-как намалёвана на картоне, грязно-коричневыми разводами проступающем сквозь полки с учебниками, бородатые головы великих людей на стенах и плоские силуэты одноклассников. Лена знает, что за окнами ничего нет, точно так же, как

нет выхода за дверь — её просто нельзя открыть, потому что и она нарисована. Нет воздуха и времени нет, существуют только Лена и нависшая над ней математичка Морковка. Лена старательно смотрит вниз, на парту (сквозь драный картон проступает пол). Лена не слышит, что говорит — вернее, как всегда, орёт, — Морковка, но в этом медленном мире звуки отсутствуют. Однако Лена должна посмотреть на Морковку. С трудом, точно преодолевая сопротивление воды, она поднимает голову и видит то, что ожидала увидеть: оскаленную волчью морду. Привычным усилием Лена заставляет себя всмотреться в жёлтые клыки. Мир размывается, пропадая из поля зрения.

«Волчий сон. Теперь точно какая-нибудь хрень случится, хоть с кровати не слезай — да и тогда тоже».

Окончательно проснувшись, Лена потянулась к будильнику. Полчетвёртого. На неё вопросительно глядела Инфанта фон Гамбринус.

— Спим, девочка, — пробормотала Лена, утыкаясь замёрзшим носом в спину собаки. Руки она просунула в самое тёплое местечко — на пузо между задними лапами. Ветер долбил стекло, тянул сквозняком в оконные щели. Последней мыслью было предчувствие неизбежного песка, слегка смягчённое сознанием того, что завтра выходной, а значит, песок не будет связан с покупателями.

Лена взбивала прорезиненными горными ботинками снежно-грязевую кашу. Интересно, как по таким вот лужам некоторые ныряют в кожаных сапогах? К каблукам можно привыкнуть, ну, теоретически, но к постоянно мокрым ногам? Температура вроде плюсовая, но ветерок неслабый, снег с дождём. А шапки в основном на пожилых. Лена поглубже натянула ушаночку. Бабы редко нормально одеваются, не говоря про обувь. С другой стороны, у бабушки в деревне считалось нормальным ходить босиком до ноября, а штаны бабам и зимой не полагались, чулки под коленями верёвочками подвязывали. Но! Чулки деревенской вязки, плюс ватные юбки и валенки, сверху тулуп с шерстяным платком. Может, Лена слишком повёрнута на тепле? Ещё в школе одноклассницы в любой мороз носили дутые плащики и полусапожки на картонных подмётках. Лена в рейтузах и бабушкиной шубе смотрелась на их фоне вызывающе, но мёрзнуть и тогда было выше её сил, да и бабушка ни за что бы не позволила: «Жопу отморозишь — чем рожать станешь?». Неужели можно приучить организм не передвигаться короткими перебежками, а полноценно жить зимой в одежде и обуви, придуманных для стран, где снег держится как воспоминание о ледниковом периоде? Только собачники, менты и дорожные рабочие действительно одеваются по погоде.

— Ленка! Лен-ка! Подожди, Лен! Чего вылупилась, не узнаёшь?

Лена сморгнула снежинки.

— Не говори глупостей, просто задумалась. Галка, ты откуда взялась?

— Сама не говори глупостей, я тут живу. А ты какими судьбами?

Правдивый ответ звучал бы примерно так: «Да я тоже здесь живу, просто в другую сторону от метро переехала». Дальше следовало бы добавить, что Галке Лена об этом не сказала и телефона не дала, потому что хотела типа начать новую жизнь, к тому же у Галки противная привычка стрелять деньги без отдачи.

Галка стояла перед Леной, улыбаясь и не нуждаясь в ответах. Снег таял на кудрявых волосах, точно время откатило вспять, вернув расплывшуюся площадь у метро, трамвайную остановку и Лену с камбалой в рюкзаке на шесть лет назад. Но, приглядевшись к бывшей соседке и подруге, Лена заметила, что время более чем прошло, даже чересчур. Чёрные Галкины волосы не по возрасту поседели, глаза запали в темнющие ямы, от носа ко рту легли слишком уж чёткие складки, в довершении всего и без того тщедушная Галка умудрилась похудеть до вовсе эфирного состояния. И пахло от неё незнакомо. Не то чтобы неприятно, но... Точнее сказать, от неё не пахло. Ничем.

— Как поживаешь? — выдавила Лена, и сразу решила, что сказала глупость. Отсутствие запаха пугало, захотелось уйти. Более того, убежать. Животное чувство было настолько сильным, что Лене понадобилось напрячь волю, чтобы остаться на месте.

— Лучше всех! Зашла бы в гости, подруга? Заходи, правда!

* * *

Кладбищенский забор покрасили в весёленький розовый цвет, торговки венками как будто стало больше, в психушке напротив установили пластиковые окна, а шашлычную

снесли. Дом Лениного детства целую остановку тащился вдоль трамвайных путей незыблемым в своём унынии нагромождением кирпича. Сюда заселяли одиноких пенсионеров и инвалидов, а Ленин дед с семьёй получил квартиру в качестве почётного приза после тридцатилетнего вкалывания на стройках столицы. Напротив выложенной на торце даты «тысяча девятьсот семьдесят», как и шесть лет назад, качалась на ветке пластиковая бутылка. У подъезда по-прежнему бабки, большинство из них были бабушкиными подружками и помнили Лену маленькой.

— Здравствуй, Леночка! Давно тебя не было...

Острые чутьё и слух — несомненные достоинства для собаки, но отнюдь не являются таковыми у человека со слабой нервной системой. Даже возле лифта до Лены доносились старушечьи пересуды:

— Это ж Лена, Натальяна внучка!

— ...с пятого этажа Натальи, которая в ванной убилась, когда бельё вешала.

— Вот страсти!

— ...ещё дочку у Натальи мусоровозом зашибло, прям на трамвайной остановке, а через год Наталья головой с табуретки преставилась.

— Не помню что-то таких.

— Да вы тут тогда не жили, давно было.

— И то время летит...

— ...Леночка такая была тихая, на доктора училась, а бабка с тёткой померли, спортилась девочка.

Лена в бешенстве переминалась с ноги на ногу. Проклятуший лифт покатил вниз, но дёрнулся назад под крышу, где завис, гремя цепями.

— Я пешком! — крикнула она Галке, взбегая по лестнице, но всё-таки поймала напоследок:

— Лена-то совсем Ида! Ведь вылитая!

Швартуясь, истошно взвыл лифт. Бабушкина квартира в коридоре направо от лифта, а Галкина — налево. Два одинаковых коридора, в каждом квартир по двадцать. Жаль, нельзя взглянуть на свою бывшую дверь... а, ладно, наверняка заменили. Сейчас на лестничной клетке дневная лампа, ремонт сделали, окна, и то вставили. Раньше стёкла в окнах не держались, фанера, и то недолго. Лампочки некоторые жильцы носили с собой, зато комары водились круглый год: в подвале стояло болото, иногда там тонули коты. Болото не мешало дому гореть раз в полгода (мешала расположенная напротив пожарная часть). Со времени заселения инвалиды умудрились мутировать в многосемейных алкоголиков и торговцев с Черкизовского рынка. Пенсионеры, правда, остались, даже возросли в своём количестве, перемешавшись с алкоголиками и торговцами. Милиция была в доме настолько частым гостем, что заезжала поздороваться. Однако, дом, похоже, остепенился, сдавшись под напором капитализма, во всяком случае, сменил романтично-грущобный интерьер на больничный.

На фоне окна выплыл из полузабытого «давно» Галкин силуэт с сигаретой, правая нога поджата, точно у цапли.

— Всё такая же психованная, — выходя, расплылась в улыбке Галка.

Рука на ощупь ткнула выключатель, но света не последовало.

— У тебя лампочка в прихожей перегорела! — крикнула Лена.

— Иди сюда, — позвала Галка, — на кухне светло.

Её слова соответствовали истине: все горизонтальные поверхности крошечной кухоньки покрывали мелкие круглые свечечки. Огненный стол продолжался в окне бесконечным пылающим коридором. Воздух потрескивал. Лена почувствовала себя внутри костра.

— Песец! — вырвалось у неё. — Когда ты успела их зажечь?

— Они всегда горят, — рассеянно ответила Галка.

Судя по застарелому привкусу газа в атмосфере, то же самое относилось к плите — четыре конфорки работали на полную мощность. Лена потянулась к форточке, но Галка перехватила её руку.

— Не надо! На улице холодно, проклятый холод, как же я мёрзну! — она раскрыла ладони над плитой, едва не касаясь пламени.

— Что, уходишь и оставляешь всё гореть? Пожара не боишься?

Галкины зрачки блеснули в ямах глазниц.

— Я боюсь холода. И темноты. В темноте я с ума схожу.

Лена вытерла со лба пот.

— Можно продукты в холодильник сунуть, а то камбала потечёт? Кстати, я купила сыр и лаваш, как насчёт бутербродов?

— Я не ем, — ответила Галка. — Бутерброды.

— Знаешь, а я бы на твоём месте ела, с маслом да побольше. Ты жутко похудела, подруга, хотя от меня это звучит смешно.

Есть действительно не хотелось, тут и дышать-то было трудно. Из пустого холодильника Лене на ногу вылетела огромная чугунная сковорода.

— Он давно не работает, — сообщила Галка равнодушно. — С тех пор, как электричество отключили.

— В смысле? Как отключили?

— Летом. Не помню. Людям не нравится, когда у меня есть свет, не понимаю, почему?

Лена огляделась. Признаки еды отсутствовали даже на уровне крошек. Бутылок тоже не было — ни полных, ни пустых, хотя они могли бы хоть как-то объяснить происходящее. Ещё эти свечи! Образцом нормальности Галка и в прежние времена не являлась, однако, несмотря на безалаберность и вечные поиски мужчины мечты, с жизнью она справлялась. Более-менее.

Поколебавшись, Лена сняла толстовку. Под ней была майка без рукавов, но в такой жарнице не до эстетики. Взглянув на разнесчастные Ленины локти, Галка покачала головой.

— У тебя всё болячки? А я думала, ты снова собаками занялась.

— Я в торговом центре работаю. Ну, всё шмотки, знаешь.

Галка оглядела её критически.

— Не обижайся, но с твоей... внешностью... в нормальном магазине... И возраст. Извини, просто сказала.

— Ну, ты знаешь, я умею *убеждать*, — криво усмехнулась Лена. — Достаточно, чтоб разрешили выйти на испытательный срок. Утром они фигейот, за какой радостью вчера меня допустили, но с продажами у меня нормально, и это быстро доходит до начальства. На последнем месте я уже три года. Дерматит одолевает — беру отпуск за свой счёт, на днях как раз собираюсь, — костяшками пальцев Лена бережно почесала самые зудящие места.

— Зря я тебя тогда на рынок затащила, — вздохнула Галка. — Собаки тебе больше подходят. Дрессировала бы собачек, и никаких болячек.

Лена махнула рукой.

— Ерунда! Дрессировщик я никакой, не люблю принуждать. Ну, я за мир и прочую жувачку. Отдельный адский ужас — хозяйева. В первую очередь надо работать с ними, а люди совершенно не по моей части.

— Однако людей ты очень даже принуждаешь, — подмигнула ей Галка. — Не отсюда и болячки? Совесть мучает?

— Совесть?! — возмутилась Лена. — Я ж в лучшем случае полчаса действую. Если бы придуркам не нравилось, они бы, едва отпустит, ломались возвращать товар, а вот не ломаются. Да я им жизнь облегчаю! Чайку, что ли, выпьем?

Галка уставилась на неё, напряжённо обдумывая предложение.

— Чайку? — переспросила она.

— Пить хочется, сил нет.

— Пить? Воду?! — синюшное Галкино лицо дёрнулось от отвращения.

— Можно воду, — смешалась Лена. — Что-нибудь у тебя есть попить?

В горле першило. Поскольку Галка продолжала таращиться, точно Лена предложила ей поучаствовать в обряде харакири, пришлось обслужить себя самой. В чайнике воды не оказалось. Кран издал ряд непристойных звуков, но не выдал ни капли.

— Тебе что, и воду отключили? — ахнула Лена.

— Она капала, капала, я думала, что сойду с ума. Я повернула, там, — Галка указала в сторону туалета. — И она перестала капать. Не вздумай снова лить тут воду! — в голосе Галки звякнули истерические нотки.

Страх из-за отсутствия у Галки какого-либо запаха с новой силой накатил на Лену, как возле супермаркета. «Это просто Галка», — сказала она себе, но тело не желало соглашаться, наоборот, стремилось к выходу. Разумеется, плевать Лена хотела на какое-то там тело.

— С тобой всё в порядке? — осторожно спросила она.

— Со мной? Да, конечно. Мне надо уехать. Тебе опять снился волк, — последнюю фразу Галка произнесла, констатируя факт, без удивления или любопытства.

О своих снах Лена не рассказывала никому, разве что папе, но больше никому, в этом она была совершенно уверена.

— С чего ты взяла?

— Это видно, — пожала плечами Галка.

Лена продолжила ощупывать ситуацию, аккуратно и готовясь к худшему, точно языком — дупло в зубе.

— Что мы всё обо мне? Сама-то чем занимаешься? — спросила она, надеясь, что это прозвучало весело.

Вопрос поставил Галку в тупик.

— Я? У тебя новая собака! — вдруг воскликнула она. — Ты же поклялась собак после Густы не заводить.

Не успев удивиться её осведомлённости, Лена рассказала, что бывшие коллеги из ментовского питомника затащили в гости, а там сука доходяжная, в общем, Лена её забрала.

— Но откуда ты зна...

— Не видела у ментов лаек, — перебила Галка, — да ещё таких огромных, прямо волк.

— Вообще-то Фанта ротвейлер, — медленно ответила Лена.

Галка с сомнением разглядывала что-то у неё за спиной.

— Фанта? Имя смешное, — ещё один длинный взгляд Лене через плечо. — Я в собаках не разбираюсь, но по мне эта псина больше смахивает на волка.

Лена вскочила, оборачиваясь, толкнула холодильник. Пыльные кастрюли загрохотали, сталкиваясь с крышками. Коридор был тёмн и пуст. Вот дура, в самом деле вообразила... Раздался детский плач, к ужасу Лены, из соседней комнаты. Галка убежала и вернулась с ребёнком на руках.

— Ты разбудила Нюсю! — с упрёком произнесла она.

Всклоченный деть ревел, накручивая на пальчики чёрные прядки. Глазки у Нюси были явственно раскосыми, а мордочка показалась Лене совершенно багровой — не столько от рёва, сколько от бесконечных свечей и диатезной корки.

Следующие несколько часов в Лениной памяти сохранились смутно. Галка источала флюиды безумия. Были рыдания на тему «Мать на порог не пустит, и так старшая на ней... Старшая хоть от мужа... Недельки на три... ну, на месяц! Забери!», «Если останусь здесь, умру! Я точно знаю. Ленка, это страшно!».

Лена гладила её по голове и шее, точно собаку, чуть не за ушами чесала, успокаивая. Одним из Лениных кошмаров была мысль, что, случись с ней чего ужасное, не на кого будет оставить Фанту. Взяла бы Галка Фанту? Точно взяла бы. Даже рискуя лишиться на этом деле некоторых частей тела. Она же с Августой три недели гуляла, когда Лена на сборах ногу вывихнула. Густы все боялись, а Галка больше всех, но обматывалась Густиным поводком, и вперёд. Долго потом удивлялась количеству кошек на районе. «Буквально под каждой лавкой, быстро бегают, заразы, прямо летают!».

В отношении Нюси Галка придерживалась менее аскетических установок, чем в своём собственном: в бомжпакет летели бутылки детской воды (одну из них Лена самовольно употребила) и банки с питанием. Улучив момент, Лена обнюхала девочку. Бред и ерунда, но ей стало намного спокойней, когда она убедилась, что ребёнок пахнет, и довольно сильно — невымытым ребёнком. Лучше так, чем никак!

Голову будто тряпками стянуло, дико хотелось спать и на воздух — подальше от газовой духоты. Перед глазами плавала фарфоровая баночка в переплетении цветов и иероглифов. Галка столовой ложкой черпала из неё что-то зелёное, перекладывая в склянку из-под питания, после чего банка перекочевала в бомжпакет, где упокоилась на горке памперсов. Несла при этом Галка такое, что Лена сочла за благо отключить мозг. Когда Галка принялась мазать себе этой штукой глаза, Лена сбежала.

* * *

— Что ж ты ребёночка не уймёшь? — дёрнула Лену за рукав тётка. — Мамаша тоже! За спиной болтался рюкзак, плечо оттягивал бомжпакет, а затёкшие ладони сжимали ручку коляски, в которой хныкала Нюся.

Ой, чуть свою остановку не проехала!

Коляску помог выгрузить сострадательный подросток.

— Нарожают, а заботиться не умеют! — бурчала вдогонку тётка.

Александра Порфировна поставила недопитую чашку. Эти с картошкой с ума посходили, в такую рань звонить. Картошка у них дрянь, Зинаида покупала — за неделю сгнила. Настырные! Выдвинула грузное тело из-за стола, набросила платок. Поползла по бесконечному коридору гостиничного типа, споткнувшись впотьмах об Валькины санки, лампочки опять покрали, нету на них управы. Добралась до двери.

— Кто там?

— Александра Порфировна, я Лена, помните? Из сорок седьмой квартиры.

— Лена? Это что ж, Галинина дочка с тобой?

Ида воскресшая, не знала б с пелёнок, поверила бы, что такие из гробов заново выходят. Александра Порфировна скрутила дулю в кармане от греха.

— Галина вчера ещё укатилась. Ты ушла, она следом укатилась. И дверь заперла. Она не запирала, девчонка сутками одна сидела, Валя ходила кормить, Галина и не запирала. А вчера заперла, я ж за стенкой, на слух не жалуясь.

Александра Порфировна съёжилась под Лениным взглядом, как в детстве, когда мать бранила её за съеденные сливки.

— Нет, Леночка, откуда мне её мобильный знать! Только у Гальки не то, что мобильного, у ней телефон и всё другое за неуплату отключено. Свихнулась совсем твоя Галька! Не знаю, что она у себя творила, но, пока электричество ей не отключили, то и дело весь подъезд без свету оставляла.

Лена задумалась. Александра Порфировна тихо замерла перед ней, косясь на раскосое личико Нюси в бывшей Валькиной коляске. Бедная девочка, матери не нужна, отца ищи-свищи... Соседи всё собирались милиции сообщить.

— Сдала б ты её, Леночка, куда следует? — решила Порфировна. — В детдоме сыта-одета будет. Загнётся с такой мамашей, давно бы загнулась, если б не Валя. Она бы насовсем взяла, муж против: своих деток двое.

Лена затребовала ручку с бумагой, Порфировна истомилась, ковыляя до квартиры и обратно. Тем же чёрным глазом сверлила её Ида много лет назад, когда потерялся Васька. Все знали, что Натальина Ида *отговаривает*, живых и мёртвых тоже. У Васильевны внук в армии пропал, Ида сказала, скоро письмо придёт. Месяц спустя пришло: жив, из плена высвободили. Мальчишка с шестнадцатого дома потерялся, в колодце на стройке тело сыскали, как Ида указала. Ида была тихая, к Наталье когда ни заглянешь, над бумагами корпит, чертит. Бабы предупреждали, что не любит Ида, когда к ней *за этим* ходят. Неделю кота по дворам звала, да и пошла к Иде. Дождалась, как Наталья в булочную уйдёт, и пошла. Хороший был кот Васька. Смирная Ида так-то взглядом огорошила — Порфировна и разревись, десятирублёвку в пальцах замяла, дура старая. Ида оторвала с клубка серую нитку, к стене отворотилась, постояла так, да говорит: «Иди, ни с кем не встречайся, ни с кем не разговаривай, дома нитку привяжи к спинке кровати, завтра придёт». «Заберите ваши деньги, Александра Порфировна!». Чуть свет Василий орал под дверью, грязный, ухо драное, на трёх лапах вбежал да к миске.

Бумажку с Ленкиным телефоном Александра Порфировна заложила под хлебницу. Объявится Галька, держи карман! Что ж это будет с девочкой? Всё ж в милицию сказать? К Ленке такие таскались — страх! Не лучше она Гальки. А ну их, не Порфировны это дело не

старости лет. Позвонить позвонит, коли Галька вернётся, чего ж не позвонить, себе дороже.

Нацедила валерьянки, от сердца отлегло. На кровати красовалась вышитая ещё Натальей салфеточка. Хорошая была женщина, с дочерьми не повезло, а уж внучка... Ой-ёй-ёшеньки! Сама-то что? Растила сыночку, работала, всё отдавала, замуж в другой раз не шла, хотя звали. Не звонит сынок, не ходит. И жизнь прошла.

* * *

После беседы с Порфиоровной Лена отправилась добывать Галкины контакты на рынок. Везти туда Нюсю было бы затеей странной и небезопасной, учитывая, что коляска развалилась при попытке засунуть её в лифт. Дивясь, что она не сделала этого раньше, Лена зашвырнула адскую машину в помойку и отправилась на поклон к Нине Павловне (соседке справа, с которой Лена как раз находилась в состоянии перемирия).

Свидание с рынком выдалось ностальгически приятным, хотя вряд ли можно назвать увлекательным период торговли китайским барахлом на свежем, в основном морозном, воздухе. Рынок основательно шагнул в цивилизацию — вместо завешанных тряпьем прилавков тёплые павильоны с почти сухими полами. Дело зашло настолько далеко, что Лена заметила несколько туалетных кабинок. Николай с Эдиком выползли из обновлённых закровов, улыбаясь Лене мелко и заискивающе — не вернулась ли к ним работать. И Николай, и Эдик — мирские прозвания, истинное же имя Эдика звучало как Ци Эрчжи, «грибок долголетия», у Николая попроще — Чжан Чжэнхун, «красная политика». Галку китайцы два года как выгнали: «Уходила — товар бросала, людей пугала, розетку вырвала и рукой за провод, на рынке свет сгорел, а сама целая курица осталась».

Галкиных контактов ни у кого не случилось, но все, кто её застал, в один голос уверяли, что Галка рассорилась с головой. Всё же одна продавщица недавно встретила Галку у Вани — китайца, работавшего охранником и дворником в китайском же хозмаге (торговавшем, по слухам, не только шнурками и средствами от тараканов, но и дурью). Галина-де там в подсобке чай распивала.

Насколько помнилось Лене, в вопросах расширения сознания Галка довольствовалась пивом. Дурь разом объясняла как странности в поведении, так и Нюсину национальность (прежняя Галка по китайцам не прикалывалась, предпочитая брутальных мачо солидных размеров). И всё же... это что надо употреблять, чтобы обходиться ладно без еды, но без питья... да ещё руками за провода! Такое даже в Китае вряд ли производят. Про отсутствующий запах Лена старалась не думать (почему-то это пугало сильнее всего).

* * *

— Ты хоть понимаешь, во что вляпалась? — процедил Дима, хрустнул лужей, оступился и ещё сильнее возмутился Лениной наивности. — Конкретно так, выше крыши. Ребёнок без документов, имени нормального, и то не знаешь, куда мамаша делась — без понятия, не говоря уж, когда вернётся. Да она натурально не вернётся, что к лучшему. Там не в дури дело, там крышу сорвало по полной программе, это не лечится!

— Всё я понимаю, — устало ответила Лена. — Если хочешь знать, я словно её шизой

заразилась, говорят, бывает. В тот момент всё казалось очень логичным, утром я поняла, что наделала, рванула к Галке, ну и вот.

— Да ты после разговора с бабкой должна была к участковому бежать!

Собаки мирно паслись в подтаявшем снегу. Чувствуя, что хозяйке не до неё, Фанта залегла грызть огромную дубину (строжайше запрещалось после того, как Лене пришлось лично извлекать из плотки ротвейлера вставшую поперёк корягу). В отдалении пробирались дамы с собачками, бросая на Фанту трусливые взгляды.

— Слушай, не собираюсь я ни в какую милицию, понятно?! — нахмурилась Лена. — Галка выздоровеет, вернётся, а я ей: «Извини, но я твою дочку в детдом сдала, так получилось». Круто будет.

Дима швырнул окурок в сугроб.

— Ну, допустим, вернётся — хотя я в это не верю. Но даже вернётся и захочет забрать — а ты вот так на голубом глазу вернёшь ей ребёнка? После всего того, что ты сама видела, и что тебе нарасказали?

Лена едва не ответила «с каждым может случиться», но вовремя удержалась. Чувствовала она себя страшно неуютно. Впрочем, примерно также она чувствовала себя всю жизнь и успела привыкнуть.

— Ребёнку лучше в детдоме, чем с психованной мамашей, — авторитетно изрёк Дима. — Таких баб стерилизовать надо в принудительном порядке.

— В милицию я не пойду, хватит об этом. А ты не мог бы узнать адрес Галкиной мамы? Какой-то мелкий городишко под Казанью. Передержу Нюсю пару месяцев, Галка не появится, попробую с её мамашей пообщаться. Одну внучку она уже воспитывает, вряд ли позволит, чтобы вторая в детдом попала, — Ленин голос звучал твёрдо, но в душе копошилась ледяная жаба неуверенности.

Димка набычился, разволновался. Физиономия пошла малиновыми пятнами.

— Не мог бы.

— Перестань, Дим, нашёл время капризничать!

— Не стану я тратить время на ерунду.

— Ерунду? Речь, на минуточку, о ребёнке...

— ...которому место в специальном учреждении, а не среди психбольных родственников.

— Слушай, ты вообще о моей подруге говоришь!

— Я говорю о спятившей бабе, бросившей бы ребёнка в подъезде или на вокзале, не подвернись ты. Так что заведение — самое оно, а туда девочку и без меня определяют. Заодно и поисками мамы займутся, только не найдут, будь спокойна. Девочка маленькая, могут американцы удочерить, у них это сейчас модно. У этой твоей Нюси все шансы оказаться в Штатах на солнышке.

Лена сверлила взглядом разошедшегося жлоба. Вот ведь гад! Главное, обидно, что её *способностей* хватит, чтоб утопить его, скажем, прямо сейчас в мусорном баке, но не на что-то долгоиграющее. Проблем от этих *способностей* куча, а толку...

Внезапно Димка поник.

— Я по административно-хозяйственной части, ясно? Заведующий. Не могу я тебе помочь, иди к участковому.

— Завхоз?! — развеселилась Лена.

Сплюнув, Димка быстро пошёл в направлении дома, окликая Кешу срывающимся

тенором. Лена вприпрыжку семенила следом, давясь перчаткой. Не то чтобы завхозы удерживали лидирующую позицию в Ленином списке смешных тем, но все эти рассказы про Служение Родине и Долг... Намёки об Ужасных Тайных Заговорах Против Народа. Поколения военных предков. Военное училище, после которого Димке *сделали предложение, от которого невозможно отказаться*. Боевые искусства, к опасным знатокам коих Димка себя причислял (особенно в области непознанных психотехник). Размахивание Удостоверением на гадающих в парке бомжей и Веру с Белочкой, не разделявшую политических взглядов. Правда, Удостоверение однажды пригодилось: прошлой весной под страхом Органов Димке удалось принудить водителя поливальной машины оросить облюбованный бомжами куст. Бомжи сгнули, что в лучшую сторону отразилось на количестве объедков и фекалий в парке, а Димка сделался героем среди собачников и мамаш. Справедливости ради, должности своей Димка никогда не называл, но создавал вокруг настолько густой ореол, прямо-таки тайны, если не сказать больше, что даже дамы с собачками в разговорах упоминали о нём изредка и с придыханием, как о тяжело больном.

Лена справилась со смехом, прокусив на этом деле губу.

— Дим, да погоди ты! Стой! Дим, мне же не к кому обратиться, кроме тебя.

Дима смотрел хмуро, но остановился. Его руки нервно натягивали ринговку на Кешин воротник, и всё-таки чутьё подсказывало Лене, что она на верном пути к примирению, тем более что ей не приходилось врать: она и правда не представляла, куда податься, не потратив денежных куч и не подвергнув Нюсю изъятию в детдом.

— А могу я сама подать Галку в розыск? Не рассказывая о ребёнке?

— Нет. Она совершеннолетняя, ничего у тебя не спёрла, ты ей никто.

Лена окликнула Фанту. Два человека и две собаки повернули к выходу из парка. Через дорогу тускло светил фонарём их подъезд. С деревьев капало, под ногами чавкала оттаивающая земля. Самолёт оставил мутный след между звёзд по пути, возможно, в Штаты, где ждали Нюсю богатые иностранцы.

— Дим, чем твоего сына в полтора года кормили? — вспомнила Лена уже перед лифтом. — С Нюсей в мешке было пять банок детского корма, она их съела. Я, пожалуй, переведу её на натуралку. Как думаешь, можно резко, или надо как с собаками, примешивая натуралку к корму в течение недели?

— Ты чего несёшь? Ты что, кормить её собралась?

— Нет, на ужин себе жарю! — разозлилась Лена, выскочила из лифта. Дима потащился за ней, волоча упирающегося Кешу.

— Не понесёшь сдавать? — спросил он. — И как же ты теперь?

— Каком кверху. Сказала, месяц-другой передержу, а там видно будет. В Штаты на солнышко. Эх, сама бы не отказалась!

Оставалось надеяться на запрятанный глубоко в Лене материнский инстинкт. Чем дольше Лена жила одна, тем трудней становилось переносить двуногих у себя в квартире. Правда, Нюся — беззащитный ребёнок, ни в чём не виноватая, всё такое. Маленькие дети вызывают в женщинах умиление. В нормальных женщинах. А Лена научилась держать себя в руках, правда-правда научилась, вон сколько с людьми работает, и почти никогда никого не... И это в любом случае ненадолго, а там — в Казань, в Штаты, на солнышко, и Вася-кот.

— Алёна звонила.

Дима вечно просил маму ложиться спать, не дожидаясь, когда он вернётся с прогулки, ей же на работу раньше, чем ему, но всякий раз мама упорным привидением маячила в прихожей, накинув на ночную рубашку халат. Дима злился и ругался, но поправить данное унылое зрелище было не в его силах.

— Чего ей надо? — буркнул Дима, затаскивая Кешу в ванну, лапы мыть.

— Они с мужем и Сенечкой в Анталию улетают, так что Сенечки в субботу не будет.

«Сука! Дрянь жадная, как все бабы! Плевать, что сын без отца, нашла денежного мужика, привалило счастье!».

Сквозь шум воды донёлся мамин голос:

— Настенька тоже звонила.

Кеша побежал по полу, отряхивая меха.

— Мама, полотенце давай, он палас намочит!

— Настенька звонила, — ещё более значительно повторила мама.

— Слышал. Дай же полотенце!

— Грустная такая.

Дима выпрямился, морща рот.

— Мам, отстань от меня с этой дурой! Полотенце поди повесь.

Мама водрузила руки на пухлые бока, ноги в третьей позиции. Начинается.

— Бабуля спит? — трусовато спросил Дима.

— Что ей делать в такое время! Ты разговор не переводи. И чего тебе не хватает? Девушка серьёзная, на ветеринара учится, двадцать четыре года, красавица...

— Мам, тебе очки не пора менять?

— А тебе модель подавай! Нашёл одну, надолго ли хватило с твоей зарплатой? Как мать, никто о тебе заботиться не станет. Всё же Настя хорошая девушка, скоро диплом получит, ветеринары хорошо зарабатывают, и нам бы на руку, понимаешь? Не то, что Алёна твоя распрекрасная.

— Мама!

— То-то и оно, что мама! Скоро сорок, ни семьи, ни работы нормальной, снова с Ленкой пиво пил! Пил, не отворачивайся!

— Мам, Ленка-то здесь причём? — взвыл Дима.

— Мне Вера Олеговна сегодня рассказала...

— Догадываюсь: Фанта рыкнула на Белочку. Всё, я — спать!

— Если бы ты меньше пил и ёрничал, Димочка, Алёна, возможно, не ушла бы. И с работой. У Славика фирма, Костик в Америке, да и другие ребята...

— Мам, ну почему всегда на ночь?! Со Славкиными родителями и я бы фирму открыл, а Костян — так все евреи в Америку прут, слюнтяй с чугунной задницей!

— Нравится тренировать деток — тренируй, но ты же задаром группу ведёшь, а у бабули протез изо рта вываливается...

Схватив подставку с собачьими мисками, Дима впихнул Кешу в комнату и запер дверь. Теперь мать ляжет и примется рыдать. Тихо, чтоб не разбудить бабушку, но ту танком не прошибёшь, а Диме слышно. Ух, застрелиться!

— Нина Павловна, а на носу и на щеке у неё что?

Соседка справа Нина Павловна была бабка сильная и смелая, но в целом соответствовала следующему описанию: «Недостаточность функции щитовидной железы у взрослого человека ведёт к развитию микседемы (слизистый отёк). При этом заболевании снижается обмен веществ и температура тела, масса тела увеличивается, появляются отёчность, одутловатость лица и нарушается психика».

— С котиком игралась, — выставив верхний из трёх подбородков, ответила Нина Павловна. — Лен, чего-то она мелкая какая, и зубиков два всего. Ты возраст ей точно не пугаешь? Полтора года, а не ходит. Сказала б подруге, чтобы доктору девочку показать.

Основательно перепачканный кашей и шерстью из котика предмет разговора сидел на тахте, бросая на Нину Павловну и Лену полные недоверия взгляды. Глубокая царапина от уха до глаза прорезала в диатезе идеальную дугу, придавая личику infernalную мрачность. У мамашиного третьего мужа дяди Вали, театрального художника и любителя Востока, по всей квартире висели японские гравюры. Изображались там страшные и беспредельные вещи вроде голодных духов, потрошивших крестьян. Особенно пугала одиннадцатилетнюю Лену ведьма — смуглая до черноты, косоглазая, с под корень выстриженной чёлкой и двумя торчащими зубами. Это была копия с древнеяпонского авторитета по ужасам, выполненная лично дядей Валей на чёрной доске, висела она над диваном, на котором скончалась дяди-Валина мать и спала Лена, считавшая ведьму портретом покойной (всё вместе доставляло массу приколов по ночам). Так вот кого ей всё время напоминала Нюся! Лена впервые почувствовала к ребёнку нечто вроде смутной симпатии.

— Обязательно скажу, Нина Павловна.

Лена старалась дышать ртом — в Нининой квартире преобладали ароматы котика и собственных Нининых тошнотворных лекарств.

— Скажи-скажи, ну как дурочка, пускай полечат. Мои оба в шесть месяцев бегали, в полтора года болтали всюю, а эта только жрёт да рыкает, аж котик писается. Второй день с ней сижу, так сердце уже колотит.

Гы, любимая песня мамыши, что сестрёнка Лидочка в год шпарила Пушкина наизусть под восхищённые взгляды. Ерунда — Пушкин, но что правда, то правда — до Лидочки Нюсе как до звезды ползком. Лидочка была картиночным младенцем: розовенькая, в кудряшках, ямочки на положенных местах, и, что важно, не орала. Одно время Лена серьёзно подозревала, что мать с дядей Валей подрезали Лидочке голосовые связки, потому что главным мамашиним воспоминанием о Ленином младенчестве был непрерывный ор. Ну и болезни, разумеется. Лидочка не болела совсем. Не девочка, мечта. Оставалось удивляться, как такой ангелочек привил Лене столь прочную ненависть к детям. Лена посмотрела на Нюсю. Бывают дети, которых с первого взгляда хочется куда-то сбегать. Лена была именно таким ребёнком. Новый прилив симпатии к Нюсе.

— Ну, управилась? Денег-то дали? — строго осведомилась Нина Павловна.

— Всё хорошо, с сегодняшнего дня я в отпуске. Возьмите, пожалуйста.

— Ай, спасибо!

Нина Павловна поднялась, колыхнув телесами и порадовав ноздри Лены сложным коктейлем аптечно-кухонных запахов. Несколько Лениных бумажек исчезли в кармане Нининового халата.

— Котик совсем измотал! Я его в таз с холодной водой кунаю-кунаю, а он кошечку просит, квартиру протушил, проклятый. Хорошо, на кастрюлю скидки пенсионерам в нашей

лечебнице. Ты обращайся, коли отъехать надо. Чужого ребёнка не каждая возьмёт, такая обуза. А уж жрёт — прямо с голодного края! Проверь, нет ли у неё глистиков.

— До свидания, Нина Павловна, — сказала Лена, глядя в бок. — Вы меня очень выручили.

Взятая на руки обуза взвыла так, что Лена едва её не выронила. Стоит прикупить беруши.

* * *

— О тебе ходят жуткие слухи! — с удовольствием поведал Димка. — Что за... а, вот, теперь порядок. Винты неродные, поэтому прыгать не стоит, в остальном нормальная кровать, матрас ортопедический.

Лена с Нюсей глазели на новую Нюсину кровать (в прошлом старую кровать Диминого сына). Свирепо поджав губу, Нюся поползла исследовать незнакомую хрень. Встала, держась за перила. Оглянулась на Лену, издала утробный рык и сунула в рот отвёртку. Удивляясь глубине детской глотки, Лена изъяла инструмент, заменив пустой пластиковой бутылкой (в игрушках отмечался приметный недостаток). От Нюсиного вопля Дима содрогнулся, а Фанта, укоризненно поджав обрубок, удалилась на кухню. Лена вынесла ребёнка в соседнюю комнату, где и закрыла. Вопли стихли.

— Сработало, — удовлетворённо констатировала Лена. — Понимаешь, её можно заткнуть, только изолировав в пустой комнате. Надеюсь, скоро выработается условный рефлекс.

— Это как? Будет сама себя закрывать? — поинтересовался Дима.

— Хотя бы. Ну, или орать перестанет.

Лена открыла дверь, Нюся, как ни в чём не бывало, поползла к кровати.

— А ты уверена, что это педагогично?

— Нет. Но беруши не помогают, а если слушать ор по несколько раз в час, я свихнусь и выкину её в окно. Вряд ли это будет педагогичней. В интернете предлагают обнимать, пока не замолчит, но от этого она ещё громче орёт, плюс лягается как хорошая лошадь. Ещё предлагают отвлекать и развлекать. Прикинь, ты начнёшь развлекать Кешу, едва он поднимет брёх на весь дом. Ага,крепишь положительным подкреплением негативное поведение, сам охренеешь, в конце концов, разорёшься и выпорешь. При этом собак так и не поймёт, почему поощряли, а теперь за это же самое порют. Странное что-то в интернете с педагогикой, по дрессировке гораздо больше годных рекомендаций.

— У тебя слишком собачий подход! — возмутился Дима, отодвигая ногу от Нюси, пытавшейся грызть его тапок.

Лена пожалала плечами.

— На данном этапе Нюся куда ближе к Кеше, чем к человеку.

Правда заключалась в том, что педагогика и детская психика слабо занимали Лену, которой было не до жиру, потому что вопли раздражали зверски, а контролировать себя каждую секунду утомительно. Лена ни разу не применяла к Нюсе *способности*: стоит начать, и фиг остановишься. Это как с поркой — может сделаться единственным аргументом попросту в силу привычки обеих сторон, среди собачников полно примеров, да и среди родителей не меньше. Однако устала Лена ужасно, а ничто так не вредит

самоконтролю, как усталость, конца которой не видно. Несколько алкашей возле супермаркета крепко расшиблись об стены после особо показательных Нюсиных выступлений, а от метро в панике эвакуировалась свора собак, не боявшаяся ни яду, ни отстрела. Положим, свору давно пора было пугнуть, но старичка-соседа действительно жаль: мыл памятник Волге на весеннем солнышке перед подъездом, и вдруг ни с того, ни с сего надел себе на голову ведро грязной воды. Гадость какая глупая! Плевать, короче, на педагогику — всеобщая безопасность требовала ввести Нюсю в как можно менее раздражающие рамки, и как можно скорей.

— Так какие обо мне ходят слухи? — напомнила Лена.

Дима замялся, но рассказал:

— Что ты по пьяни залетела от дворника-киргиза, сдала ребёнка в детдом, но совесть замучила, и ты её забрала. А теперь стесняешься показывать на улице.

Лена аккуратно поправила отпавшую челюсть.

— Чего?! Ха! Нина, чтоб её приподняло да пришлёпнуло!

— Кстати, ты сама подпитываешь слухи: с детьми, между прочим, полагается гулять.

— А жрать нам полагается или как?! — вяло огрызнулась Лена. — Коляски нет — полдела, но шмотки, что дала Галка, пришлось выкинуть, не то квартира б на фиг провоняла. Купи я Нюське прогулочную амуницию, придётся завязывать с едой или выходить на работу, и тогда Нюсю двое суток через двое Нине оставлять. Базару нет, я детей терпеть не могу, но карму портить обидно.

Нюся вписалась к Лене на колени с Диминым тапком в ручке. Горделиво посмотрела на Диму, моргнула и замерла, закрыв глаза, с удивлённо-разглядывающим выражением на личике. От растерянности Дима показал Нюсе язык. Та подскочила, взмахнула ручками, разулыбалась и издала нечто среднее между рыком бабуина и кошачьим визгом, что, вероятно, обозначало смех. Открыла глаза. Личико сделалось озадаченным. Снова закрыла — новый приступ «смеха».

— Странная она всё-таки, — поёжился Дима. — Часто она... так?

Лена кивнула.

— Часто играет, закрыв глаза. Вопила только первые дни, когда я входила. Ладно бы при виде меня, это я ещё могу понять, но глаза у неё были закрыты. А я не парюсь, меня саму мамаша всю жизнь психованной считает. Довези она меня хотя бы до половины докторов, к которым собиралась, лежать мне сейчас зафиксированной в палате для буйных. Хорошо, бабушка отстояла, да и мамаше было не до меня.

Не сводя с Димы тушью прорисованных глазок, Нюся залилась лаем — невероятно похожим на Фантин, хоть и выше на несколько октав.

— Здорово, правда? — расплылась в улыбке Лена и незаметно для себя чмокнула ребёнка в лохматую макушку. — У Нюси талант к звукоподражанию, скоро заговорит. Мне кажется, ей нечасто приходилось общаться с людьми, отсюда и голос странный.

Дима принялся собирать инструменты в специальный щёгольский чемодан.

— Нормальная девка. Чем это ты ей диатез вылечила? У Сеньки часто бывает от конфет.

— Сразу говорю — не дам, и не проси, — придерживая Нюсю, Лена достала из буфета фарфоровую баночку, ярко разрисованную цветами и иероглифами.

Дима открыл тугую крышку, ядовито-зелёное содержимое пахло не то сеном, не то вареньем.

— Что это?

— Галка дала, небось, у китайцев выклянчила, у них полно народных средств. Гнала совсем уже полную пургу, что этим надо мазать Нюсе глазки, а то нечисть вселится. Ну, нечисти у нас нет, зато диатеза были полные штаны. Мазнула я Нюсе попу, утром — гладенько. Да ты смотри! — Лена вытянула руку. — Видишь? Пальцы зажали, куда мазь попала! Прямо мгновенно! Хотя мне ни разу ничего толком не помогало! Дим, ты, конечно, душка, спасибо за кроватку, но Сенька твой без конфет перебьётся, а у меня дерматит — большая тема.

* * *

Отношения детей и собак часто далеки от идиллии.

Полчаса назад, извиваясь и пыхтя, Нюся достала восемь теннисных мячей из-под огромной кровати (единственной Лениной уступке факту, что мебель продолжают выпускать и после того, как дед купил на новоселье платяной шкаф). Теперь растерянный ребёнок сидел у невидимого забора, делившего в собачьем сознании кровать на две половины, а Фанта бранчливым рывканьем пресекала малейшую ребёнку попытку дотронуться до любого из обрётённых экстремальным ползаньем трофеев. Лена отметила верность поговорки, водрузившей «на сено» именно собаку. Из чувства справедливости она своею властью распорядилась половиной мячей в Нюсину пользу. Девочка с восторженным визгом отдала их собаке, тут же вернувшейся в оборонительную позицию.

В соседней комнате очнулся телефон: кто-то попал не туда или отчаянно мечтал продать пылесос. Уж лучше б пылесос! Свидетели Иеговы тоже сойдут... Сестрица Лидочка была единственным человеком, беспокоившим Лену праздничными поздравлениями, но ведь восьмое марта благополучно миновало почти неделю назад...

— С восьмым марта, Лен! До тебя не дозвонишься, мы уже начали беспокоиться.

— Привет. Да я заранее телефон отключала, а сегодня сдуру назад врубила.

Праздники — условность и фигня. Из года в год проводить их дома и в одиночестве иногда приятно, иногда противно, по настроению. Что совершенно точно противно, так это когда кто-то в курсе данной особенности твоего быта, тем более кто-то, сто процентов празднующий, как положено. Одинокий человек необязательно несчастен, как и наоборот. Однако быть одиноким — неприлично. Раз ты одинок, значит, с тобой что-то не в порядке, так считает общественное мнение. И оно право. Взять хотя бы Веру с Белочкой, даму-судмедэксперта настолько радикальных взглядов, что после неудачных выборов встречаться с ней в парке небезопасно даже при наличии ротвейлера. Или Страшную Бабку (пятьдесят кошек на квадратный метр, соседи не подают в суд только потому, что давно подали, и это не помогло). Или Лену.

Лидочка в абсолютном порядке, она отвечает чаяниям общества, современная молодая женщина. У Лидочки муж, у Лидочки двое детишек-близнецов, Платон и Василиса (дурацкие имена). Но Лидочка не просто жена богатого мужа, Лидочка — психолог, у неё своя практика, хотя ей всего двадцать шесть. И даже к ней люди ходят. Мать с очередным супругом и сыном живёт в том же коттеджном посёлке, что и Лидочка, в доме напротив. Лидочкин муж его им купил. Матери с Лидочкой повезло. Лена знала о сестре гораздо больше, чем хотела, потому что Лидочка предавала огромное значение семейным узам и

названивала по праздникам.

Последний раз Лена встречалась с Лидочкой сразу после того, как та окончила школу и посетила Родину Предков (развалины бабушки с дедом деревни). Встреча не задалась: Лене было крепко не до сестры, рассказов о деревне она выше крыши наслушалась от бабушки, а главное — с детства ненавидела как раз такой тип девочек-симпатяжечек, отличниц со светленькими кудряшками и губками бантиком. Особенно если они добренькие и весёленькие, стервозные гримзы всё же не так противны. Лена могла поклясться, что понравилась Лиде не больше, чем та — ей, но с тех пор сестрица упорно проявляла родственные чувства. Как только телефон раздобыла после Лениного скоростного переезда? Зараза неотвязная.

Фанта клевала носом, голова медленно опускалась на лапы в рыжих носках. Нюся схватила мяч, торжествуяще взвыла и поползла прятаться за Лену. Фанта рыкнула вслед, мяч выпал из ослабевшей от страха ручки, угодив в ротвейлерную пасть. Нюся не замедлила поведать миру, как сильно он к ней несправедлив.

— У тебя ребёнок? — Лида изумлённо затрепетала на своём конце провода.

— Надо же чем-то кормить собаку, — выпалила Лена неуклюже. — Погоди.

В Лениных руках девочка совершила краткий перелёт в сторону кресла, где утихла, пытаясь затолкать себе в пасть отвоёванный мяч. Выходило хуже, чем у Фанты (сказывалась разница в размерах пасти), но Нюся отличалась настойчивостью.

«Отличницей будет», — решила Лена.

— Ты усыновила?! — громким шёпотом спросила Лидка.

Лену передёрнуло.

— Родила, — прошипела она.

А при рахите рекомендованы прогулки на свежем воздухе. Такого рахита, как у Нюси, Лена не встречала даже у щенков с Птичьего рынка (наверно, не доживают). Зря она так с Лидкой: в психологи от хорошей жизни не идут, у Лиды, наверно, травмы детства просто чудовищные. Угораздило ж её родиться настолько белой и пушистой в такой неидеальной семейке!

— Прости, Лид, я немного нервничаю. Подруга заболела, я согласилась посидеть, пока лечится. Слушай... мм... такое дело... У тебя детских штанов и курток не осталось года на полтора? И ботинок?

Пару дней спустя пухлый молодой человек, назвавшийся Ромой и сыном Лидкиного мужа, привёз багажник детского добра. Нюся оказалась экипирована на все случаи жизни, причём экипирована роскошно. Девочкой Лена не играла в куклы, но, переодевая Нюсю из бархатного сарафанчика в платье с шёлковыми розами на поясе, распробовала приколы. Нюся похлопывала себя по вышитой грудке, потрясала ножками в малиновых лаковых туфельках и рычала. Не считая падения с лошадки-каталки, день прошёл в восторгах и умилении. Вот только пижонская коляска не вписалась в лифт, совмещённый с мусоропроводом. Рома посоветовал загнать её через интернет, что Лена успешно проделала. На коляски она решила забить, раз уж Нюсе пора носиться антилопой (по мнению Нины Павловны, Лидки и интернета).

Весна началась и кончилась, а на Ленином ремне кончились дырки. Ставшая пугающе широкой одежда полоскалась на ней унылым мешком. Похудение, или, в данном случае, исхудание, объяснялось не только успехами на ниве укрощения гнева, смирения и кротости, хотя в этих дисциплинах Лена, по собственному мнению, переплюнула всех йогов в горах Кавказа. В довершение к нравственным, на Лену свалились мучения физические. Каждое утро и каждый вечер Нюсе подмышки просовывался шарф, и Лена таскала по парку необычайно тяжёлого ребёнка под аккомпанемент ребёнковых воплей (сердобольные прохожие нейтрализовывались Фантой). В мае Нюся уже топала впереди собаки, но падала часто вставала с трудом и при этом тоже, в общем, не молчала. Главной её реакцией на окружающий мир по-прежнему оставался ор — восторженный или гневный, но одинаково за пределами болевого порога.

Ленины нервы превратились в подобие ниток, изодранных котёнком и растащенных им же по квартире. Сладостный голос Александры Порфирьевны бесконечно нашёптывал ей во сне, что Галка разыскивает любимое дитяtko, но всякий раз Лена просыпалась от хриплого рёва, которым Нюся возвещала миру о своём пробуждении. Недалёкая от того, чтобы перенять эту привычку, Лена стала философски относиться к рассказам о родителях, выкинувших детку в окно. Не то чтобы она их оправдывала, просто поняла, насколько легко такое может случиться.

Мало-помалу в Нюсиных воплях проявились девчочковые нотки, а ещё Нюся научилась смеяться — не сказать, чтобы совсем по-человечески, но сомнений, что она смеётся, больше не возникало. К лету в выпускаемых Нюсей звуках обозначились «баба» (собака), «дай» и прочие прелести лепета, включая «маму» — последнее вводило Лену в ступор, но до разъяснительных бесед о тонкостях кровного родства оппонент явно не дозрел.

Ночью парк принадлежал парочкам, алкашам и нарядам милиции, сменявшимся на восходе таджиками в оранжевых жилетах. За дворниками выползали собачники, чтобы вернуться вечером для более основательного выгула. Между утренними и вечерними собачниками население парка составляли бабульки, а также мамашки с колясками.

К мамашкам Лена относилась примерно как курильщик — к тактичным напоминаниям о раке на сигаретных пачках. Бабушка воспитала её в убеждении, что женщина обречена на материнство, а те, у кого не вышло — самые несчастные уродины и есть. Глядя на тётю Иду и нескольких бабушкиных подруг, Лена бабушке верила, и всё же не ощущала ни материнского инстинкта, ни пресловутых биологических часов. Зато более чем ощущала общественное мнение. Не то чтобы на неё бросались прохожие, призывая размножаться. Друзей, тем более способных на подобные призывы, у Лены не водилось, родственники не баловали её своим присутствием, а на посторонних она клала. Однако положить на общество в целом, продолжая в нём существовать, примерно так же легко, как найти толику кислорода в парке, удачно втиснутом между шестиполосной трассой и моторостроительным заводом. Общества много. Оно разговаривает миллиардами ртов, демонстрирует примеры из жизни, рекламные постеры, снимает кино и пишет буквы. Общество запрограммировано на размножение, что понятно, но ужасно неприятно, если размножение не входит в твои личные планы, и вдобавок тебя угораздило родиться женщиной.

В зачатие от гастарбайтера поверили решительно все, даже Димка посматривал задумчиво: идея «просто так взять чужого ребёнка» в народные умы не вписывалась. Своей в дневном парке Лена, естественно, не стала, как не была своей в утреннем и вечернем парке собачников (да и вообще нигде). Однако соседки начали с ней здороваться и затевать

разговоры на детские темы. Димкина мать Татьяна Викторовна разразилась пирожками. Старушки строили Нюсе умильные глазки, а самые смелые мамашки повели детей на невиданный аттракцион: «собака-убийца пожирает палку». Лена удивлялась и смеялась. На детской площадке водилась дама, усыновившая мальчика, бедняжке сочувствовали, заводя разговоры об ужасах генетики и чудесах искусственного оплодотворения. Лену же ласкали повсеместно, хотя ещё недавно сторонились в качестве вздорной и пьющей владелицы ротвейлера с неуравновешенной психикой, каковой она и осталась. Всё вышеперечисленное превратилось в простительные слабости, стоило Лене, с лёгкого языка Нины Павловны, сдать в детдом и вернуть обратно кровиночку.

Ведя Нюсю на прогулку, Лена косилась на прохожих горделиво. Выкусите — «яжемать»! Я — соответствую, я — как полагается. Упиваться новым ощущением мешала мысль, что упивается Лена не по праву. С другой стороны, соответствие общечеловеческим ценностям вещь приятная, но подписываться ради этого на пожизненную возню с дитём — чересчур.

Интересно, сколько мамашек катает колясочки только потому, что общество давит ценностями, а часы тикают, и ничего другого вроде как не выдумывается, тем более что во всех случаях это самое, которое не придумывается, ненормально, а нормально для женщины быть матерью? Фиг кто признается, так можно и единственного бонуса лишиться — ну, причастности к ценностям, ради чего всё и затевалось. Ведь полагается не только быть матерью, но и наслаждаться, а не вышло наслаждаться, значит, ещё худший урод, и уже никаких оправданий типа болееешь или не сложилось. Уродом быть противно, Лена могла бы много порассказать на эту тему из личного опыта. Как же всё-таки здорово, что ей не надо становиться Нюсе настоящей матерью и уж тем более получать от этого удовольствие в обязательном порядке.

* * *

Год прошёл гораздо менее апокалиптично, чем мог бы. Лена не сошла с ума и никого не ужокошила, девочка под кодовым именем Нюся невероятно разрослась, а также освоила человеческую речь (кроме шипящих и рычащих, несмотря на солидное время, посвящаемое рыку). Собака Инфанта фон Гамбринус по-прежнему ела палки и представителей своего вида ниже колена.

Даже финансовые бури не потрепали идиллию. Татьяна Викторовна вышла на пенсию по уходу за свекровью, в результате чего дружный коллектив магазина вновь обрёл любимую коллегу, осознавший, как много он был лишён, Армен поднял Лене зарплату, а Татьяна Викторовна получила прибавку к пенсии и долгожданную возможность понянчить девочку. В порыве чувств она призналась Лене, что тайком от мужа, настоящего полковника и сына красного командира, наряжала Димку девочкой до трёх лет (дело едва не кончилось разводом, когда муж её застукал). После этого признания Лене стало трудно общаться с соседом. Слушая очередные телеги по поводу боевых искусств, она изо всех сил старалась выдать с поля внутреннего зрения фотографию, показанную Татьяной Викторовной за чашечкой чая: кудрявый херувим немислимой белокурости и розовощёкости в дамской комбинации с кружевами и пурпурным бантом. Строго говоря, девочка из Димки была не в пример симпатичней, чем из Лены, сколько ни наряжала её мать в наряды, шитые по

модным заграничным журнальчикам. Мать была отличной портнихой, её услугами в своё время пользовался весь московский бомонд, но оборочки и рюшечки мистическим образом теряли очарование, войдя в соприкосновение с Леной. К счастью, мать ограничилась двумя попытками воссоединиться со старшей дочерью, а бабушкины эстетические амбиции не простирались дальше вязания салфеточек и носков на продажу.

Осень прогнала лето, зима явилась на смену. Ленин круг общения расширился за счёт Ромы, принявшего на себя роль добровольного, и, что важно, дармового водителя при Лене и Нюсе. Возникший, по обыкновению, из ниоткуда папа организовал осмотр всего ребёнка в огромной клинике, после чего исчез (как обычно). Нюсю потребовалось возить на массаж и в бассейн, а Рома маялся пропастью свободного времени и нехваткой общения за пределами компьютера. Под его руководством Лена открыла для себя аниме.

До знакомства с Ромой Ленины способы ухода от реальности состояли из алкоголя, запойного несистематизированного чтения и фильмов про вампиров. Капризный Ленин организм неизбежно извергал излишки спиртного, что спасало от алкоголизма, но до обидного брутально шмякало мордой об реальность. Читать Лену приучила бабушка, работавшая в библиотеке уборщицей, гардеробщицей, а также прислугой за всё. Хорошая книга о, скажем, процессах над оборотнями в шестнадцатом веке, позволяла оторваться до состояния практически полной невесомости. Фильмы действовали ещё сильнее, но, увы, новые появлялись настолько редко, что промежуток между ними воспринимался как боль. Зато аниме оказалось непаханой поляной, а Рома — многоопытным гуру. Тут Ленину крышу серьёзно поддержали необходимость работать и наличие Нюси. Она отдавала себе отчёт, что без принудительных контактов с реальным миром впадёт в состояние Страшной Бабки, если не круче. Интересно, как удавалось держаться на плаву Роме — при минимуме внешних контактов и деятельности на пользу общества. Или не удавалось?

Квёлый май выродился в прохладный июнь, оттеснённый немислимой июльской жарой. Хуже всего приходилось Фанте, распластавшейся жарким пузом на не менее жарком кафеле в коридоре (Лена сбрызгивала собаку из пульверизатора для цветов). Население разбежалось кто куда — самые удачливые на море, те, кому повезло меньше — на дачи. Пасынки судьбы, клерки из окрестных офисов, забились в свои плохо кондиционированные норы, что положительным образом сказалось на санитарном состоянии парка. Димка проводил на даче всё свободное время. Бродя в одиночестве по жёсткой проволоке, недавно именовавшейся травой, Лена размышляла о путаных и сложных вещах.

За год Галка не подала признаков жизни, и ничто не предвещало, что она сделает это в ближайшие годы. Между прочим, некоторые дети с документами ходят в сад, в школу, а ещё их бесплатно обслуживают в поликлиниках. Димка уверял, что если Лена соберёт необходимую кучу справок и объявит Нюсю найденной в капусте, то Нюсю ей, скорее всего, оставят. Лена сомневалась: могут и изъять, а там нахлынут американцы... Думать об этом не хотелось, сколько ни обзывала себя Лена эгоистичной сволочью. На сене, ты, Леночка, запросто оставишь любую собаку: и тебе без ребёнка спокойней, и у неё без тебя появится шанс на любящих богатеньких папу с мамой. На нормальную, то есть, жизнь. Да она же тебя бесит, по правде говоря, так чего ты гавкаешь?! Лена слышала о больных, настолько свикшихся с болезнью, что порвут глотку любому, кто попробует их вылечить. Если родительская любовь — примерно то же самое, тогда она, похоже, проклюнулась в Лене. Какая засада.

Оказаться привязанной ужасно, нельзя привязываться ни к кому и ни к чему, никогда

нельзя привязываться. Лена дважды пережила *это*: с бабушкой и с Густей, сплясала на игле безумия, на третий раз сил не осталось. Забирая у ментов скелет ротвейлера, она сознательно подписалась на этот третий, последний, раз: им обоим было нечего терять. Кирдык Фанте — кирдык и Лениной крыше. С другой стороны, Нюсе тоже нечего терять. Американцы, держи карман! Сам факт, что ребёнок родился у Галки и угодил к Лене, говорил о совершенно определённом вывихе ребёнкиной судьбы. С такими вывихами к американцам не попадают, разве что семейка Адамс заинтересуется. Шкурой ощущая течения судеб, сопротивляться которым бессмысленно, Лена медлила, не могла себя заставить приступить к собиранию кучи.

* * *

От жары не было спасения даже за городом. Окна южной гостиной закрывали льняные портьеры и, поверх, индийские плотные с геометрическим орнаментом. Марокканская лампа разбрасывала цветные трапеции по коврам, привезённым Лидой и Олегом из Туниса, по низеньким, в восточном вкусе, креслицам. Дымок из курильницы вился к потолку радужными струйками. Запах сандала мешался с запахом булочек с корицей, которые так ловко удавались домработнице.

Лида сидела на большой подушке перед сундуком, выполнявшим роль столика (Олег купил его в мадридском антикварном магазинчике во время их свадебного путешествия по Европе). Безумно хотелось принять душ, полежать в одиночестве, закрыв глаза, прийти в себя. Последняя на сегодня пациентка гораздо больше нуждалась в услугах эндокринолога, нежели психолога (позвонить Павлу Викторовичу, пусть осмотрит). Бросив в бокал несколько кубиков фруктового льда, Лида залила их домашним лимонадом и протянула маме.

Ольга Леонидовна сделала несколько осторожных глотков, чтобы не застудить горло.

— Лида, умоляю, убери булочки! Попроси эту... как её...

— Иру, мама.

— У меня не настолько хорошая память, чтобы помнить имена домработниц. Вот она, а главное, ты, могли бы запомнить, что я не ем сдобу, а после семи ем только зелёные яблоки. Ты куда?

— На кухню, мама. Ты хотела яблок.

— Сядь, я ненадолго: Марк не любит оставаться вечером один. А ты, между нами говоря, слишком много времени проводишь на работе. Главная работа для женщины — заботиться о комфорте мужа. Если бы женщины об этом помнили, у тебя было бы меньше пациентов. Дай мне булочку, будь добра.

— Олег занятой человек и возвращается домой позже меня, — улыбнулась Лида.

— Олег — мужчина. Работа плохо отражается на внешности! У тебя усталый вид, будь добра привести себя в порядок до возвращения мужа. Впрочем, я зашла по поводу Лены. С ней надо серьёзно поговорить, но лучше бы она приехала одна.

— Мама, будет детский праздник. В любом случае Лена не приедет, она занята на работе. Рома привезёт Нюсю к нам, а вечером отвезёт обратно.

— Чем ты только думаешь? Эта девочка — дочь гастарбайтера, алкоголички и проститутки, у Лены просто не может быть нормальных подруг! Надеюсь, дети не успеют

нахвататься глупостей.

— Успокойся, мама, всё пройдёт отлично. Позвать Ваську с Платошей?

— Не сейчас, я устала.

— Хорошо. Ты хотела поговорить с Леной? О чём?

— Не я, а ты. Прошёл год, так называемая мамаша окончательно пропала, чего и следовало ожидать. Пора пристроить этого ребёнка куда-нибудь. Что касается Лены, то, я считаю, усыновление — её единственный шанс не опуститься окончательно. Одинокие женщины... в определённом возрасте... — красивые губы Ольги Леонидовны подёрнулись брезгливой гримаской. — Надо подобрать что-нибудь приличной национальности и от менее маргинальных родителей. У тебя связи в этих кругах. Пригласи Лену в кафе, если у неё нет денег, можно за неё заплатить, наконец.

— Мне кажется, не стоит вмешиваться в Ленины дела, — доброжелательно сказала Лида.

— Что значит «не вмешиваться»? Я не была ей идеальной матерью, но мы не перестали быть семьёй, ты первая то и дело об этом напоминаешь. Даже чаще, чем следует.

Изумрудные слёзки Лидиных серёг качнулись на золотистых нитях.

— Прости, мама, но на эту тему говори с Леной сама, если хочешь, — Какие глупости! Я не могу с ней общаться! Добиваешься, чтобы у меня сделался приступ?!

— Приступ чего? — улыбнулась Лида.

Ольга Леонидовна страдальчески повела округлыми плечами.

— Она нагрубит, я разнервничаюсь и попаду в больницу, Марк останется один, а у него срочный заказ для телевидения, ему необходима спокойная творческая обстановка...

— Так оставь Лену в покое.

— Значит, ты твёрдо решила и дальше пренебрегать проблемами единственной сестры?

— Насколько я знаю Лену, она в состоянии решить свои проблемы, — ответила Лида. — Если, конечно, они есть. На её взгляд.

* * *

Лене снились поминки тёти Иды.

Во сне, как много лет назад наяву, их старая квартирка кишела старушками, их шёпотом, шарканьем тапок в тесной комнате, скрипом деревянного пола под негнушимися старческими ногами. А зеркала были завешаны простынями — даже маленькое зеркало на буфете бабушка ухитрилась прикрыть салфеткой. И свет горел неярко. Зная, что спит, Лена захотела встретить бабушку, выскользнула в прихожую. «...Живи спокойно, коль совесть позволяет. Ленке досталось», — прошелестел бабушкин голос. Оглянувшись, Лена увидела лицо матери, настороженное и радостное одновременно. Точно, мать явилась на поминки, хотя её не ждали, Лена подслушала их с бабушкой разговор, когда несла на кухню грязные тарелки. «Иди, иди ты!», — крикнула бабушка. Лена попятилась, как тогда, с тарелками, испугалась, что сейчас столкнётся сама с собой и оказалась в пустоте.

Волк переминался с лапы на лапу, виляя хвостом. Лена протянула руку — иногда во сне нет выбора. Зажмурившаяся от отвращения, она ощутила прикосновение собачьих мягких губ, язык, лижущий ладонь. Волк ел у неё с руки — что, она не разглядела. Проснулась Лена в ужасе. Гадость! Гадость! Что же теперь случится?

Вышла на балкон, закурила.

Когда сообщили, что тётю сбил грузовик, бабушка сказала: «Отмучалась». А Лене было стыдно и легко: легко оттого, что тётю убрали из её жизни так быстро и опрятно, а стыдно — потому что ей ни капли тётю не жалко. К душе прилип репейник опасения, как бы тётя не повадилась сниться на пару с волком, доконали бы вдвоём. Когда тётя уходила в магазин, они с Леной крупно поругались. Хуже, чем обычно. Лена кричала, что без тёти им с бабушкой жилось бы лучше. Она действительно так считала (бабушка, скорей всего, тоже).

После поминок бабушка как-то долго возилась в постели, Лена собралась принести ей корвалола, как увидела тётю Иду, стоявшую спиной к настольной лампе, прикрытой бабушкиным байковым халатом в пионах. «Вот зараза! Приснилась-таки». Лена изо всех сил всматривалась в тётини сапоги — более чем достаточно, чтобы проснуться, если действительно спишь. Рассмотрела каждую замазанную ваксой трещинку на носках сапог, хлопковые бурые чулки в брызгах весенней грязи, обтрепавшийся подол пальто. По словам участкового, тётю отбросило затылком о бордюр. Повезло, что по асфальту не размазало — пришлось бы рассмотреть много интересного. Кисти рук в голубых прожилках, с аккуратно-мелкими ногтями, под ногтём мизинца невычищенная точка чернил. Ещё немного, и придётся заглянуть в лицо. Оттягивая этот момент, Лена задержалась на пуговицах, дутых, на ножках, как грибки. «Возьми, вот тебе». Тётя Ида вдела ей серёжку в левое ухо. От укола Лена и проснулась. Или не проснулась, потому что не спала.

Ухо чуточку поболело, бабушка заметила на мочке родинку, которой раньше будто бы не имелось (две недели дулась и ходила с убитым видом). Больше тётя Лену не беспокоила, и на том спасибо. Лена утешала бабушку, что люди с неописанными наукой способностями были всегда, никакое это не проклятье и не повод для несчастий, просто тётя Ида даже без способностей была тюкнутой. Благодаря внезапно проявившемуся таланту усмирять кусачих собак Лену повысили из уборщиц в медсёстры.

Небо замутилось, порозовело. Лена стояла на балконе, горло драло от сигарет. Толком не рассвело, а уже парит, дышать не чем. Что же случится-то, блин? Вот почему нельзя, чтоб без геморроев?!

* * *

Раскалённый воздух вяло дрейфовал из одного балкона в другой, вместо сквозняка насыщая комнаты пылью, пухом и побочными эффектами моторостроительного производства. Грохот улицы заглушал плески и визги в ванной — с наступлением жары Нюся твёрдо осознала себя русалкой. Лена думала об отпуске. Если дача совсем развалилась, можно палатку поставить — всё лучше, чем в асфальтовой душегубке. Палатка не так уж дорого обойдётся.

Мокрая майка полетела в корзину с грязным бельём.

По Лениной голове бродили смутные мысли о пользе купальников (которых у неё отродясь не было) и вреде генеральных уборок при температуре плюс тридцать пять за бортом. Перед гостями бабушка с тётей драили квартиру, так поступали их бабушки и тёти на протяжении веков, не в Лениных силах противиться зову предков. Впрочем, если б не жара, уборка вполне медитативное занятие. Скользя розовой тряпкой по мебели отточенными с детства движениями, Лена ощущала, как её руки переплетаются сквозь время

с руками тёти Иды и бабушки, год за годом протиравшими те же самые полки, подлокотники и венгерский трофейный буфет. С буфетом больше всего возни — в его резных завитках пыль точно специально склеивалась. При переезде со старой квартиры Лена захватила всё, включая помойное ведро, купленное бабушкой незадолго до её пятого дня рождения.

Тряпка смахнула пыль с фотографии бабушки и деда на комод. Бабушка в белом платочке, круглолицая, даже на чёрно-белой фотке заметно, что румяная, точно сдерживает смех. Дед — строгий, упрямо поджавший губы. По словам бабушки, семья деда была очень верующая. Ни один парень не решался к бабушке подойти — прабабки Татьяны боялись. Дед женился на ведьминой дочке не только по любви, но из борьбы с предрассудками. Он был самым упёртым комсомольцем на деревне, а после — не менее упёртым коммунистом. Бабушка осмелилась повесить иконы только после дедовой смерти.

Для гостей полагается убираться и готовить. Какое счастье, что хоть печь пирожки Лена не умела, иначе скончалась бы от геморроя. Зов предков, чтоб его! Вот папу предки зовом не обременяют, тем более что их у него, по всей вероятности, нет. Четыре бутылки газировки (пятую пришлось пожертвовать Нюсе вместо обеда) покрывались изморосью в холодильнике. Вкус абсолютно правильный, из детства. Гвоздём программы Лена планировала сделать брикет мороженого, смешав с фруктами и посыпав шоколадом. Папа обожает шоколад и мороженое. Когда Лена была маленькой, папа водил её в кафе, где подавали разноцветные шарики в вазочках.

Папа встретил мать жарким майским днём: крупная девушка с косами ела эскимо. Папа говорил, что заинтересовался в первую очередь её аппетитом, хотя мать, разумеется, была красоткой. И сейчас, небось, сохранилась. Зеркало отразило Ленины куриные плечи, безукоризненно плоскую грудь, веснушки. Тётя Ида и никаких сомнений. Мать вечно недоумевала, как у неё мог родиться такой невзрачный ребёнок. Как внешне, так и по характеру Лена годилась в дочки тёте Иде, а у матери с отцом должна была родиться Лидка. Хотя они бы всё равно развелись — психиатрия (и всё остальное) привлекали папу не в пример сильней семейной жизни. Если б не водевильная кончина деда, Лена имела все шансы остаться незаконнорождённой, что было бы проще для всех. Узнав, что вместо того, чтобы первой в роду получить высшее образование, любимая дочка станет первой в роду матерью-одиночкой, дед впервые поднял на неё руку, после чего лёг на диван, отвернулся к стене и умер. После похорон папа женился на мамаше. Год спустя мамаша послала папу в баню к его величайшему облегчению, а ещё через год исполнила мечту деда — поступила в институт, вышла замуж за профессора и спланировала Лёну бабушке, потому что профессор был немолод, мелкие недоношенные дети ему мешали.

Бабушка папу с мамашей не простила, хотя это, конечно, глупость: тромбы не отрываются на почве оскорблённой нравственности даже у идейных прорабов с большим сердцем, просто рано или поздно все от чего-то умирают, деду ещё повезло — умер во сне, бывает куда противней. Ну да, ему было сорок шесть, но и тётя погибла в сорок шесть, семейная традиция. Лена не возражала: что такого хорошего в жизни после сорока шести? Глядя на девочек-подростков, она ловила себя на мысли, что большинству из них имеет смысл закрутиться с существованием не позже двадцати трёх — дальше будет только хуже.

Фанта ответила суровым гавканьем на звонок: жара жарой, но в доме — ротвейлер, если чё. Лена бросилась открывать, на ходу влезая в майку и джинсы. Как всегда, ничего не успела! Папа!

— Скорую вызывать или ментов?! — спросил драматическим шёпотом Рома и уже в прихожей полным голосом объявил: — Там у вас в подъезде бабка из окна кидается!

Запрокинув голову, Лена уставилась в раскрасневшуюся Ромину физиономию, ожидая объяснений, прежде всего — его появления. От Ромы несло потом, свежим и не очень, а также чипсами с беконом. Пышная Ромина шевелюра была абсолютно мокрой, словно он только вышел из душа. То же самое касалось идиотской жёлтой футболки с Дональдом Даком. «Шмали дёрнул», — услужливо подсказал Лене нос. Несмотря на солидные габариты, козью кудрявую бородку и усы, Рома производил впечатление карапуза, в данный момент изрядно перепуганного и готового зареветь. Глаза пучились за орбиты очков, кадык дёргался.

— Да не тормози, Лен! Лифт не работает, шёл пешком, на третьем — она, и вопит! Звоню в скорую, всё равно менты не успеют, уже наполовину вылезла.

В мозгу у Лены щёлкнуло.

— Скрюченная такая бабка, в мохнатом берете и тапочках с веником?

Рома кивнул.

— Расслабься, Страшная Бабка каждый день козырёк подъезда подметает, ну, бычки кидают, объедки, всё такое. На третьем этаже окна снизу, на других — под потолком, вот она и прыгает с третьего. Убирается она. Подъезд тоже моет на добровольных началах, не доверяет киргизам.

— Ни фига се! — Рома плюхнулся на бабушкину скамеечку для надевания обуви, в смятении чувств игнорируя низкие рыки, посылаемые по его адресу Фантой. — А назад как?

— Как-как, с козырька на землю, и Вася-кот.

— До сих пор руки трясутся. Папе раз об капот тётка с тринадцатого этажа самоубилась, у него потом было нервное расстройство целую неделю.

— Не дождёшься! — фыркнула Лена. — Страшная Бабка всех переживёт и на могилках потопчется, она каждый день это обещает, и думаю, не врёт. Раз Димка спёр на работе пятьдесят кило цемента, лифт сломался, он мешок под лестницей до утра оставил, а Бабка в одни щи на помойку сволокла. Восемьдесят один годочек стукнул старушке. Тебя чего принесло-то, Ром? Лидка, наконец, из дому выставила? Так насела, что с двумя пакетами еле ушёл?

Фанта обнажила клыки, Рома вскочил.

— Шуточки у тебя! Ещё накаркаешь, — поёжился он.

Снабдив собаку волшебным пенделем, Лена подтолкнула гостя в сторону кухни.

— Не выставила? Жаль. Я, было, размечталась, что ты пригласишь меня выручать имущество из родительской мансарды. Нормальный получился бы завтра утренняя клоун в бассейне с прокушенным горлом, дети кайфуют, няни примотаны скотчем к деревьям, бригада грузчиков перетаскивает гаджеты бочками. Я с ружьём замыкаю строй.

— У тебя хорошее настроение, — искательно улынулся Рома. — Мотался тут по делам, кондей в машине сдох... это ж убиться — прорываться за город в пятницу вечером без кондиционера! В общем, решил напроситься ночевать. Ты не против? Всё равно завтра Ньюсю на этот ваш детский праздник везти.

— Праздник как раз ваш, — нахмурилась Лена. — Я жду папу. Что в пакетах?

— Пиво, сыр, охотничьи колбаски... пирожные... Тогда я поеду?

— Оставайся, я ж не зверь. Есть чего новенького посмотреть?

— Ну так! — расцвёл Рома и вскинул планшетник наперевес, как ружьё. — Траву курить будешь?

— Ясно, какие у тебя дела, — покачала головой Лена. — Ты с дуба рухнул? Нюся на свободе, папа вот-вот приедет.

— Иннокентий Германович — психиатр, а они знаешь, что употребляют? Надо будет спросить.

— Даже не думай, — улыбнулась Лена.

Голенькая мокрая Нюся обезьянкой взвилась на Рому.

— Дядя Рома! Принёс мороженое?

— А что ты больше хочешь: шоколадку или мороженое?

— Шоколадку, мороженое и конфету!

Фанта вела себя прилично, по крайней мере, с формальной точки зрения. Собака просто присутствовала, не без основания надеясь, что играет в Ромином сознании роль грозовой тучи. Когда дойдёт до ужина, она водрузит тяжёлую морду на колени неудачника и будет взимать колбасно-сырную дань до тех пор, пока Лена не обратит внимания на каменную неподвижность гостя и не отправит её страдать на диван.

* * *

Пользуясь вечерней возможностью пройтись по парку, не расплескав кипящие мозги через уши, Лена повела собаку на выгул. Фанта возилась в кустах, жамкая пастью. Нюся уверяет, что она ловит фей: «Маленькие, серенькие, мам, не мыши, у них крылышки, они — феи!».

Татьяна Викторовна несколько раз, смущаясь, заводила с Леной разговор о Нюсиных «глупых фантазиях». Так, в «зале» у Димки приходит сквозь стену тётя и улетает в потолок, по квартире бегают чёрненькие с глазками, а в углах сидят живые серые пятнышки. Чёрненьких и пятнышек Нюся не боится, а тётя боится, потому что та щиплется. А в лифте водится нечто в красной юбочке и чёрной кофточке, но без рук. Нюся спрашивала, что это такое, Татьяна Викторовна пугалась, у самой Лены мурашки бежали по спине, хоть пешком ходи из-за Нюсиных разговорчиков. О нелюбимом Фантой сломанном фонаре Нюся поведала, что на самом деле тот горит даже днём, а иногда из него лезут нитки. Хорошо хоть дома Нюся ничего не выявила... чёрненького. Кроме того, Нюся не бросила привычки играть, закрыв глаза, при этом у Лены возникало впечатление, что ребёнок видит ничуть не хуже, чем с открытыми глазами. Надо всё же с папой посоветоваться.

Лена тряхнула головой, отгоняя мысли. Жаркий вечерний парк окружил её гудками машин, голосами спешивших с работы клерков, шорохом шин чокнутых велосипедистов, затеявших покатушки несмотря на угарный газ. Ещё год назад вон тот, в по колено обрезанных колготках, летел бы у Лены птичкой. Смотреть надо, куда едешь, придурок! Но Нюся крепко натренировала Лену сдерживать порывы, так что пускай катится, всё равно до первого столба... Упс. Ничего, парень в шлеме, а колесо новое отрастет. С другой стороны, *способности* у Лены, может, и неисследованные, но внутренне согласие пациента необходимо, иначе не работает. Остаётся удивляться готовности людей к всевозможным

приключаящимся с ними гадостям. А вот заставить их сделать что-то полезное или приятное никогда не получается. То ли *способности* всё же однобокие, то ли у Лены и людей слишком разные представления о приятном.

Уже возле дома Лена вспомнила о волке. День прошёл, значит, песец пожалует с минуты на минуту, и, судя по гадостности сна, будет необычайно жирен. Лишний раз поздравив себя с неспособностью наблюдать безрукое в красной юбочке, Лена вызвала лифт.

* * *

Рома сочувствовал детям. Не то чтобы он их любил, просто не ощущал себя взрослым, тем более проживал, чего уж там, на детском положении. В двадцать четыре это достаточно противно, но не настолько, как быть ребёнком ещё и по возрасту. Считающий, что детство — невероятно какой приятный период, страдает старческим маразмом. Запущенным. Полная зависимость, ноль прав на личную жизнь. Понимание происходящего — примерно как у кота. И окружающие реагируют на тебя как на кота. Говорящего. Как обращаются с котами дети, известно. Друг с другом они это делают точно также (Рома с детства привык не подпускать их к себе слишком близко). Что касается взрослых, попытки высказаться упираются в комментарии типа «мне некогда» или «опять капризы». Взрослые по-своему правы — и некогда, и не поймёт ребёночек ни фига, плакать станет. А ребёнок и не поймёт, пока лично в ту же лужу раз сто рогом ни наступит, но иметь с ним дело от этого не легче.

Зато Рома знал, что нужно детям для счастья.

Совершенно счастливая, перепачканная газировкой, мороженым и шоколадом Нюся смотрела устрашающий мульт про гремучий замок. На физиономии застыло выражение котёнка, наблюдающего первую в жизни мышшь.

Рома поскрёб склеившиеся кудри, соображая, чего не хватает для полноты бытия. Соображалось трудно, потому что мозг был загружен под завязку перевариванием последних аниме, фильма про призраки и толстенной саги о приключениях некоего попаданца в мир иной. Сюжеты переплетались, скручивались, мешались с картинками из дюжины комиксов, сплавляясь в собственный чудовищно-нелепый не то фильм, не то комикс.

Оплывший брикет мороженого в миске, утыканный кусочками шоколадки. Пирожные и конфеты россыпью в лужах газировки. Пиво. Мясо с картошкой (газировка добавила вкусовых нюансов). Рожица на столе, составленная из колбасок и кусочков сыра.

Большую часть жизни Рома питался здоровой пищей, а телевизор смотрел в гостях у одноклассника. Рома говорил на пяти языках, занимался музыкой для общего развития, рисованием (потому что отчим — известный архитектор), верховой ездой, плаванием и тайской борьбой. Окончив частную школу в Осло, он сбежал в Россию к отцу, поступил в Архитектурный, но вовремя очухался и занялся тем, о чём всегда мечтал. На отцовской мансарде Рома провёл четыре блаженных года, питаясь пиццей с пивом, сёрфя по ночам интернет, до одури пялясь в мультики и засыпая под утреннее шевеление в доме. Каждая встреча с реальностью вызывала шок и желание срочно убраться в более привлекательные места. Счастье омрачалось лишь сознанием, что так не может продолжаться вечно.

Блуждающий Ромин глаз привлекли затейливо размытые цветы. Рома достал из буфета баночку, наморщил лоб, сражаясь с иероглифами... Мороженое с вареньем! Жаль, мало, но на порцию хватит. На одну порцию, если что (вороватый взгляд в сторону Нюси). Рома

выскреб себе в тарелку остатки варенья, перемешал, подумал и накрошил сверху полбанана.

* * *

При взгляде на увенчанный Нюсей стол (на отмывание ребёнка уйдёт не меньше часа), Лена почувствовала необходимость несколько раз глубоко вдохнуть и ещё глубже выдохнуть.

— Ты чего сопишь? — поинтересовался Рома.

«Спасая твой планшетник от встречи с асфальтом, идиот!», — мрачно подумала Лена, вдохнула, выдохнула и, скорбно потупясь, отправилась мыть собачьи лапы. Рома должен целовать Нюсе шоколадно-газированные пятки за тренировку Лениной выдержки.

Рома виновато возник в дверях ванной, прижимая к груди тарелку с чем-то зелёным.

— Лен, прости, пожалуйста, мы тут с Нюсей... я...

— Я больше не буду, ага. Детский сад.

«Сколько еды испоганил, паршивец! — страдала Лена. — У-у-у, попадись ты бабушке — неделю боком бы сидел!»...

Бабушка собирала крошки в руку и съедала, она запасала крупу, спички, соль и полиэтиленовые пакеты. По субботам Лена с тётёй садились выбирать из запасов червячков (Лена долго считала, что в муке и крупе непременно должны водиться червячки). Так бабушка изживала фобии голодного детства, голодной юности и голодных предков, духи которых вселялись в её тело буйную толпой, если Лена оставляла в тарелке хоть ложку каши. Удивительно, как при такой настойчивости бабушки и духов Лене удалось вырасти столь откровенно тощей. «В деревне б ни один парень не обзарился!», — сокрушалась бабушка. Судя по отсутствию пищевой рефлексии, Ромины предки вели более сытый образ жизни, да и сам он, по бабушкиным представлениям, сошёл бы за первого парня на деревне — в плане внешности, разумеется, бабушка не одобряла праздность. «Он явился толстый, красный, очень завлекательный», — из какого это мультика?

— Свинтус ты, Рома.

— Где такое варенье продаётся?

— Нет у меня варенья, — отмахнулась Лена.

— Да вот же, «Домашнее лимонное варенье из сушёных лимонов». Хочу такое домой. С мороженым — пальчики оближешь, попробуй!

— Ты знаешь китайский? — тупо спросила Лена. Ситуация была настолько ужасной, что с первой попытки не поместилась в мозгах.

— Мама считает, что будущее за Азией, — пожал плечами Рома. — К нам ходил уборщик, он раньше преподавал в Пекинском университете, мама договорилась, чтобы со мной занимался.

Ужас, наконец, протащил в сознание тяжёлые кольца и свился в клубок. Крик был отвратителен Лениной натуре, она повышала голос крайне редко, тем прочней врезался каждый случай в память потерпевших.

— Рома, на фига ты взял эту грёбаную банку?!

Фанта сочла уместным удалиться из кухни, Нюся шмыгнула следом — не так уж ей интересен этот дурацкий мультик.

— А что такого? — пролепетал Рома.

— Это моя мазь от дерматита, чтоб тебя, Рома, ты же всё сожрал!

Минут через сорок Лена с выпученными глазами и захлёбывающейся воплями Нюсей подмышкой звонилась к Димке, помогая звонку левой ногой.

— ...он как грохнется, до сих пор в отрубе, с пульсом полный швах!

Сонный Димка в одеяле моргал на неё из-под белёсых ресниц.

— А я что? Сама и откачивай, ты медсестра!

— Ветеринарная! Дим, это кранты! Фанта озверела, начала на Ромку швыряться, еле в спальне заперла, боюсь, как бы дверь не вынесла. С Нюсей истерика, она любит поорать, но чтоб так... Здравствуйте, Татьяна Викторовна, возьмите, пожалуйста, Нюсю, умоляю, племяннику плохо, а она испугалась!

Дима, уже одетый, сбегал вслед за Леной по лестнице, шлёпая тапками.

— В скорую звонила?!

— Ещё чего! У Ромки картина в ноль героиновый передоз, это я тебе точно говорю, а у меня ребёнок азиатской внешности без документов вообще!

— Дура! Ты его мазь жрать не заставляла... — притормозив, Дима подозрительно сощурился на Лену сверху вниз. — Или это была не мазь?!

— Заткнись!

— Если он у тебя кинется, приедет милиция, и вот она точно станет задавать вопросы, это уже я тебе точно говорю. Звони, дура, в скорую!

Рома по-прежнему лежал на полу в осколках тарелки и зеленоватых подтёках мороженого. Фанта не лаяла и с дверью не сражалась, но рычала низко и хрипло, в то же время в рыке проскальзывали скулящие нотки. Лена убежала искать телефон. Вернувшись, она застала Диму на коленях.

— Делаю искусственное дыхание, — пояснил он, — челюсти зажаты...

— Уже делала. Ерундой занимаешься, отвали, я сама.

Массаж сердца тоже не помогал, но создавал иллюзию контроля над ситуацией.

Раздался звонок.

Вместо расхристанной скорой помощи вошёл невысокий худощавый человек, смуглый, с узким лицом и невероятными усами. Он принёс запах одеколona, пряный с черносливом — сигар, трёхколёсный велосипед и торт в строгой коробке с шёлковой лентой. Димка впустил его без вопросов, душой потомственного военного признав старшего по званию.

— Иннокентий Германович, мой папа, — механическим голосом представила Лена.

Быстро вникнув в происходящее, Иннокентий потребовал банку, мазнул ободок кончиком пальца. Резко очерченные брови скользнули вверх удивлённо.

— Где вы это взяли?! Некогда, потом.

Облизал палец и лёг рядом с телом, безмятежно распластавшимся с пеной на губах.

— Скорую не пускать! — глаза Иннокентия закатились, так что стали видны голубоватые белки.

— Отрубился, — прокомментировал Димка. — Чтобы двое ужрались мазью от диатеза — никогда такого не видел!

Снова звонили в дверь.

— Скорая, — вздохнула Лена. — Иди и не пускай. Ты мент, вот и не пускай!

— Не будь идиоткой! Одного жмурика мало, двоих хочешь? — взвился Димка.

Лена вытолкнула его в прихожую.

«Бу-бу-бу», — донеслось из-под двери. — «...ложный вызов...». «Да вы знаете, с кем говорите...». «Бу-бу-бу...». Лена сидела на коленях, тупо глядя перед собой. Воцарилась

минутная тишина: скорая и Димка собирались с аргументами. На папином лице одна за другой вспыхивали глубокие царапины, кровь подмочила усы, устремилась струйками на снежной белизны пиджак. Прежде, чем Лена успела как-то отреагировать, Рома сел, будто подброшенный изнутри. Правда, он тут же со стоном улёгся вновь, но взгляд прояснился, а губы и щёки быстро приобретали нормальный цвет.

— Привет... — прошептал он хрипло.

Иннокентий легко поднялся, тыльной стороной ладони утёр кровь, стряхнул с рукава пиджака пылинку, кивнул Лене с Ромой и вышел в коридор. Его тихий голос перекрыл Димкины визгливые крики и ворчание медработников.

Лена, Рома и Дима смиренно сидели напротив Иннокентия, пьющего чай. Умостившись в Иннокентиевых ногах, Фанта клянчила торт, сверля собачьим взглядом. С покрытым багровыми отметинами лицом, невероятно закрученными над бородкой усами и в пиджаке с кровавыми подтёками Иннокентий выглядел пиратом. Взгляд его был безмятежен, но на дне зрачков стыла задумчивость.

Рома делился впечатлениями:

— ...к горлу подступило, на глазные яблоки сильно надавило изнутри. Сделалось темно, не так, как если закрыть глаза — тогда всё равно белые мушки мелькают. Темнота была... такая... густая, не отсутствие света, скорее вещество. В этот момент я страшно перепугался, почему-то первая мысль была, что я умер. Я подумал: «Я умер, но как же так? Бац, и всё?!». Затем подумал, что умирать не хочу и, соответственно, начал как-то двигаться, чтобы ожить. Толку никакого, вишу, и точка. Потом появился свет. Зелёный, точно от лампы с абажуром. Свет шёл снизу, я как-то сумел опустить голову и офигел. Под домом текла река, больше всего это было похоже на реку, хотя состояла она из света. Меня стало туда затягивать, а я не возражал, наоборот. Знаете, я разный кайф пробовал, но рядом с этим ничего и близко не валялось. Наверно, нужны какие-то овердозы, верная смерть. У меня мелькнула мысль, что человек на подобный кайф не рассчитан, однако тогда перспектива скоропостижно слиться с вечностью показалось мне справедливой ценой за возможность испытать такое. Только мне быстро стало не до того. Сзади навалилось что-то тяжёлое, вцепилось в затылок. Я по-настоящему испугался, начал биться изо всех сил, пытаюсь вырваться, у меня вроде получилось, даже зрение вернулось, почти нормальное, хотя всё равно немного в зелёных тонах. Тут как раз вбежали вы с Димкой, я попробовал до вас докричаться... Между прочим, Дим, у тебя была собачья голова. И человеческая, и собачья одновременно, длинная рыжая морда, ушки такие провисшие... вспомнил, «колли»!

Лена тоже кое-что вспомнила: как встретив недавно в парке Татьяну Викторовну с Кешей, Нюся принялась верещать, что это не Кеша, а дядя Дима. Татьяна Викторовна до странности оскорбилась, чуть не отказалась Нюсю нянчить. Лена тогда списала эти её странности на давление.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Фигню молотишь! — неожиданно злобно оборвал Рому Димка.

— Блин, ну прости, что тебе не понравился мой глюк, в следующий раз буду галлюцинировать по твоему заказу. И в этот момент то, что на меня напало, оказалось передо мной. Сначала оно походило на тёмную массу, но когда я пригляделся, сформировалось в нечто вроде зверя. Я понял, что это — волк, он прыгнул на меня, в глазах потемнело, и я стал обмякать потихоньку. Меня взяла обида, что умру вот так глупо, я начал вслепую пулять фиг знает чем в это фиг знает что, и, очевидно, помогло, потому что зрение снова настроилось. Волка поблизости не наблюдалось, зато рядом кружила ворона. Я удивился, откуда ворона, да ещё такая огромная, и очнулся. Да. Очнулся. Наверное, не совсем. Потому что, Иннокентий Германович, вы лежали рядом, а у вас на груди ворона сидела. Я понял, что это не может быть так, тряхнул головой, и прошло. Иннокентий Германович, ведь это вы меня вытащили? Не представляю как, но огромное спасибо! Чем бы та тварь ни была, уверен, она собиралась меня... сожрать.

Лена вышла на балкон, не сомневаясь, что именно увидит: на берёзе чернел птичий силуэт. Крупная птица. Когда отец приходил в гости, за окном всегда объявлялся такой силуэт, а когда они с отцом гуляли, нечто подобное накручивало виражи в небе. Последний трамвай, радостно грохоча, полз в депо. Ему вторили оконные стёкла. Могильщик Алексей вёл Басю, пса, размером и характером напоминавшего бульдозер. Значит, в парке никого не осталось.

— Высматриваешь волка? — поддел Дима из кухни.

— Нюся серьёзно думает, что ты — собака, тебе Татьяна Викторовна не рассказывала? — невинным голосом спросила Лена. Инстинктом чувствуя, как булавка пронзает болевую точку, она надавила гипотетическим пальцем, наслаждаясь. — Зовёт тебя «дядя собака». Интересно, почему?

Реакция Димы оказалась столь же неадекватной, как у Татьяны Викторовны. Буркнув, что ему завтра на работу, и, раз жрать дерьмо кончили, то ему пора спать, он ушёл, окатив напоследок Рому ненавистным взглядом.

— Он всегда такой обидчивый? — рассеянно удивился Рома.

— Тяжёлый характер, сам страдает, — хмыкнула Лена.

Рома прыснул.

— Лидка считает, что карма проявляет себя через характер: если она плохая, то характер настолько паршивый, что, чего бы ты ни делал, станет хуже, и тебе, и окружающим. И если ничего не делать, станет хуже. Мой случай, по её мнению.

— У тебя плохая карма? — поинтересовалась Лена устало.

— А то! Это Лидку во мне больше всего и бесит. Послушать Лидку, так карма заразна, вроде насморка, соответственно, лёжа перед компом у них на чердаке, я свожу на нет кармические заслуги всего семейства. Прямо я собой даже горжусь.

— Всё это прекрасно, — перебил Иннокентий. — Но мне до крайности любопытно, откуда у вас, ребятки, зелёная мазь.

Лена поведала старую притчу о Гале и неопознанной банке.

— Я её и по аптекам возила, и на рынок к китайцам ездила... Будете смеяться, даже Ваню навестила, и он вспомнил, что поил Галку чаем, потому что та стояла вся такая замёрзшая, но мази он Галке не давал, они чай с печеньем пили, зайчики мои, безо всякого варенья. Что мне, снова дёгтем мазаться? Мазь Ромка, считай, прикончил.

Рома недоумённо на неё воззрился.

— Дёгтем?!

— В самом деле, зачем же дёгтем? — приподнял бровь Иннокентий.

— Пап, ты забыл. У меня аллергия на работу. Кожная. Или работаю и чешусь, или не чешусь и не работаю, но жрать нечего, прямо дилемма.

— Я давал тебе координаты неплохого дерматолога.

— И я к ней ходила, пап. В моей жизни было куда больше дерматологов и аллергологов, чем мне бы хотелось, но реальность такова, что или эта мазь, или дегтярная настойка. Хоть бы название узнать...

— «Зелёная мазь из Гуанси», — ответил Иннокентий. — Вряд ли это тебе поможет. Даже в Китае такую мазь найти слабо реально, признаюсь, я несколько ошарашен, обнаружив этот образец у тебя. Нюся по-прежнему играет с закрытыми глазами?

— Ага. Как раз сегодня хотела с тобой посоветоваться. У неё... фантазия. Разные фантазии, — Лена почувствовала себя предательницей. — Глупость какая, забудь, это всё

Татьяна Викторовна, тоже мне специалист по детям, достаточно на Димку посмотреть.

Лена яростно укусила торт.

— Готовь папино бабло, Ромочка: спонсируешь мне тур в Китай, а если и там с мазью не выгорит, будете мне пенсию выплачивать, за потерю трудоспособности. Хватит с меня дёгтя!

— Я же не нарочно! — простонал Рома. — Папа, конечно, оплатит...

Иннокентий раскинулся на жёстком и узком кухонном диванчике. Он сумел бы удобно расположиться на высоковольтной вышке. Рука с холёными ногтями теребила ухо блаженно сопящей Фанты.

— Зелёная мазь не является дерматологическим препаратом, — задумчиво произнёс он. — Вероятно, в состав входят антигистаминные, обезболивающие или ранозаживляющие компоненты, но используется она в психиатрии.

— В психиатрии?! — фыркнула Лена. — Гы!

— С некоторой натяжкой, поскольку речь идёт о достаточно древней традиции. Китайская медицина часто приписывала возникновение болезней, в том числе и психических, действиям призраков или демонов.

Лицо у Ромы заметно вытянулось.

— Мазь для экзорцизма? — спросил он тусклым голосом.

— Слишком упрощённое толкование. О зелёной мази мало что известно не только европейцам, но и в современном Китае: за последние сто лет традиция практически пресеклась. По имеющимся описаниям, мазь, грубо говоря, блокирует контакты человеческого сознания с определённого рода сущностями. При правильном использовании.

— То есть когда ею мажут, а не ложками жрут, — угрюмо вставила Лена.

— Именно, — подтвердил Иннокентий. — Зелёной мазью мажут веки и виски, там расположено множество капилляров, близость мозга также способствует быстрому и сильному воздействию. В чём конкретно оно заключается, я сказать не могу по причине недостаточности информации. Гораздо важней, что я не могу сказать, каковы последствия перорального употребления, тем более при многократном превышении дозировки. Точная дозировка мне также не известна, хотя не думаю, что речь шла о столовых ложках.

Ромин вид провоцировал мстительную радость (у Лены).

— Иннокентий Германович, вы не там читали, — через силу улыбнулся он. — Надо было искать что-нибудь из серии «Рассказы о глупости лаоваев, их жён, детей, слуг и их наложниц». Как вы думаете, что со мной будет?

— Понос, — буркнула Лена. — Ты торт почти в одни щипы умял, не считая остального. Эх, какая была мазь, какая мазь! Хочешь — диатез лечи, хочешь — демонов гоняй. То-то они от меня весь год шарахались. Бывало, придёшь домой — на всех стульях сидят, а тут как отрезало.

— Что, правда? — ахнул Рома.

Лена покрутила пальцем у виска.

— Ну, ты уж совсем... того.

— Просто со мной вышло наоборот, — уныло объяснил он. — Вдруг из-за неправильного употребления мазь сработала в обратную сторону? Не пресечение контактов, а... завязывание. Я имею в виду напавшую на меня тварь. Такое может случиться, Иннокентий Германович?

— Наелся бы стирального порошку, и не то б напало, — проворчала Лена.

— Рома, запишите номер моего телефона, — сказал Иннокентий. — Понаблюдайте за собой, если что-то будет беспокоить, звоните.

— Папа, ты ему потакаешь?! Да он...

— Рекомендую воздержаться от любых веществ, влияющих на психику, вы меня понимаете? Алкоголь и другие депрессанты в том числе. Скомканная у нас получилась встреча, Лена, и внучку толком не повидал. Ты не будешь против, если я на днях загляну? В детское время?

— Пап, ну что ты кокетничаешь!

* * *

Насмотревшись фильмов про живых мертвецов, новенькая продавщица болтала в подсобке: «Я бы подбежала к этим мёртвым и долго их щупала, пытаясь убедиться, что они реальны, что это не розыгрыш. Мне слишком хочется чудесного, пусть даже страшного чудесного!». Лена сочла её идиоткой.

«Непознанное», оно же «чудесное», шло пятым номером в Ленином Списке Ненависти — следом за зимой. Её собственный опыт полностью укладывался в выражение «жирный песок». Вероятнее всего, данное выражение характеризует любой истинный опыт общения с «непознанным», поэтому то, что у Лены имелись некоторые, гм, *особенности*, и даже то, что она ими пользовалась, вовсе не означало, что ей было хоть какое-то дело до всей этой чепухи.

После бабушкиной смерти в целомудренно-нафталиновой квартирке с салфеточками-ришелье, пёстрыми дорожками и вышитыми подушечками завелись тараканы и бутылки, а под потолком повис табачный дым. Одиночество грозило дурдомом, поэтому люди приходили, уходили и были неважны, важно было не оставаться одной, особенно ночью. Вылетев за пьянку и прогулы из ветклиники, Лена не слишком расстроилась, так как к тому времени поняла, что не годится для медицины. Соответственно, держать второй раз экзамены в ветакадемию также сделалось излишним. Финансовые проблемы Лена решила дрессировкой собак, а проблему перенаселённости квартиры решил Серёга.

Он курил траву вместо сигарет, предпочитал пиво чаю, в пьяном виде много болтал и рыдал, а ещё постоянно стрелял деньги без намерения вернуть — за это и просто за склочность Серёгу регулярно били. Про работу в контексте зарабатывания Серёга говорил, что это «не его», работу в контексте творчества одобрял, но «ему было нечего сказать миру». И всё же Лена пришла к выводу, что, раз уж она утратила способность к одиночному проживанию, проще терпеть Серёгу, чем толпу непонятно кого. Вместе с Серёгой в доме появились книги про непознанное, так что Лена несколько подлатала образование в вопросах расширения сознания, внетелесных походов и снов. Она была твёрдо убеждена, что говорить о некоторых вещах с теми, кто их не испытал, бесполезно, те же, кто испытал, ни о чём таком разговаривать не станут ни при каких обстоятельствах. Тем более писать, например, книги. Убеждение это Лена держала при себе.

Серёга расширял сознание с трогательным усердием всем, что попадалось под руку. Однажды, заскучав от невозможности разжиться чем-то романтичней сиропа от кашля, бедолага сварганил летательную ведьминскую мазь по рецепту, скомпилированному из кучи мутных источников, только жира младенцев и кошачьих мозгов не достал (по правде

сказать, не слишком пытался). В результате получилась зловонная фигня, от которой Серёгу сутки тяжело глючило с бессвязным сюжетом. Не подвернись умевший подворачиваться на редкость вовремя папа, Лене пришлось бы сдать психонафта на милость бюджетной наркологии (запой на дому анонимно; тараканы, мыши, муравьи). Оклемавшись, Серёга пришёл к выводу, что мозги с жиром задают конечную точку полёта, однако развивать тему он не стал, найдя бесперебойный источник дешёвой кислоты. Тем более Иннокентий настаивал, что ключевую роль играет состояние духа реципиента, а Серёга всё же не ощущал себя убеждённым сатанистом.

Привидься Роме вместо волка хомяк, вчерашняя история легла бы в пыльную папку памяти рядом с описаниями белых горячек и кошмарных трипов Лениных знакомцев. Двойная Димкина голова тоже настораживала — в сочетании с откровениями от Ньюси. Интересовал также ворон. Проворонив за размышлениями покупателя, которому можно было легко впарить мешок маек с микки-маусами, Лена уронила Сашка об его собственные шнурки, чтоб не лыбился, гадёныш, взяла себя в руки и выкинула всю эту чушь из головы.

* * *

Треньканье мобильника омрачило ритуальное выкуривание последней сигареты перед сном (когда-нибудь до Лены дойдёт, как сменить поганую мелодию). Наверно это случится тогда, когда она купит кондиционер. Полезная всё же штука, только от него всё время кашляешь. Кстати куда хуже, чем от сигарет.

— Привет, как насчёт кое-куда прокатиться? — бодрые интонации Роминого голоса вызвали у Лены недобрые предчувствия.

— Завтра я работаю, — ответила она.

— Тогда послезавтра, крайний срок. Не спать дольше я просто не в состоянии, и так крыша едет. Иннокентий Германович запретил чего-либо принимать, только и делаю, что слежу за собой, как бы не отключиться. У меня проблемы... даже не знаю, как сказать, но меня это пугает.

После дегустаций диатезной мази Рома забрал Ньюсю на праздник, оставил наслаждаться программой, а сам сбежал на свидание с матрасом. В него сразу же вцепилось нечто и принялось «тянуть из тела». Рома сопротивлялся изо всех сил, в результате чего проснулся. До вечера он изо всех сил списывал происшествие на нервное истощение, однако ситуация повторилась, когда, вернув Ньюсю домой, Рома улёгся в кровать. Развлечения продолжались всю ночь. Во время рассказа слово «волк» ни разу не было произнесено, точно Лена с Ромой сговорились заранее. Произносить его не было никакой необходимости. Утром Рома позвонил Иннокентию Германовичу, тот обещал консультацию понимающего человека.

— А я тебе зачем? — холодно поинтересовалась Лена. — Езжай и консультируйся.

Рома долго мялся в телефонной трубке, подбирая выражения.

— Лен... не обижайся, но... Я не спятил — уже скоро, но пока нет. Лен, я его боюсь.

— Консультанта? Детский сад. Ты же с папой поедешь.

— Как раз Иннокентия Германовича я и боюсь, — промямлил Рома. — Он отморозок.

Очень правильное русское слово для таких людей. У меня на них чутьё, из-за мамы.

— Разве твоя мать врач? Ты вроде говорил, она журналист.

— Журналист, да. Это не важно. У неё тоже беда с эмпатией, на почве целеустремлённости и энтузиазма. Они ещё и энергичные как кролики на батарейках, невыносимая комбинация для... для обычных людей.

— Не преувеличивай.

— Просто ты ни разу не попадала в сферу интересов Иннокентия Германовича, вот и не сталкивалась с этой стороной его натуры. А мама одно время посвятила жизнь моему воспитанию, так что я знаю, о чём говорю. Если б не рождение сестрёнок и отсутствие у меня понимания своего жизненного предназначения, фиг бы она меня живым отпустила. Да, кстати, о живых. Тебе не показалось странным, с чего бы это Иннокентий Германович так легко ел мазь, раз не в курсе последствий? Долг врача, понятно, но твой папа не производит впечатления альтруиста. Ещё раз извини.

— Угу, — неохотно согласилась Лена.

— Лично я отнюдь не уверен, что он выложил все карты. Потом, Лен, он собирается меня возить к своему пациенту, сказал, что раньше часто пользовался его помощью.

— И чё? Это как раз нормально, у папы полгорода друзей и пациентов, среди них есть самые разные люди.

— А где он вообще работает?

— Понятия не имею. Не в России. В основном. Кажется.

— Ты не знаешь, где работает твой отец?!

— Чаще всего я не знаю, где он живёт. Он не говорит, я не спрашиваю, с детства так привыкла.

— Прикольные у вас отношения.

— Папа интересно устроен — ему не хочется задавать вопросов. Вот ты спросил, как он тебя тогда вытащил, и откуда у него царапины на лице?

— Не спросил, — помолчав, отозвался Рома. — В голову не пришло. Что-то мне всё больше хочется сдаться родне. Упечёт меня Лидка в дорожную клинику, там хоть номинально будет понятно, кто врач, кто — пациент...

— Не вздумай! — заорала в трубку Лена. — Лидка протреплется мамаше, та тебе таких специалистов подберёт, овощем станешь! У мамаша по медицине пунктик, ей только подвернись.

— Тогда поехали с нами! У меня от бессонницы мозги в смятку, Иннокентий Германович с пациентом меня загрузят, и кранты. Очень прошу, поехали!

— Хорошо, но послезавтра. Дотерпишь?

* * *

— Вот какому психу стукнуло красить забор зелёной? — процедил Рома, пытаясь прикурить сигарету от окурка предыдущей.

С некоторых пор его мутило от любой разновидности зелёного, летом это особенно удобно. Правда, единственным по-настоящему зелёным пятном на данной сельской улице являлся упомянутый забор.

— Тут и живёт псих, — напомнила Лена мягко, вынула сигарету из Роминой трясушейся руки, раскурила и вставила в рот страдальцу.

Рома тихонько заскулил. По части багровости глаз он мог без шума и пыли обставить

самого заядлого вурдалака.

По обе стороны растрескавшейся на солнце дороги тянулись заборы, яблоневые ветки и собачий лай. Воздух жужжал — то ли от насекомых, то ли от жары. Бабка вышла по своим бабковым делам и принялась пялиться на Лену с Ромой, мыкавшихся возле маленькой машины Иннокентия, изящной, словно бальная туфелька. В серебристых изгибах преломлялись яблони и заборы. К бабке присоединился мальчик лет трёх, потом другая бабка. Пришла пожилая собака в клочной шубе. На скамеечке устроился толстяк, затянулся папирсой, рядом села толстая молодая женщина в трениках с младенцем на руках. Положения становилось мучительным.

Ворота не столько отворились, сколько вывалились на улицу. Кивком головы Иннокентий дал понять, что можно входить. Посреди расчерченного на грядки дворика стояла старуха. Лена жадно втянула носом запах бабушки с лёгкой примесью хлеба и огорода.

— Кто это вас, Иннокентий Германович? Точно вы с котом подрались.

— Угадали, Ана Тихоновна, — рассмеялся Иннокентий. — Где Саша?

— Сашенька под яблоней. Он всё больше под яблоней, кушать тоже туда ему ношу, тока если дождик, в дом заходит. Раньше помогал, дрова порубить или там чего, теперь от яблони этой ни-ни. Боятся, заберут его. Идёмте!

— Кто заберёт? — из вежливости поинтересовалась Лена.

— А нечистые, — будничным тоном ответила старуха, перекрестившись. — Ему всё показали: где его ждут, и что будут делать, и как будут делать. Каждую ночь приходят, показывают, не дают забыть. Сашенька и удумал: в рай его по грехам не пустят, так он дома хочет остаться, чтоб до скончания нынешнего века.

Мытарства Сашеньки заинтриговали Рому.

— Это как? Привидением?

— Избави Боже! — снова закрестилась старуха. — Он с яблонькой договорился: его душа после смерти в ней укроется, аки птичка. Деревья долговечней людских телес, как раз к последнему суду грехи и замолит. Он в журнале читал, так древние люди поступали. Древние, те, конечно, мудры были. Опасается только, кабы не похитили его по отрешении души от тела, вот от яблони и не отходит. Тоже не спит, покемарит с полчаса, а там снова бодрствует в молитве.

— Давно он так... бодрствует? — нахмурился Иннокентий.

— С весны. Как лекарства кончились.

Расстроенный волнениями последних дней Ленин мозг выдал на-гора картинку: сестрица Алёнушка с братцем Иванушкой высматривают из яблоневых веток гусей-лебедей. Когда на заднем дворе обозначилась гантелеобразная, вкопанная в резиновые сапоги фигура, Лена машинально задрала голову, ожидая крылатых чёрных тварей, и едва не преуспела. Стряхнув наваждение, она призвала мозг к порядку, но чувство лёгкого разочарования осталось.

— Иннокентий Германович! — ослабилась фигура, обнажив младенчески-розовые дёсны. От улыбки по лицу ползли морщины. Саша был лыс, чёрен от загара и худ как очень худой человек в семейных трусах старушечьей расцветки. Пахло от него летней улицей, как от хорошо выгулянной собаки.

— Здравствуй, Саша, — улыбнулся в ответ Иннокентий.

Они обменялись рукопожатиями, после чего Саша слюняво облобызал Иннокентия в

обе щёки. Уловив в папиных глазах тоску, Лена от души ему посочувствовала.

— Иннокентий Германович! — лепетал Саша. — Да вы присаживайтесь... Ни капли не изменились! Вот я, знаю, постарел, чего уж. Мать, ты водочки нам вынеси! И закусить, сделай милость. Где ж вы пропадали, Иннокентий Германович? Говорили, за границей вы теперь?

— Так и есть, Саша.

— Подавай вам Боже, Иннокентий Германович, подавай Боже. Там для вас работы много, в этих заграничах все сплошь сумасшедшие с деньгами. А наш-то дурдом зачих! Врачи-сёстры разбежались, харч хуже некуда, тараканы — и весь харч. То ли дело при Константин Петровиче: чистота, лепота, душа у праздника! Меня ведь выписали, Иннокентий Германович! Стыда у них нету: небуйный ты, говорят, неопасный. А куда мне? Я ж там, в дурдоме, жизнь прожил... Да вышло, что к лучшему. Кто это с вами? Деточки ваши?

— Познакомься, это Лена, моя дочь.

Сашин взгляд оказался не менее материален, чем рука. Маленькая мохнатая лапа — бабушка бы сказала, «домовой погладил». У Лены зачесалось в носу, и она расчихалась. Трещины на Сашинем лице пришли в движение с растительной медлительностью, превращая улыбку в плаксивую гримасу. Из выгоревших глаз брызнули самые настоящие слёзы.

— Дочка? Эх... Иннокентий Германович, чего тут скажешь!

Кроме стула, возле яблони имелись стол и кровать. Нырнув с головой под замасленное ватное одеяло, Саша рыдал.

Иннокентий тронул его за плечо.

— Прошу прощения, Саша, мне не стоило привозить сюда Лену. Я, собственно, хотел...

Рыдания притихли, но Саша явно не собирался покидать убежище.

— Отвык я, Иннокентий Германович, — шмыгая носом, отозвался он. — Я да мама, никого нам не надобно. Лекарств бесплатных в аптеке нет, в дурдом не кладут. Мама на мою пенсию дрова покупает. Спрашивайте, чего хотели, и уводите её. Нельзя мне с ведьмами, мне надо в тишине да в бодрствовании пребывать в своё последнее время.

Лена почувствовала себя идиоткой (обычное дело). Рома прыснул, Иннокентий строго на Рому покосился.

— С дурдомом могу помочь, — предложил он.

Некоторое время под одеялом было тихо: Саша обдумывал предложение.

— Лекарствами помогите, если можно, — пробормотал он.

— Хорошо, — кивнул Иннокентий.

— Теперь спрашивайте.

— Пожалуйста, посмотри молодого человека: нет ли на нём чего-нибудь... — Иннокентий пошевелил пальцами, — по твоей части. Была возможность подцепить.

Саша завозился под одеялом. Взвизгнула продавленная кровать.

— Нагляделся уже, хватит. Ничего на вашей дочке нет, кроме собственного еёнего ведьмовства. Зверь при ней живёт, она его кормит. Вас птица стережёт, я всегда вам говорил, а парня волк уж надкусил, не бросит, выпьет душу через темечко. Алчет, в спину зрит. Уходите, очень вас прошу!

Саша захныкал в подушку.

— Прощай, Саша.

Подтолкнув вперёд себя Рому с Леной, Иннокентий заспешил к выходу по растрескавшейся бетонной дорожке. Навстречу семенила Анна Михайловна с магазинной пластиковой корзинкой, откуда торчали перья лука и горлышко бутылки.

— Уже уходите? — всполошилась она. — Вы не сердитесь, если Сашенька чего наговорил. Сдал он сильно. Денег на лекарства нету, а в больни...

Иннокентий ласково похлопал её по руке.

— Не беспокойтесь, Анна Тихоновна, нам действительно пора. На днях к вам заедет девушка, она доктор, побеседует с Сашей, подкорректирует лечение, лекарства привезёт. А в больницу Саша не хочет, я ему предлагал.

— Уж не знаю, как вас благодарить, Иннокентий Германович! Но может, в больничку бы лучше? Беда, коли холода придут, а он под яблоней. Мне ж его ни в жисть не уломать! — старуха улыбнулась льстиво и просительно. — Я бумаги подпишу. Пусть дома побудет, пока погоды, а к осени до весны бы и в больничку?

— Хотите сына в дурку сдать? — не удержался Рома. — Мешает он вам?

Лена дёрнула его сзади за футболку. Иннокентий достал из сумки несколько коробочек.

— Знал, что пригодятся. Саша немного расстроен, дайте ему капсулу сейчас и ещё одну на ночь. Схему приёма я вам расписал, не потеряйте. Думаю, не надо напоминать, что лекарство нельзя сочетать с алкоголем.

— Что вы, Саша не пьёт! Это он за встречу, да и лекарств давно не принимал.

— Девушка — весьма перспективный врач, положитесь на неё. В случае необходимости она посодействует с госпитализацией, но я полагаю, это не потребует. Всего хорошего.

Зрителей вокруг машины Иннокентия прибавилось. Мальчишки обменивались сложными комментариями. Автомеханики, блин. Лене приходила в голову только «тягловая сила» (или «лошадиная тяга»). Избегая смотреть на Рому, она плюхнулась рядом на заднее сидение. Негромкая музыка заполняла машину, как дым бутылку.

* * *

Расшвыряв дома и церкви, машина проскочила Загорск и рванула в направлении Москвы, уже ни в чём себе не отказывая. Машины у папы случались всякие, из всех них Лёну более-менее устраивал списанный милицейский ВАЗик, из которого даже Иннокентий не мог выжать больше тридцати километров в час.

Рома меланхолично посасывал томатный сок.

— Иннокентий Германович, покажите меня той перспективной девушке-врачу, а можно и сразу в дурдом, если сегодня не посплю. Вместо Саши. Он, не спорю, впечатление производит, но ни разу не раскрыл, что мне делать. Или раскрыл?

— Более чем раскрыл, по полочкам разжевал, — прошипела Лена, которую с детства тошнило от томатного запаха. — У меня зверь-прислужник в форме волка, я его тобой покормлю, и будет мне счастье. А тебе ничего не надо делать, белые тапочки по интернету закажи.

Рома издал очередной всасывающий звук.

— А нельзя его в кота перепрограммировать?

Лена резко повернулась к нему, её нос встретился с волной томатного духа.

— Кого?

— Фамильяра твоего, — кисло ответил Рома. — С волком у тебя перебор, не находишь? Традиционно твои коллеги держат котов, жаб или зайцев. Заяц проблемен в содержании, жаба — мух ловить затрахается. Кот в самый раз: сырые мыши в зоомагазинах продаются, а ещё эти, хомячки, никаких проблем с жертвоприношениями.

— Интересная мысль, — улыбнулся в усы Иннокентий, прибавляя скорость.

Ленина рука метнулась к пакету сока. Далеко позади на асфальте остались интересные пятна цвета подгнившей крови и немного мятого картона.

— На фига?! — горестно взвыл Рома. — Сосание отвлекает от сна, хочешь, чтоб я вырубился?

Лена швырнула ему жвачку.

— У тебя изо рта несёт.

Рома собрался сказать ответную гадость, ничего не придумал, захлебнулся обидой и уткнулся в окно со своей стороны.

— Помириться, дети мои, — благостно изрёк Иннокентий полчаса спустя. — Лена, мне кажется, ты излишне восприимчива к терминологии. Саша далёк от попыток давать кому бы то ни было оценки, тем более негативные, но у него восемь классов образования плюс голова, забитая местечковым фольклором и чтением, преимущественно религиозного характера. В то же время область, о которой идёт речь...

— ...мутная, — закончила вместо него Лена. — Я понимаю. Я только не понимаю, на кой хрен ты нас к нему возил?

— Саша не воспринимает чужие галлюцинации, я лично проводил тесты. Зато у него огромный опыт наблюдения...

— ...собственных, — скривила губы Лена. — На чужие тупо времени не хватает.

Иннокентий проигнорировал её замечание.

— ...явлений, не классифицируемых современной наукой. Сашина мать работала сиделкой в доме престарелых. Один из постояльцев перед смертью подарил Саше значок...

— Можете не продолжать, — перебил Рома, — Саша воспринял силу умирающего мага, стал отличаться от окружающих двуногих, родственники сдали его в дурдом, где он и сошёл с ума. Обычная история, я читал. Иннокентий Германович, вы же не станете спорить, что часть так называемых психически больных...

— ...на самом деле древние маги Атлантиды, — ухмыльнулась Лена, извиваясь в собственном яде.

— Истинный маг не позволит запихнуть себя в дурдом! — раздражённо бросил Рома. — А люди вроде Саши, имеющие силу, но не осознающие её и не получившие подготовки, вполне могут угодить, хотя бы потому, что не вписываются в рамки «нормального человека». Именно их раньше жгли на кострах. Люди, имеющие тонкую связь с природой, общающиеся с духами и...

— ...инопланетянами, — подсказала Лена.

— Давай, издевайся. Но вы оба знаете, что я прав.

— Рома, я вас немного разочарую, — доброжелательно сказал Иннокентий. — Саша обратился в стационар добровольно и в зрелом возрасте после того, как они с мамой перепробовали множество методов избавления от «силы умирающего мага», как одобряемых Церковью и Минздравом, так и неодобряемых ими категорически. У Саши была неприятная особенность — от его взгляда дохла скотина и болели люди. Сашу это расстраивало, однако прекратить безобразия или хотя бы устранить вред он не умел. Долгие годы соседей

выручала ненормативная лексика — старинный народный метод, между прочим. По мере взросления Саши это перестало работать. Наконец, Саша вычитал в журнале «Наука и религия», что колдун обладает силой до тех пор, пока у него целы зубы. Обратили внимание на отсутствие у Саши зубов?

— Неужели сам выдрал? — ужаснулся Рома.

— Соседи помогли.

— Жесть! — Рома выглядел шокированным. — Но это ведь суеверие? Или нет?

Иннокентий пожал плечами.

— Как бы то ни было, на моей памяти жалоб в связи с Сашей не поступало. Когда я по распределению попал в нежно любимый Сашей дурдом, он числился там постоянным обитателем и пребывал в непрерывном контакте с дюжиной покойных родственников и неродственных покойников, а также с киноперсонажами и деятелями районной администрации. Что особенно трогательно, он считал один факт своего присутствия достаточным для оплодотворения женщины, и, будучи джентльменом, отказывался находиться в помещении с женским персоналом младше шестидесяти. Это создавало определённые проблемы, пока Саша не обезопасил дурдомовских дам заклинанием, воспринятым из космоса от Маргариты Тереховой.

— Первой женщины-космонавта? — спросил Рома и сглотнул.

— Не совсем, — светски осклабился Иннокентий. — Маргарита Терехова — известная советская актриса. Саша считал её своей святой покровительницей.

— Короче, ценный специалист, — сварливо заметила Лена. — Но это ясно и без подробностей несчастной биографии.

— А протезы ему не пробовали вставлять? — подумал вслух Рома.

— Одно время Сашей *заинтересовались*. В Москве ему сделали несколько протезов, металлокерамика, золото и какие-то сплавы, не помню подробностей, во всех случаях эффект получился нулевой. Смена обстановки негативно сказалась на Сашиной психике, что сделало невозможным дальнейшую работу с ним, поэтому его вернули в дурдом. Золото, полагаю, маменька на дровах прожила.

— Кошмар! — пригорюнился Рома. — Даром пропал такой потенциал...

Лене было не до сантиментов.

— Это ещё не кошмар, — отрезала она, — кошмар начнётся, когда за тебя примутся экзорцисты. Или что у нас предлагает классическая психиатрия при одержимости волками, пап? Фармацевтику, блокирующую повышенную возбудимость? То есть переть, тебя, Рома, будет по-прежнему, но тебе оно станет по барабану. Ах да, о чём мы вообще паримся, Саша ведь обещал, что тебя на днях сожрут. Думать потому что надо, чего в рот суёшь.

— Мне кажется, ты слишком много говоришь, — нахмурился Иннокентий.

— Почему же! — запальчиво возразил Рома. — Удобная реакция на чужие проблемы: «Сам дурак!». Хотя предположение, что в буфете хранится варенье, а не мазь для вызывания духов, до сих пор не кажется мне безумным. Заметьте, не я целый год мазал ею себя и ребёнка! А по поводу экзорцистов, так это, Лен, скорей тебя касается: тот же Саша недвусмысленно утверждал, что волк живёт «при тебе».

— Так что, Ромочка, ложись сегодня в кроватку и не дёргайся, когда мой фамилляр потащит тебя из насиженной тушки, — тихо сказала Лена.

Рома открыл рот для ответа, вздрогнул, отшатнулся к окну. До сих пор Сашины пророчества интересовали его в силу привычки мозга жевать бесконечные фантазийные

сюжеты, однако из Лениных глазниц на него смотрели белые глаза зверя. Роме захотелось укутаться, как Саша, с головой и замереть.

Лена взорвалась.

— Хватит корчить из себя большего идиота, чем ты есть! А ты, пап?! Тащишь нас с утра пораньше слушать конченного психа, а потом на полном серьёзе комментируешь его бред. Говорила бабушка, что ты того, и, похоже, не сильно ошибалась — нормальный человек в психиатрию не пойдёт, оно ему на фиг не интересно. Глядеть на вас обоих смешно! Да мне этот волк безо всякой мази всю жизнь снится...

Машина вильнула к обочине, тормозя. Лена едва избежала удара об переднее сидение, Рома не избежал.

— Первый раз слышу, что тебе снится волк, — спокойно произнёс Иннокентий.

— Ах, оставь, пап. Я тебе сто раз рассказывала, что у меня офигеть какие проблемы с волками, а ты смеялся и советовал меньше смотреть телевизор, мда.

— А мне ты про это не рассказывала, — сказал Рома, прижимая к губе мгновенно разбухший от крови бумажный платок.

— Как-то не к месту было. Пап, у тебя перекись водорода есть? Ромке кровь остановить?

— Перекись? — рассеянно переспросил Иннокентий. — Возможно, в бардачке что-нибудь... — Облачко смущения окутало его. — Я считаю себя достаточно внимательным врачом, но в качестве отца...

— Просто медицина тебя интересует больше, чем отцовство, — улыбнулась Лена. — Это не наезд, пап. Я тут, наконец, поняла, зачем нужны дети: они — единственный способ понять собственных родителей. После Нюси лично у меня претензий к вам с мамашей стало на порядок меньше. На самом деле я давно научилась просыпаться в нужный момент, а потом нормально засыпать, так что волк... погоди, пап, неужели ты хоть бы на секунду допускаешь, что эта тварь — не сон?

— Я не владею информацией о твоих снах в степени, достаточной для построения какие-либо предположений. Могу сказать определённо только то, что Саша не воспринимает чужих снов и галлюцинаций. Остаётся также вопрос, имеет ли Рома дело с тем же, условно говоря, волком, что и ты.

Рома с Леной переглянулись.

— Да! — хором ответили они.

— Разреши спросить, что происходит, когда ты встречаешься со своим волком? — поинтересовался Иннокентий.

Лена хотела обозлиться на «своего», но у неё временно кончилась злость.

— Бегаю от него, а он — за мной.

— Неужели ты ни разу не пыталась повести себя иначе?

— Ну, пробовала его душить. Пальцы сжимала, сжимала, а он на меня... глядел. Мне прямо неловко стало.

И тут Лена испытала переживание, снизошедшее на неё лишь однажды (в результате дебютного злоупотребления водкой с соком). Озарение. Или прозрение... возможно даже, просветление. Во время первого сеанса просветления Лена принимала душ на полу в ванной, рыдая под альбом Гребенщикова «Навигатор». Второй сеанс прошёл менее патетично, но гораздо более практично, и от рыданий Лене удалось воздержаться.

— Сколько лет напрасного геморроя! — вскричала она, хлопнув ладонями по тощим

бёдрам. — Ненавижу себя!

Иннокентий и Рома замерли в настороженном ожидании.

— Я вроде как поняла, как покончить с волком, — выдохнула Лена.

— Как?! — оживился Рома.

— Мне тоже интересно, — сказал Иннокентий.

Лена потянулась до хруста в суставах и лёгкого головокружения. На её лице появилась улыбка (довольно неприятная).

— Не скажу. Область мутная, а терминологией я не владею — у меня, пап, восемь классов плюс ветучилище, не забыл?

— Перекись нашла? — спросил Иннокентий.

— Кровь сама почти остановилась, — ответил Рома. — Лен, а со мной как? — осведомился он вкрадчивым голосом.

— Прямо сегодня сможешь отоспаться.

Машина тронулась вперёд.

— Я догадываюсь, что ты собираешься сделать, — холодно произнёс Иннокентий. — Не могу этого одобрить.

— Во-первых, ни фига ты не догадываешься, — ответила Лена почти добродушно, — во-вторых, у тебя есть другие идеи? Прямо сейчас, а то Ромочка у нас нежный, не приспособлен для бессонницы и нападения демонов.

Иннокентий покачал головой.

— Лена, разреши мне кое о чём тебя попросить: я бы предпочёл, чтобы ты делала это в моём присутствии.

— Нет, пап, я как-то сама привыкла, — быстро ответила Лена.

— Понимаю. В таком случае, пусть с тобой кто-нибудь будет. Не Рома, ему как раз следует держаться подальше. Кто-нибудь, кто сможет набрать мой номер, если ты сама не сможешь этого сделать.

Лена облизала кончик пальца, не успев разобрать вкуса, после чего предусмотрительно спрятала китайскую банку в ящик тумбочки. Папа вроде больше ел, с другой стороны, лучше недожрать, чем пережрать. Однажды Серёга догонялся таблетками от непроверенного дилера, в результате его удалось отскрести от потолка только посредством тогдашнего мужчины Галкиной мечты (бывшего боксёра).

Жара. Всё же следует лечь... или само ляжется, как попрёт? Лена поймала себя на том, что сидит в позе Джейн Эйр (спина доской, колени сжаты), устыдившись, развалилась на подушках. Фанта следила за ней со сдержанным ротвейлерным интересом. На кухне брякнуло. Дура, забыла спрятать папин коньяк! Теперь от Димки и вовсе толку ноль, кроме вреда. Надо было завтра днём экспериментировать, отправив Нюсю к Татьяне Викторовне. А ещё лучше под папиным присмотром.

Лена знала, что лучше, но, такая штука: огромный соблазн, когда кто-то сильный и умный берёт тебя под крылышко с твоими проблемами. Вот только нельзя этого допускать! Нельзя расслабляться, привыкать, потому что, когда великолепный кто-то исчезнет из твоей жизни, — неважно, по какой причине, люди всегда исчезают, — тогда станет плохо. Очень плохо, гораздо хуже, чем было. Если Лена и научилась чему-либо у папы, то именно этому. Были моменты, ну, или месяцы... даже годы, когда Лена папу ненавидела, но папа был прав, не позволив ей привязаться к себе, и Лена была папе благодарна.

Не торкает, мало съела. Может, толерантность выработалась? Всё же год мазаться — не шутка. Ну и хрен с ним, завтра так завтра, перетерпит Ромка одну ночь. Лена встала.

Голова закружилась, тяжело сдавило глаз. На секунду Лена утратила ориентацию в пространстве, но это прошло, так как пространство кончилось. Осталась темнота, густая и вещественная, точно сметана наоборот. Далеко внизу, под ногами, возник искрящийся зелёным поток (в существовании у себя ног Лена засомневалась). Поток без конца и края. Лена падала, не в силах шевельнуться, захваченная нарастающей волной восторга. Если бы Серёгины средства давали хоть немного похожий эффект, стала бы наркоманкой и не поморщилась. Что-то с силой ударило в грудь, Лену отбросило назад, и падение прекратилось.

Лена обнаружила себя по колено в снегу, холода она не чувствовала. Сразу появилось ощущение, что за ней наблюдают, причём наблюдатель не один. Двигаться Лена не могла, зато каким-то образом воспринимала всё окружающее одновременно. Запахов, правда, не было, в остальном мир казался почти нормальным, хоть и чуточку более зелёным, чем обычно. Над головой дымное ночное небо с прибитым по центру лунным кругляшом, позади — поле, отороченное с рваной кромкой леса, впереди — занесённая снегом ночная деревня. Чуть поодаль от прочих домов темнела просевшая под снегом избушка вроде сарая.

Это место Лена посещала если не в каждом сне, то достаточно часто, не хватало лишь главной достопримечательности — волка. Вместо него рядом стояла Фанта: уши поджаты, шерсть ирокезом на круглой спине, и хвост указывал вниз как палец цезаря.

— Фаня, ты как сюда попала?! Хотя да, я читала, что собаки во сне шастают по астралу как тараканы. Вот и славненько, значит, мы с тобой в астрале, Фаня.

Собачью тушку толстым слоем покрывала маслянисто-мерцающая субстанция настолько чистого золотого оттенка, что в природе такой не встречается (правда, в плане

золота Ленин опыт ограничивался бабушкиным обручальным кольцом и каёмками на чашках). От удивления Лена сумела не только погладить собаку, но и поднести ладонь к лицу. До сих пор взглянуть во сне на руки у неё ни разу не получалось, сколько ни читал ей Серёга нудных лекций (Лена не сомневалась, что у него самого это не выходило, а может, и у всех прочих). Странное вещество не оставило на пальцах следов. И что это, спрашивается? Аура? Лена вытянула руку перед собой — на ней ауры намазано не было. Или собственную ауру Лена видеть не умела, или это была другая, неизвестная, фигня.

«И что дальше?», — подумала Лена.

По правилам сна ей полагалось прорываться в избу сквозь снег, обмирая от ужаса, но волк изволил опаздывать, а ноги всё ещё делали вид, что не имеют к Лене отношения. Оставалось торчать в сугробе забытым пугалом и любоваться окрестностями, благо в прошлые визиты сюда у неё не хватало на это времени. Было в пейзаже что-то знакомое... Слишком знакомое!

Дед увлекался фотографией. В основном он проделывал это с сослуживцами и членами семьи, насадив на булавки и выстроив в ряд с задумчивыми лицами. Случались пейзажи: «Моя жена и дети на нашей даче». Имелась также серия «Вот моя деревня». Бабушка водила пальцем по фотографиям, мечтательно рассказывая: «А вот наша банька, Леночка. В двадцать первом как деревня горела, дядю Василия в хлеву придавило, прабабка Анна да мать остались. Всем обществом им отстроиться предлагали, но прабабка ни в какую: ваши, де, избы погорят, а тута место цело будет. Упёрлась, нравная была, так в баньке и жили. Я в ней родилась, Иду родила, уж как мать померла, Лёня нас в Москву забрал. В войну пожгли немцы деревню, только наша банька уцелела. Народ по землянкам мыкался, а мы всё ж в своём дому, тем спаслись. Тяжёлое было время, Леночка».

Дед фотографировал баньку весной и, в общем, днём, всё же и банька, и деревня были те самые, с дедовых фотографий. «А ведь дед баньку изнутри тоже увековечил», — подумала Лена и оказалась в баньке, так и не воспользовавшись помощью ног. Прохождение сквозь стену не произвело на неё впечатления, потому что прошло до скучного незаметно.

Так и есть: обвешанная тряпьем русская печь, стол, несколько лавок вдоль стен. А полотенце в петухах, вышитое прабабкой Татьяной, у Лены до сих пор в комодке хранится. Конечно, в бабушкины времена стены вряд ли отличались прозрачностью: сквозь толстые брёвна горницы Лена без труда разглядела сидящую в сенях на лавке девочку лет десяти в продранной фуфайке поверх длинной рубахи.

Лена не успела понять, как оказалась рядом с девочкой, ноги в процессе точно не участвовали. В нормальном сне волк должен был подкапывать дверь, царапая когтями, а Лена — бояться на этой самой лавке, как раз возле кадки. Девочка не шевелилась. Худенькая, злое с хитринкой лицо, испещрённое, надо полагать, оспой — вряд ли на такое способна банальная ветрянка. Из-под низкого лба пусто смотрели глаза, похожие на старые пуговицы от брюк. Фанта прижалась к Лениным ногам.

— Э... привет? — начала Лена.

В неподвижности существа было что-то пугающее.

Лена начала закипать: раз в жизни по доброй воле наелась глючной мази от духов, и нате вам, волк не явился, да ещё эта сидит, таращится в стену точно овца! Не то привидение, не то Лена сама здесь на правах привидения, каковым рискует и остаться. На волне злости Лену поднесло к лавке, она тряхнула девчонку так, что свалилась фуфайка. Зараза вскинулась, прокусила Лене палец едва не до кости и опять замерла.

— Ах... ты! — остатки Лениного терпения утонули в ярости. — Вылезай! — подумала она, имея в виду волка. — Ну!

Он дымком появился из-под лавки и выжидающе повернул морду к Лене. Та, в свою очередь, глазела на него, забыв, что собиралась ему приказать. Зверь был не серым, скорее бурым. Особенно крупным он не выглядел, но линялым и тощим, с белыми прорезями глаз в неопрятной темноте шкуры.

Фанта ринулась в атаку. Раздался детский вопль, от которого свет взорвался у Лены в глазах. Она поняла, что лежит в собственной кровати, а в дверях маячит перекошенная Димкина физиономия. Детский рёв и лай как будто ещё громче сделались.

— Ну, наконец! — Дима утёр пот тыльной стороной ладони. — Я уже начал звонить Иннокентий Германовичу, только телефон потерял... Ёлки, у тебя рука вся в кровище!

— Я сама прокусила, — буркнула Лена. — От чувств.

— Фига се чувства у тебя! Зубы тоже ничего. Ох, заткни их уже, не могу!

* * *

Из детской неслись младенческие вопли, Дима разобрал слово «волк». По мокрой от жары спине скользнул холодок. Дети и домашние животные видят разную хрень, это знают все. Нормальные дети видят, а уж *эта*... о чём только Ленка думает? Другая б ребёнка с такими заморочками давно бы по врачам... мама рассказывала. Если только Ленке это не на руку. Яблочко к яблоне, неизвестно, чем она тут занимается со своими родственниками. «Полчасика на кухне покарауль».

Глаза теряют фокус, домой бы, пока ноги держат, да мама ещё не легла, мозг выест. Настеньку обидел, напился! Дима тоскливо покосился в разверстую пасть балкона, где торчало над заводом полнолуние. Чтоб его!

Особенно рьяный взвизг кончился шлепком, последовавшее за паузой хныканье лишилось истерического запала. Ленин голос за дверью звучал монотонно и невнятно, как сквозь подушку.

Будь нормальный дом, куда можно прийти с работы, не сидел бы сейчас у Ленки, и пить бы не стал, тем более сегодня! В такие дни не пиво бухать, а пустырник с валерианкой, и спать пораньше лечь. Ляжешь, как же. Не должен человек в сорок лет жить в двушке с мамой и бабушкой, ещё эту дуру принесло, тут не к Ленке, на Луну сбежишь. Так, о Луне думать сейчас не стоит.

Покараулил, мало не показалось. Вот что это было? На пустом месте ледяной, животный ужас навалился, скрутил кишки, оборвал дыхание. Не завой хором Фанта с Нюсей, рванул бы с балкона. Нюсе шоколадку, Фанте лытку какую отжалеть. Дима поёжился, вспомнив, как стояла Фанта над Леной — шкура дыбом, из пасти слюна... Он ещё подумал, что до кровати теперь хрен кто пробьётся, даже Иннокентий Германович. Пашка раз заснул бухой в прихожей, у него тоже ротвак, на охрану встал, так домашние до обеда в окно гадили — страшное дело. А ведь собака-то не на него, не на Димку кидалась! По центру спальни что-то висело, Ленка прочухалась, и это что-то убралось, потому что собака сразу заткнулась.

Дима умылся из-под крана. Всё-таки коньяк был лишним. Уселся со второй попытки, поднялся с пола и сел на другой стул, опустив голову на руки. Пережитый страх размылся

алкогольными парами, с новой силой проклюнулась жалость к себе вперемешку с обидой на Настюху. Вот если баба страшная, то она непременно ещё и тупая. Бракованный генофонд, от них дети неполноценные получаются, сама природа даёт понять самцам, чтоб не связывались. «Как ты с Настенькой обращаешься, опять девочку до слёз довёл». Маме не втолкуешь. А как обращаться, когда она сказала, что у него каждый месяц ПМС? Поневоле банку опрокинешь, чтоб успокоиться, или их было две? Три. И Ленкин коньяк. Полбутылки. Или больше?

Дима принял решение рискнуть мамиными нервами (вдруг всё же легла). Отлепился от стула, помогая себе руками, и озарение заплясало под черепной коробкой огнедышащим радостным мячиком. Ясно, что его всё время беспокоило! Не только сейчас, вообще всегда в этой, ёксель кот, квартирке — тут же...

* * *

Вошла Лена.

— Еле уложила. Дим, шёл бы и ты спать?

Крутанувшись к ней, Дима едва удержав равновесие.

— Да ты хоть знаешь, что... — взревел он, — что я!

— Ты? — нежно переспросила Лена.

Дима осел на стул кисельной массой. Лена, кривясь, прижгла раненый палец перекисью водорода. Рана зашипела.

— Ты это... на тебя волк напал? — тихо спросил Дима, чувствуя, как глаза снова лезут за положенные человеку рамки.

— Масштаб слегка не волчий, не находишь?

— Но напал.

Лена пожала плечами. На самом деле скорей нет, чем да. Вряд ли он хоть раз пытался. Ну, он за ней бегал, но до нападений не доходило. Лена плеснула себе коньяку, ловко отведя бутылку от Димкиной загребущей лапы.

— Нет, Дим, тебе лучше чаю и домой. Татьяна Викторовна сто пудов в койке.

Диму прорвало.

— Знаешь, что скажу? — возгласил он, шатко нависая над Леной. — Должен сказать. Предупредить. Ты слушай, на меня алкоголь только на координацию расстраивает, а соображаю я даже лучше. У тебя проблемы, короче. Боль-ши-е проблемы! Я всё голову ломал, с чего мне тут так тревожно, и только сейчас допёр: у тебя же ни-че-го-шень-ки нет, даже чёрных слизняков и мохнатых по углам!

— А должны быть? — Лена насторожилась. Татьяна Викторовна вроде дама аккуратная, но надо будет присмотреться, всё же Нюся там два дня через два проводит.

— Должны! — отрезал Дима. — Даже в обычных домах водятся, а у нас кладбище кругом всякое-разное. Всюду, кроме твоей квартиры. Я вижу, и не твоё дело, почему. Но я контролирую ситуацию. Чётко контролирую!

— Ты о чём? — осторожно спросила Лена, прощупывая глубину проблемы. Она разделяла как-то высказанную папой мысль, что заболевания психики во всех смыслах дешевле считать вариантом нормы, пока пациент не слишком докучает окружающим. Поскреби любого, и можно заводить историю болезни, но без крайней необходимости

делать этого не следует, в первую очередь из экономических соображений. Вот только некоторые скребутся сами крайне не вовремя и не по адресу.

Димка придирчиво оглядел кухню и остался недоволен увиденным:

— Бегающих теней нет. В нашем-то доме!

— И домового, — вставила Лена, подавив нервную улыбку.

— Чего?

— Домового. А у вас, между прочим, живёт, Нюся рассказывала — на антресолях. Маленький, зубастый, в шерсти, глазки горят.

Дима смерил её медленным мутно-багровым взглядом.

— Значит, полная стерильность. А я о чём?! Погоди, о чём я говорю?

— Что у меня нет домового. Слушай, чего это тебя так заводит? Нюся вашего домового побаивается. Нину Павловну домовою по ночам душит, она иголки по углам втыкает, те падают, котик колется, у самой я на прошлой неделе иглу из пятки насилу достала. Короче, нам и без домовых нормально.

— Дура! У тебя самое стрёмное на районе и водится, короче, остальные его реально боятся, и в твоей квартире не селятся, даже потревоженные покойники! В форме волка.

«Смешно, но возможно, так и есть, — горько вздохнула Лена. — Самое стрёмное на районе — это я». Однако тему следовало прикрыть.

— Дим, давай-ка я верну тебя маме.

Димка увернулся от её рук. Бабушкин стол лишился при этом манёвре задней правой ноги, печально звякнули на прощанье чайник и чашка с блюдечком.

— Вот говори с бабой о серьёзном! По-человечески предупредить хотел, но с бабами нельзя, вы наглеете!

Пока Лена возвращала его в вертикальное положение, Димка мрачнел. Побрёл к балкону вместо прихожей, Лена догнала его, желая сменить траекторию, но он пихнул её так, что она удержалась на ногах только благодаря холодильнику (синяк на груди обеспечен, и кое-кто за это поплатится).

— Или тебя всё устраивает?! — возопил Дима. — Чем, собственно, ты у меня в доме занимаешься?! Угощаешь лоха типа вареньем, тварь встаёт на след, а патологоанатом находит приступ или скоротечное кровоизлияние вообще всего. Неплохо так устроилась! Теперь моя очередь, да? Мазь в коньяк намешала?! А твоя зверюшка не облопается — двух мужиков подряд умять?

Бутылка улетела с буфета на рандеву с асфальтом.

— Не выйдет! — орал Дима. — Я в серьёзной конторе работаю! Тебя в дурку заберут и ребёнка отнимут, лично прослежу, чтобы ты из моего дома съехала, пакуй вещички!

С внимательностью дебильного ребёнка Лена рассматривала уцелевшую половинку чайника с акварельным цветком шиповника в золотых листочках. У чайника хронически текло из носика, и его едва хватало на одну нормальную кружку (при бабушке чай полагалось пить из маленьких чашечек). Дима хрустнул тапком по цветку. Вокруг Лениной головы, ото лба к затылку, обозначился обруч, продолжая сжиматься. Лена знала толк в ярости — только ярость и ещё отчаяние приносят истинную свободу. Жаль, что за всё истинное платить приходится тоже не по-детски, так что с некоторых пор Лена прикрутила фитилёк, отчего жизнь утратила немалую долю перчика и красок. Но Димка сам напросился, Лена расслабилась. Она успела заметить, как вытянулось Димкино лицо, и его фигура неприятно дрогнула, размываясь.

Когда Лена открыла глаза, перед ней полз на брюхе рыжий колли, скуля, путаясь в майке и трениках. Перевернулся на спину, подставил мохнатое пузо, которое Лене пришлось немедленно чесать — отказать в данной любезности даже самой грязной и мокрой собаке она не умела. Некоторое время ушло на успокоительное поглаживание ушей. Сходство с Кешей было поразительным, вплоть до деталей окраса. Фанта обнюхала новоявленного коллегу спокойно, как давно знакомого, зато тот бурно ею заинтересовался, нарвавшись на рык и превентивное обозначение хватки в области брылей. Колли заметно шатался. Лена вспомнила, как Серёга напоил Густю пивом, после чего доберманша повадилась ворчать на всякого, от кого разило алкоголем.

Смирившись с тем, что романтика ему не светит, Дима отведал предложенный сыр, вскарабкался на диван, вытянул узкую морду на лапы и захрапел. Выпроваживать его к Татьяне Викторовне в таком... гм... состоянии было невежливо. Лена потрепала роскошный воротник и тоже отправилась спать.

Лимит удивления она исчерпала ещё до Димкиного эффектного выступления, впрочем, удивляться Лена не слишком умела. Злиться — сколько угодно, но не удивляться. Даже любопытством не отличалась, врач однажды сказал мамаше, что «у вашей девочки снижен познавательный интерес». На свете много всего, в том числе оборотни, почему нет? Про них столько написано, не на пустом же месте. Галка рассказывала, у них в городке многие бабки превращаются в кошек. Интересно, Димка только в колли может или во что-то ещё? Собакой он очень приличный, прямо шоу-класс, а человеком — рядовой непородистый блондин, нос картошкой. Гм. Неужели Татьяна Викторовна тоже?! Во что-то типа «я хотела быть шпицем». С другой стороны, на какую ещё няню может рассчитывать Нюся?! А в кого бы оборачивалась она сама, будь она оборотнем? Доберман больше всего подходит, но не совсем. Вот Нюся — явный ротвейлер. Из Серёги получился бы рыжий ирландский сеттер правда, полный психопат, Рома — зенненхунд, папа... сложно сказать. Лена мало его знала, но подозревала, что речь идёт о чём-то вроде хаски. Ошалевший мозг выплеснул из пыльных закров следуюшую ценную информацию: *«Собака породы хаски категорически непригодна для использования в качестве охотничьей (охотится, но не приносит добычу), сторожевой (инстинкт охраны территории сведён к минимуму) и охранной (в норме у этих собак начисто отсутствует агрессия к человеку). Излишне самостоятельна, поэтому плохо годится на роль служебной. Хаски имеют склонность к убеганию».*

* * *

Заснуть не удалось. Взбив к четырём утра постель в потную смятку, Лена решила забить на сон и основательно выгуляла Фанту в пустом парке под гул поливальных машин.

Дима выглядел олицетворением вселенской скорби.

— Я починил стол, — сообщил он, дыша в сторону. — Сто лет простоит.

— Ему и так больше ста, — усмехнулась Лена, — Достался бабушке от соседки по коммуналке — дочери адвоката, окончившей университет в Швейцарии. Бабушка её прикармливала, чтобы сидела с тётей Идой и учила французскому, но старушка уже крепко не ладила с головой, собирала по помойкам мусор, и очень уж от неё крепко пахло, так что французский тётя так и не освоила. Этот стол — всё, что осталось от дореволюционной семьи адвоката, забавно, да?

— А я его чуть не расфигачил... Лен, прости дурака! Чайник был тоже антикварный?

— Нет, просто старый. Ладно, забыли.

— Там ещё сверху доска отошла на столе, я в выходные поправлю.

— Спасибо.

— Ну, мне пора...

— Дим?

— Угм?

— Кофе выпьешь?

— С молоком, — робко улыбнулся он. — И три ложки сахара.

Пока варился кофе, Дима умылся, проглотил активированного угля и стал похож на крайне помятого человека, а не на то, что Фанта норвила подтибрить в кустах у помойных баков. Смотреть Лене в глаза он всё же избегал. Нечаянно обнаружить скелет в чужом шкафу достаточно противно, насколько же более мерзко самому вытряхнуть на всеобщее обозрение содержимое собственного шкафа! Как только оборотню с его болтливый языком удавалось столько лет шифроваться? Или Лена как всегда не в курсе сплетен? Нет, про такие шуточки точно бы слышала. Лена поздравила себя с собственной паталогической скрытностью (фамильная черта, упрощает многие вещи — например, существование). И всё же кое-что требовало разъяснения:

— Надеюсь, ты больше не считаешь, что я скармливаю гостей твари в форме волка? — уточнила она.

— Понесло, понимаешь? — заёрзал на стуле Дима. — Мне ж в полнолуние нельзя ни бухать, ни нервничать, а тут мама, Настюха, ты... понесло, короче.

— Значит, про полнолуния и оборотней правда? — с почтительным любопытством спросила Лена. — Не обижайся, пожалуйста, неужели ты бы на моём месте не спросил?! Ты оборотень или как?

Дима набычился, закурил.

— Дим, курить — на балкон, Нюся скоро проснётся.

Покурив, Димка выглядел не то что успокоившимся, но смирившимся.

— Я верколли, — сумрачно поведал он, принимая у Лены дымящуюся кружку, и пояснил: — Типа вервольф, только в колли.

— А больше ни во что?

Дима мотнул головой.

— Трансформироваться я могу, когда угодно, хотя в полнолуние я себя физически чувствую лучше и превращаюсь быстрее, только вот по части крыши беда: пробивает то на агрессию, то на паранойю. На обе вещи сразу. А ты, правда, что ли, не знала, кто я?

— Я даже не знала, что такое бывает. Ты извини, ненавижу лезть в чужие дела, но Татьяна Викторовна, она — как ты? Ничего не имею против колли, просто я должна знать, с кем Нюсю оставляю.

— У нас вся семья нормальные! — возмутился Дима. — Брат прадеда оборачивался волком, бабуле свекровь рассказывала. Когда я стал того, отец долго бухтел про вырождение, и что мы так до мышей дотрахаемся. Хотя бы в волкодава или там в немецкую овчарку...

Не понаслышке знавшая о муторности несоответствия родительским идеалам Лена поставила перед Димой сбережённое Нюсе на завтрак пирожное. Родителей не стоит осуждать: вкладываются, годами терпят выкрутасы — хочется же приятного результата. Однако мало у кого получается стать приятным результатом для другого, для себя — и то не

всегда. Отношения родителей с детьми полны взаимных разочарований.

— И всё же не верится, что ты не знала, — промямлил Дима с набитым ртом. — Как-то слабо ты реагировала для незнающего человека.

— По остаточному принципу: слишком много интересного случилось до тебя, если честно. Кроме того, колли ты был очень милый, прямо выставочный. Я не разбираюсь в породе, но обалденный воротник, хвост тоже...

Самодовольная улыбка расцвела на Димином лице.

— А я выставлялся! Нарочно держу собак, похожих на себя, чтобы перед соседями не палиться. Когда Гард повредил лапу, мама меня вместо него выставила, получил «лучшего кобеля породы»! Нехило, а?! У меня до Кешы все чемпионы были, это с Кешей я никуда не хожу, надоело. Судьи вообще козлы, это ж додуматься, чтоб колли судил эксперт по молоссам! Так ты не знала?

— Дим, я что, специалист по оборотням? Или весь район давно в курсе, кроме меня?

— Не в курсе! — рявкнул Дима и осторожно добавил: — Я-то всегда знал, кто ты. Думал, для тебя так же нормально знать про меня.

Лена постно поджала губы.

— И кто же я?

— Вот на кой выделяешься? — заныл Дима. — Все вы, бабы, так: хотите, чтоб с вами начистоту, в душу лезете, а как до ваших делишек — крутите хвостами. Я перед тобой раскрылся, а ты сейчас начнёшь мне втирать, что с Ромкой случайно получилось, и вчера случайно, ты не ты, зверюшка не твоя, а зелёная дрянь, что вы тут по чистой ошибке круглые сутки наворачиваете — мазь от диатеза. На фига я с тобой вообще разговариваю после того, чего вчера нагяделся?!

— Ты опять?! — нахмурилась было Лена, но против воли признала, что кое в чём Димка прав. С другой стороны, то, что он спьяну продемонстрировал больше, чем хотел бы на трезвую голову, не означает, что Лена обязана заниматься стриптизом из солидарности. Всё же чего такого он нагяделся?

— В двух вещах можешь мне поверить. Первое: я не хотела причинить тебе вред, ну, и Ромке, и никому другому, это главное. Второе: я сама не понимаю, что происходит. Мне кажется, никто не понимает. Если ты что-то видел и можешь поделиться, будет здорово, нет — дело твоё, без обид. И на тему кто я: я предпочитаю считать себя человеком с неисследованными способностями, усвоил?

— Тогда и я это же самое, — фыркнул Дима.

— В принципе, да. Но ты и под определение оборотня правильно подпадаешь: оборотень — ну, это тот, кто превращается во что-то другое. А у нас в семье просто передаются способности. Неисследованные, — Лена замаялась. — Дим, у меня что, на лбу написано...

— Вроде того. Вокруг тебя такие... завихрения в разные стороны... даже пытаться не буду объяснять. Если б ты могла трансформироваться, сама бы заметила. Не парься, люди не видят, а у собак нет подходящих выражений. Совсем нет выражений. Это проблема. Я мало что могу рассказать из собачьего опыта, даже не помню почти ничего. Чтобы помнить, тоже нужны слова. Со мной ведь тоже непросто по определениям. Больше всего подходит «раздвоение личности», хотя мне не нравится, звучит как диагноз и тоже не совсем в тему. Короче, в моём случае — это две сущности в одном флаконе, человек и собака, но и то, и другое — я, поэтому оно всё же не раздвоение. То есть это я так понимаю, а

проконсультироваться негде, не к психиатру же идти. К Иннокентию Германовичу я б сходил, жалко, он не в теме.

— С папой нельзя сказать наверняка, — заметила Лена, — хотя это даже для него чересчур. А ты никогда не встречал кого-то вроде себя?

— Нет. Это ведьм в каждой подворотне десяток сидит.

— Шовинист несчастный.

— Чего сразу шовинист? Полно баб, особенно бабок... бабы вообще...

— Так всё-таки, что ты вчера видел?

— Я тебе вчера и сказал.

— Ага, что у меня нет домового и мохнатых слизней.

— Да пойми ты, это фауна! Или флора... энергетическая. Короче, должны быть, и точка, — упрямо насупился Дима. — Вчера я долго болтался на грани трансформации, то есть ещё соображал как человек, но собака во мне уже смотрела моими глазами, или я смотрел собачьими глазами... вот, блин! Как качели — вверх... вниз... Нет, не могу объяснить, хоть тресни. Короче, у тебя в квартире полная стерильность, такое бывает в очень паршивых местах, где и находиться не стоит. Это самое я пытался тебе объяснить.

— Ну не знаю, — развела руками Лена. — Фанту с Нюсей наша флора не напрягает. Нюсю как раз ваша фауна напрягает, чтоб ты знал. Вместе с домовым. Так что не так, кроме отсутствия слизней? Ты видел волка?

Дима зашагал по кухне (хоть тапки не надел — не хватало явления Нюси на самом интересном месте).

— Не то чтобы видел... когда я стал тебе прояснять, какая у тебя дома параша, а ты упёрлась... Эта ваша бабская упёртость меня всегда выводит...

— Дим, не отвлекайся, твои претензии к бабам мне давно известны.

— Ты стояла... посмотрела на меня... и... когда он из тебя выскочил, собака взяла контроль на себя. Дальше не помню.

— Кто выскочил?

— Волк, — ответил Дима, опустив глаза.

— И из какого места он у меня выпрыгивает?

Дима нарезал ещё несколько кругов по кухне. От его мельтешения начала кружиться голова.

— Сядь, наконец! Я не поняла, ты намекаешь, что я вервольф?

— Нет же! Рядом с тобой что-то живёт. А может, и в тебе. И оно реально жрёт всё вокруг, поэтому кругом тебя чисто, — Дима трусовато покосился на Лену. — Если ты уверена, что не вызывала эту тварь нарочно...

— Дим, ты меня достал!

— Я много разной литературы читал, на разные темы. У вас в семье народ не умирает при мутных обстоятельствах?

Помолчали. Лена прикидывала степень мутности семейных смертей.

— Что ты собираешься делать? — спросил Дима. — Или ты мне по-прежнему не веришь?

— Верю, — вздохнула Лена. — Мне ещё до тебя один ценный специалист что-то похожее наговорил. Живёшь так, живёшь, вдруг «здравствуй, жирненький песец».

— А этот специалист поможет?

— Щаз! У него самого проблем выше крыши, причём намного. Но у меня есть идеяка.

Как раз вчера я пыталась её воплотить, за этим ты мне и понадобился, ну, караулить. Кто мог знать, что вы такие все чувствительные! У тебя полнолуние, Нюся с Фантой медиумы, блин, придётся к папе ехать.

— Это правильно, Иннокентий Германович разберётся. Вот теперь я реально на работу опоздаю. Ты... ты никому про меня не...

— Первым делом побегу к Нине Павловне делиться впечатлениями, ни минуты не стану терять: надо же поддерживать репутацию психованной алкоголички. Возьми жвачку, мне скоро к Татьяне Викторовне подлизываться насчёт Нюсиной передержки, а от тебя амбре.

В дверях Дима остановился.

— Не думал, что скажу, но мне приятно, что ты теперь знаешь. Мама делает вид, будто у нас всё как у людей. Пожилой человек, сердце, давление. Бабуля последние десять лет в маразме. А иногда выговориться просто необходимо. Оборотень — это ж находка для психиатра, безо всяких полнолуний сядешь на успокоительные, только с ними алкоголь нельзя. Спасаясь йогой и боевыми искусствами. Выпить тоже хорошо помогает. Давно бы свихнулся, но звериная часть гораздо устойчивей к проблемам с крышей, чем человеческая.

— Ни разу не видела сумасшедшей собаки, — авторитетно подтвердила Лена. — Наш главврач утверждал, что животные не сходят с ума. Я, правда, сомневаюсь, но лично мне не попадались. Нервные — да, с поломанной психикой — сколько угодно, но не сумасшедшие.

* * *

Вытянувшись, точно примерный покойник, Лена лежала на белом покрывале в белой комнате с полом настолько белым, что ходить по нему казалось кощунством, особенно если ноги не то чтобы очень чистые. Над таким полом надо левитировать, едва касаясь педикюром (которого у Лены не водилось). По-больничному стерильная, прохладная, свето- и звукоизолированная комната больше смахивала на бункер, нежели на гостевую спальню пентхауса. А что, однажды папа жил в подвале при морге, куда устроил Лене экскурсию на девятый день рождения. Весёлый парень-санитар подарил ей собственноручно ошипанный и сваренный череп (бабушка долго осаждала кладбищенского сторожа по поводу незаконного захоронения неопознанных останков).

Знакомое давление на глазные яблоки, будто в детстве, когда жмёшь ладошками веки, чтобы полюбоваться звёздочками. Вместо звёздочек Лену встретила тьма и с чавканьем проглотила. Началось соскальзывание в зелень потока, медленное и невыразимо приятное, прерванное ещё более грубо, чем в прошлый раз, — удар в бок едва не вышиб из Лены дух.

Она снова оказалась в темноте, но в темноте обычной, как если зажмуриться, скажем, в туалете, выключить свет и запереться (интересно, кому и зачем это может понадобиться?). Запахи и звуки хлынули в Лену с сокрушительной силой. Большую их часть она не умела опознать. У Лены возникла уверенность, что она воспринимает мир чувствами другого существа, нечеловека. Оно лежало в лесу, между корнями поваленного дерева, а человек сидел на стволе и говорил. Лена не понимала слов, так как их не понимало существо, но и без слов было ясно: человек убеждает зверя, что вместе им будет лучше. Несмотря на исходящий от человека пугающий смрад, зверь соглашался. Почему ничего не видно? В этот момент Лена поняла, что значит быть слепым и иметь хвост. Зверь принял решение. Вспышка света.

Лицо старика в бурых ключьях бороды. Странная шапка. Вены верёвками, скрюченные пальцы. Кожаная сумка. Другие руки, молодые. Берут сумку. Слова, невозможно уловить смысл, похожи на стишок или считалочку. Молодое лицо, рыжая короткая борода, веснушки. Покой. Молодой мужчина, поднимающийся на холм. Солнце, трава. Коровы на дороге. Облака. Поле. Девочка из баньки. Стоит, прижимая к груди сумку. Молодой мужчина под берёзой. Коровы. Лес. Дорога, поля. Коровы. Лес. Темнота. Одиночество, страх. Темнота. Девочка из баньки. Ничего не видно. Бег без цели и конца. Темнота. Ярость, страх. Голод. Изредка в темноте возникали едва различимые силуэты — люди. На некоторых удавалось напасть и утолить голод, всасывая их жизни, как воду из пересохшего ручья. Огонёк точкой в темноте. Поле. Мужчина, шатается как пьяный. Краткий взрыв удовлетворения сытостью. Огонёк. Поле. Девушка в одной рубашке. Насыщение. Огонёк. Поле. Крошечная девочка годика два, рубашонка развеивается, Лена потянулась к ребёнку, замирая в предвкушении еды...

— Хватит! — взвизгнула она и почувствовала, что свободна.

Банька торчала справа, сутулая и расплзшаяся под лунным светом. Посреди поля стояла согнутая почти пополам старуха, в её руках дрожала свечка. Волк появился из тени между сугробами, мягким длинным прыжком настиг бабушку, секунду возвышался над телом, пастью прильнув к затылку. В следующий момент волка стёрли на картине с полем и нарисовали перед Леной.

Она с отвращением догадалась, что ещё немного, и зверь полезет ластиться. Лапы переминались в приветственном танце, хвост крутился самым заискивающим образом, уши сошлись кончиками внутрь: по человеческим стандартам зверюга рассыпалась в любезностях, хоть и несколько смущённо. Лене не было охоты копаться в тонкостях психологии потусторонних волков. Срывающейся от наслаждения мыслью она приказала давно задуманное: «Слушай, ты! Не смей приближаться ко мне, к Нюсе, Фанте и к Ромке!».

Зверь подёрнулся дымкой, растворяясь.

Лена моргнула. Перед носом маячили чёрный край подушки, шитый чёрной пушистой нитью, и собственная Ленина рука на белом покрывале.

* * *

— Сработало! — Лена плюхнулась в крутящееся кресло напротив папы, закурила, скрестив ноги.

Иннокентий поднял голову от ноутбука. За время Лениного уединения в спальне на его лице опять возникли свежие царапины.

— Та-а-а-к, — протянула Лена. — Мазь потырил?! Детский сад. Пап, скажи, ты из научного интереса, или в тебе вдруг проснулось рудиментарное желание контролировать мою жизнь?

— Не то и не другое, — улыбнулся ей Иннокентий. — Кроме того, я не брал мазь. Решил проверить, нельзя ли войти в это состояние по памяти — несколько раз я имитировал таким образом воздействие некоторых других препаратов. Не стану отрицать, мне было любопытно, что с тобой происходит, но это не имеет отношения к контролю. Всё равно прости.

— Судя по всему, у тебя получилось, — проворчала Лена.

— Отчасти. Я погрузился в темноту, едва успев сконцентрироваться на эффекте надавливания на глаза. Остальное прошло в точности по предыдущему сценарию, — Иннокентий погладил царапину на лбу. — Думаю, это сопоставимо с тем, что почувствовал бы человек при попадании в голову крупной птицы, летящей с достаточно высокой скоростью.

— Достаточной для чего? — спросила оторопевшая Лена.

— Для того чтобы на какое-то время перестать воспринимать окружающее, так что твоя личная жизнь осталась неприкосновенной.

Лена смотрела на отца, разинув рот. На террасе за его спиной чучелком красовался ворон.

— Пап, ты хочешь сказать... это не ты Ромку вытащил?

— Он, — Иннокентий отвесил неглубокий поклон в сторону террасы.

Ворон переступил ногами с абордажными крючьями когтей, одарив Лену круглым птичьим взглядом. У неё создалось впечатление, что птица тоже раскланялась.

— Ты оба раза схлопотал вороной по морде, и всё? Офигеть! А я-то была уверена, что это я бессменный чемпион в номинации «самый идиотский трип года».

— Хоть в чём-то ты унаследовала мою завышенную самооценку, однако справедливости ради должен отметить, что ты даже не в первой тысяче номинантов. А вот я могу претендовать на это звание, особенно если учесть, каким уникальным средством был достигнут столь своеобразный результат. В этой связи мне бы очень хотелось, чтобы ты как можно более подробно рассказала, как всё прошло у тебя. Если не трудно, начни с момента, когда ты съела мазь в первый раз.

— Учёный не дремлет? — сузила глаза Лена.

Иннокентий улыбнулся просительно.

— Сделай мне подарок. На день рождения. Ты не против провести этот вечер в моём обществе? Я созвонился с Ромой, он заберёт Нюсю у няни и посидит с ней до твоего возвращения.

— Надеюсь, Фанта вовремя скушает Ромку, и никто не успеет пострадать. Сколько тебе... э-э-э... стукнуло?

— Шестьдесят три. Отличный возраст, чтобы на нём остановиться.

— Глупости говоришь! Гм. Поздравляю.

Лена встала, села, повозилась в кресле и снова встала. Бочком приблизившись к отцу, она чмокнула его в щёку. Тот поцеловал её в ответ, угостив запахом табака и мятных леденцов.

— Как ты смотришь на предложение перекусить? Внизу неплохой ресторан.

— Рестораны — отстой, — скривилась Лена. — Сейчас сгоняю к метро, куплю торт, водки с соком...

Порывшись в ворохе журналов и книг возле дивана, Иннокентий протянул ей бархатную папку.

— Меню, — пояснил он. — Ужин принесут сюда.

Лена рассеянно пролистала страницы.

— Закажи чего-нибудь. Кроме свёклы.

Позвонив, Иннокентий перечислил в трубку много всего и принялся скручивать сигарету.

— Отличный способ сократить потребление никотина, — подмигнул он. — Лишний раз

лень возиться.

— Смешно, я первый раз на твоём дне рождения, — выпалила Лена. Уши у неё всё ещё горели.

— Я тоже, — ответил Иннокентий.

— В каком смысле?

Иннокентий удовлетворённо затаился, на улицу поплыли завитки дыма, распространяя не вонь жжёных тряпок, как Ленины сигареты, но густой аромат подвяленной осенней травы. Лена отметила про себя, что запахи кажутся приглушёнными, хотя ни малейших признаков насморка она не замечала. Кроме того, жизнедеятельность соседей со всех сторон света и рёв города впервые в жизни не оглушали Лену, привыкшую существовать на грани головной боли. Звукоизоляция, конечно. С другой стороны, двери на лоджию открыты, внизу дорога... она просто редко бывала так высоко.

— Каждый год двадцать седьмого июля дедуля дарил мне шоколадного зайца, — рассказывал Иннокентий. — Когда дедуля умер, соседка отвела меня в милицию. Документов на меня не оказалось, сейчас невозможно установить, по какой причине: соседка их не нашла, их не было в принципе, или дедуля счёл нужным их уничтожить. Я называл его «дедулей», но он мог быть и другим родственником, а то и попросту добрым человеком. Фамилию с отчеством я получил в детдоме, там же врач определил примерный год моего рождения, зато день и месяц я назвал сам — двадцать седьмое июля.

— Ничего себе! — воскликнула Лена. — Всю жизнь живу с фамилией, и вдруг выясняется, что её выдумали какие-то детдомовские тётки! Погоди, почему детдом? Ты же был в крутом интернате для математически одарённых...

— Меня туда перевели вскоре после поступления в детдом. Возвращаясь к праздничной теме: несмотря на то, что я самостоятельно избрал дату своего рождения, она портила мне настроение, когда я наткнулся на неё в календаре, и у меня не возникало желания привлечь к ней внимание, даже своё собственное. Как ты понимаешь, отмечать день рождения не вошло у меня в привычку. Впоследствии выяснилось, что машина родителей сорвалась с горной трассы. Это случилось летом, полагаю, именно двадцать седьмого июля.

— Как же ты всё это раскопал, если не знаешь своей настоящей фамилии? Или знаешь?

— Не знаю. Существуют неплохо работающие методики, позволяющие воссоздать события, относящиеся к доречевому периоду. На момент аварии мне было около года. Я лежал в яркой зелёной траве под ярким синим небом, следил за кружащей надо мной птицей и знал, что всё со мной будет хорошо. И никогда с тех пор в этом не сомневался. У него, кстати, сегодня тоже день рождения.

Ворон покосился на Лену: «Как я тебе?». Серые с чёрным кантом крылья, траурный клюв. Ветерок ерошил пух на груди.

— Странно всё же, что люди его видят, — с сомнением произнесла Лена.

— В обычном состоянии сознания — только я и ты.

— Ещё Нюся, — поправила Лена. — Хотя с Нюсей не всё понятно. В обычности её состояния я иногда сомневаюсь. Забей, проехали.

— Не думаю, что его возможно «увидеть» в строгом понимании этого слова. Скорей всего, мы ощущаем его присутствие, а воображение дорисовывает форму в силу привычки к формам.

— Положим, Нюся много чего видит, но почему я?

— Такие сущности питаются эмоциями родственной им природы. Природа ворона —

любовь ко мне-любимому, прости за тавтологию. Кроме тебя и Нюси... его никто никогда не видел. Во времена романтической юности меня это иногда печалило, впрочем, настоящим романтиком я не был. Хочу сказать, мне приятно, что ты... Способность Нюси видеть ворона также свидетельствует о её... небезразличном ко мне отношении.

— Небезразличном, ага. Загнул ты, пап. Да Нюська от тебя пищит! А можно его потрогать? Или хотя бы к нему подойти?

— Как бы тебе объяснить... — Иннокентий пошевелил пальцами. — Ворон не относится к существам, находящимся где-то и когда-то. Единственное, в чём я уверен, так это в том, что он всегда со мной. Как твой волк — с тобой.

Лена остановила кресло на повороте так резко, что едва из него не вылетела.

— Не называй ту тварь «моей», ясно?! Вдобавок теперь она где угодно, только не там, где я.

— Не люблю говорить такие вещи, но ты поспешила, — строго произнёс Иннокентий. — Следовало...

— ...объездить всех экспертов по непознанному из числа твоих пациентов? Мерси! Ромка с удовольствием не поспал бы месячишко-другой. Совсем забыла, Саша зуб давал, что Ромку вот-вот сожрут. И вообще, ты же понятия не имеешь, что я сделала.

Под взглядом Иннокентия Лене сделалось неуютно.

— Догадываюсь: я, знаешь ли, был знаком с твоей тётёй Идой. Благодаря ей я занялся психиатрией.

— Не преувеличивай, все было не настолько запущено.

— О, напротив, довольно забавно. Просто во времена моей молодости психиатрия являлась одним из немногих легальных способов изучать некоторые возникшие у меня после общения с Идой вопросы, — пауза повисла под потолком, вильнула хвостом и пропала. — Насколько я понимаю, ты тоже умеешь *уговаривать*.

— Умею, — чопорно кивнула Лена.

— Что конкретно ты приказала волку?

— Ну, не приближаться ко мне, к Нюсе, Фанте и Ромке, — Лена заёрзала. — Пап, я сволочь, про тебя я забыла. Привыкла думать, что с тобой ничего не может случиться.

— А со мной действительно ничего не может случиться, — лучезарно улыбнулся Иннокентий. — Но у тебя, кажется, немало других родственников?

— Мне весь список надо было зачитать? — огрызнулась Лена. — Пусть сами о себе позаботятся, их очередь отдуваться.

Тренькнул дверной звонок, оповещая, что кушать подано. Официант явил собой нечто бестелесное, донельзя гармонировавшее с темой разговора.

Лена ковырнула вилкой кусок мяса, украшенный кокетливыми листиками. К мясу полагался соус, от запаха которого чесались ноздри. Несмотря на бросающуюся в глаза шуплость, покушать Лена любила, провоцируя тупые шутки на тему глистов. Сегодняшняя еда превзошла всё, до сих пор попадавшее к ней в тарелку, так что проблема загробных существей временно отошла на задний план. Праздник подпортило вино: Лена понимала, что оно дорогое, но, чтобы его заценить, надо пить такое с детства, а не пошло из банок сосать. Говоря по правде, Лена предпочла бы этого самого, из банки — хоть бы и джина с тоником.

Окончательно убедившись в тщетности попыток впихнуть в себя кусочек чего бы то ни было, она сумрачно оглядела бокал, выцедила залпом и поковыляла на террасу. Трудно

сказать, в какой момент исчез ворон — или, вернее, когда Лена перестала его видеть. Вдохнув вечернего пыльного воздуха, она вернулась в кресло и резко обернулась — ворон красовался на прежнем месте.

Иннокентий с усмешкой наблюдал Ленины манипуляции.

— Оставь птичку, — посоветовал он, — голова разболится.

Виски, в самом деле, обложило ватой, глаза слезились. Лена демонстративно раскрутила кресло спинкой к террасе.

— Пойдём на крышу? — предложил Иннокентий.

— У тебя персональный лаз? — хмыкнула Лена.

— Возможность покурить на крыше всегда была для меня существенным критерием при выборе жилья.

Иннокентий поманил Лену в спальню. Он до смешного мало обживал помещения, и эта квартира не стала исключением. Кроме ноутбука, имущество Иннокентия состояло из небольшого чемодана и приклеенного скотчем над кроватью портрета Беранже, вырезанного из старого журнала (Иннокентий таскал с собой портрет чуть ли не со школы). В остальном интерьер пентхауса отличался стерильностью трёхмерной иллюстрации. Пройдя по винтовой лестнице в виде книжных шкафчиков, Иннокентий толкнул стеклянный люк, и Лена вылезла в садик на крыше — с дощатыми дорожками, стриженными ленточками газончиков и деревьями в кадках. Всё вместе производило впечатление великанского бонсаю.

— Офигеть! — сдерживая дрожь непривычного забираться выше пятого этажа тела, Лена перегнулась через пушистый кустарник. Перемигиваясь лампочками, рвались из города игрушечные машинки. Первая звезда наблюдала из облака тётку, вешавшую подштанники на балконе соседнего дома. — Пап, вот это действительно круто! Немыслимо круто!

Между тёткой и звездой трепыхался среди небес ворон.

— Я всё ещё жду твоего рассказа, — напомнил Иннокентий.

Когда Лена закончила, он приступил к изготовлению очередной сигареты, с которой возился мучительно долго.

— Ну? — не выдержала Лена.

Сигарета заняла положенное место под усами, от чего те изогнулись ещё замысловатей.

— Ты поспешила.

— Пап, это уже скучно!

— Хочу обратить твоё внимание: оба раза ворон вмешивался перед тем как, исходя из твоего и Ромино опыта, я должен был увидеть «зелёный поток».

Лена огляделась. Птица сидела на спинке папиного шезлонга.

— Я склонен считать ворона силой с заданным вектором, действующей по линии наименьшего сопротивления. Обстоятельства моей биографии позволяют предположить, что он порождён заботой о моём благополучии, в первую очередь, в плане физического выживания. В этом направлении ворон воздействует как на меня, так и на окружающих. Я умею отличать его влияние от собственных мыслей, тем не менее, ему нелегко сопротивляться.

— А на фига сопротивляешься, раз способствует выживанию? — перебила Лена.

— Выживанием мои интересы не ограничиваются. Таким образом, конфликты с вороном у меня случались довольно часто, и всё же до рукоприкладства я дошёл его впервые. На мой взгляд, это свидетельствует о степени опасности «зелёного потока» для меня и, вероятнее всего, для вас с Ромой.

— Не ковырай царапины! — потребовала Лена. — Ой, пап, прости, с Нюсей я начала циклиться на сохранении не хуже твоего ворона. Интересно, почему он меня не вытаскивал сегодня? Ромку же вытащил.

— Правильней сказать, отпугнул волка, и Роман выбрался самостоятельно. В задачи ворона входит только моя безопасность, так уж он устроен. Что касается волка, то оба раза твоё падение было прервано сильным толчком, кстати, в какое место?

— Ну, первый раз в грудь... точно руками с разбегу...

— Лапами, — поправил Иннокентий. — А сегодня?

— В бок, — мрачно ответила Лена. — Наверно, он меня башкой.

— Когда я говорю, что ты поспешила, в частности я имею в виду именно это: волк больше не сможет помешать тебе падать куда бы то ни было.

— Да ладно, жрать мазь или давить на глаза по памяти я не собираюсь, я ещё не совсем того.

Иннокентий вздохнул.

— Ты не любопытна, дочь моя. Наблюдения за этой сущностью могли бы оказаться занятными и небесполезными.

— Издеваешься? — взвилась Лена. — Погонял бы он тебя с моё, и чтоб после каждой пробежки непременно песком накрывало. Юннат нашёлся!

— Ты ни разу не попыталась выяснить причину его к тебе интереса. Я бы попробовал, хотя бы из уважения к его настойчивости, тем более что волк не проявлял прямой агрессии, напротив, если б не он, неизвестно, чем бы для тебя обернулись эксперименты с мазью.

— Если б не волк, никаких экспериментов не было бы. А спроси Ромку, много ли ему удовольствия от хватания за затылок, типа не жалко ли ему, что я прервала такие увлекательные наблюдения? Раз у нас вечер семейных воспоминаний, давай я тебя чуточку просвещу. С затылками и странными смертями у нас в семье не то чтобы очень шоколадно. Я случайно обратила внимание, когда бабушкин альбом пересматривала. Перед тем, как к тебе ехать. Так вот, маленький дядя Толик нырнул затылком об камень. Тётя Ида...

— Иду сбил мусоровоз.

— Но умерла она от удара затылком о бордюр. И бабушка, бабушка разбила голову о ванну... — Лена принялась хлопать по карманам в поисках сигарет. Иннокентий протянул ей упавшую на пол пачку. Зло шмыгнув носом, Лена закурила и продолжила: — Прабабку Татьяну обнаружили мёртвой под собственным забором, все решили, спяну замёрзла. Зашибала она здорово, факт, но затылок ей никто не проверял, к сожалению. Оба мужа Татьяны умерли рано, про второго не знаю, его на войне убили, зато первого в драке, топором. Правильно, по затылку. А Татьянину бабку Анну нашли в поле. Неизвестно, зачем восьмидесятилетняя старуха потащилась туда ночью, зимой и со свечкой. Свечка валялась рядом с телом, и таки у неё был прокушен затылок, на собак подумали. Ну как, ты всё ещё обвиняешь меня в торопливости и отсутствии любопытства?! У меня паршивая наследственность, пап. В некоторых вопросах. Какая хрен разница, откуда эта тварь свалилась на нашу голову, и что она из себя представляет? Важно, что я от неё избавилась.

Иннокентий задумчиво накрутил ус на палец.

— Если это у тебя действительно получилось.

Возле подъезда Лена наткнулась на оборотня. Глазки у него бегали.
— Лен... ты в отпуск собиралась? Есть у меня тут одно предложение...

На Димкиной даче у Лены появились две дополнительные собаки (таково было условие проживания в раю): во-первых, Кеша, во-вторых, сам Димка большую часть времени пребывал в собачьей ипостаси — навёрстывал прошлые лишения.

«Один на улицу нос не высунешь. Кругом машины, за рулём козлы, людей давят на раз-два, а собаки им вовсе до одного места. Самая жесть — бродячие стаи: я ж не амстафф и не азиат, пасть узкая, хватка никакая, только что шерсть защищает. А раз остановилась тачка, оттуда выскочили два питбуля и меня рвать, мама в крик, хозяин своих кобелей свистком отозвал да газу, на бои, видимо, тренировал, сука. Я быстро регенерирую, но мама год меня выгуливать боялась. К тому же собакой я вроде Кеша, могу говна нажраться и в нём же вывалиться. Ладно говно, можно ведь и яду, сама знаешь. Поймаю догхантера — убью, тюряги не побоюсь. Мы так Гарда потеряли, я сейчас с тобой тут разговариваю только потому, что не нашёл того подонка, который яд раскидывал. У нас в парке шесть собак погибло, за год до твоего переезда.

— Знаю, — глухо ответила Лена, у которой собачьи отравители служили причиной прислушиваний к каждому Фантиному вздоху после прогулки, а также персонажами прихотливых мечтаний, где фигурировали смерть от откусывания языка, живописное падение с железнодорожного моста или выпиливание себе глаз при помощи осколка от витрины, разбитой собственной головой.

— Батюшка Иоанн рассказывал, старушка тогда повесилась из дома напротив, после того как у неё болонку отравили. С тех пор мама меня без намордника не гуляет, и правильно, не уследит. Остаётся дача, но маме за мной и за Кешей гоняться тяжело, на веранде к ножке стола привязывает, чтоб с участка не сбежали».

Единственной, зато серьёзной, напастью было вычёсывание двух набитых репьями шуб. Собаки повизгивали и щёлкали челюстями, Лена грозила остричь обоих под ноль.

Несколько раз наезжал Иннокентий, повергая дачников в благоговейный трепет своей машиной и способностью обходиться без дорог. Его визиты беспокоили Лену. Особенно все эти долгие прогулки с Нюсей: очень уж заинтересованное выражение лица было у папы, охотничье выражение.

В остальном жили спокойно.

Дом противостоял температурным рекордам, пахло в нём стружками, и в каждой мелочи чувствовалась «мужская рука». Лена впервые узнала значение данного словосочетания на личном опыте. Жилища немногих её знакомцев навевали мысли о стеснённых обстоятельствах и анатомических дефектах передних конечностей хозяев. Сама Лена кое-как управлялась с дедовскими инструментами, а для запущенных случаев имелись специальные сантехники, всё же дух неустроенности витал над квартирой незаметно для хозяйки, с детства с ним сроднившейся.

Голубой Димкиной мечтой было выйти на пенсию и зажить в собственном доме. Дом мечты он строил сам, урывая каждую копейку (которых было немного, судя по пристрастию к закупкам на оптовых рынках, а также чахоточному кашлю белого жигуля с багровой дверью). В результате жертв и усилий родился дом, добротный той особой добротностью, которую не купишь за деньги. В нём легко спалось и легко просыпалось, даже продукты не портились.

Вставали рано, и Лене это нравилось — невероятная вещь. Разглядывая по утрам ветки вишни за окном, она лениво мечтала: «Выйду за Димку замуж, останусь тут навсегда... Вот только рано или поздно он станет человеком, я прикажу ему убиться об стену, и окажутся у меня на руках две старухи, причём одна лежачая. И тогда я их заставлю объесться насмерть стирального порошка. Какая досада».

До наступления жары успевали прогуляться в ближайшем лесочке, полном росы и малины. После обеда спали до вечера. Когда спадала жара, отправлялись купаться. Шли гуськом по узкой тропинке среди невероятно разросшейся, звенящей насекомыми травы: впереди, опустив морды, колли-близнецы, за ними Нюся со спасательным кругом в форме Спандж Боба наперевес и решительным выражением на лице, следом — Лена и рюкзак, замыкала процессию Фанта, высунув ветчинный язык.

Нюся оказалась прирождённым ныряльщиком на мелководье. Фанта доверяла тушку воде только за компанию с Леной. Обе заходили бережно, подолгу привыкали, делали несколько медленных заплывов, отфыркиваясь и наслаждаясь. Неожиданно для себя, Лена научилась плавать на спине — верней дрейфовать, раскинув руки, между водой и небом, где болтался жаворонок на ниточке и чертили пыльные линии самолёты размером с мотылька. Колли гавкали на уток в камышах, требовали, чтобы им кидали бесконечные палки, а потом носились друг за другом, вытряхивая шубы.

Домой возвращались в сумерках, когда поля превращались в чаши с туманом. По дороге забирали у Настасьи Васильевны коричневые яйца, козье молоко и творог к завтраку. Хрипел от злости феноменально тупой пёс Филька, лязгая цепью. Нюся угощала семечками кур, бросая полные любопытства и ужаса взгляды в сторону хлева, где топтались рогатые козы.

— Ишь у тебя дочка нерусская, — говорила Настасья Васильевна. — И хорошо, здоровей будет, спились наши мужики, туды их за ногу.

Долго, со вкусом ужинали, и Нюся отправлялась в постель.

— Нюсь, ты снова полную кровать книжек натащила?

— Я картинки смотрю...

— Какие в темноте картинки? Ничего же не видно.

— А мне видно! Ну м-а-а-а-м!

Несколько часов перед сном Лена коротала за просмотром чего-нибудь поучительного из Роминых запасов, следя краем глаза, не подрывают ли Димка с Кешей забор (сосед слева страдал кошачьей болезнью в размере шести котов). У почти сорокалетнего Димки оказалась невероятно щенявая собачья ипостась. Слабое послушание, облаивание ежей... Провести бы основной курс дрессировки, но тратить лучший в жизни отпуск на муштру не хотелось. Душечка-Фанта дремала, развалившись на сквознячке, подёргивала лапой.

* * *

Василиса села в кроватке, нащупала подаренного бабушкой на день рождения щенка. Щенок подбадривал и успокаивал Василису, когда было недостаточно страшно, чтобы звать няню, но на потолке противно шуршало. Василиса знала, что это — бабочки, бабочек она очень боялась, особенно ночных, мама ругала за это Василису и няню будить не разрешала. В шесть лет бояться бабочек стыдно. Хорошо Платону, он не боится ни бабочек, ни комаров,

ни ос, ни собак, даже садовника не боится, хотя няня говорит, что садовник — чёрный. А ещё Ира говорит, что если дети убегают с участка, их утаскивает писюкастый злыдень. Платон убежал, но его не утащили, а жаль. Платон дразнится нюней и плаксой. Ему запрещают, а он опять!

Горько вздохнув, Василиса уткнулась в подушку. Бабочек нет, чего проснулась? Нырнула в прерванный сон, вынырнула из бассейна, повинувшись строгому нянинному пальцу, поплыла навстречу полотенцу. Платон тоже вылез, от полотенца увернулся, визжа, понёсся от няни в кусты жасмина. Чёрный злыдень протянул руки к Платону, будто играя в жмурки. Василиса проснулась в слезах.

Когда бабушка жаловалась маме на невоспитанных соседских детей, Василиса разводила ручками: «Какой ужас!». Взрослым это нравилось, и они смеялись. Но Василиса ни за что не стала бы так говорить, если б знала, что «ужас» — это то, что она чувствовала сейчас. Пятки сделались противно холодными, в горле застрял ком. Рядом с кроватью Платона висела тень большой собаки, только без собаки. Поползла по полу, шмыгнула под кровать, полезла на потолок. Василиса поняла, что тень кого-то ищет, но не может найти. Глаз у тени нет. Папа рассказывал, что собакам глаза не нужны, собаки носом нюхают. Наверно, тень тоже нюхает. Брат застонал во сне. Край тени, похожий на пасть, лёг ему на подушку, рядом с затылком. Платон страшно заворочался, вскидывая руки и ноги, дёргая головой. Василиса, наконец, проглотила ком и заревела в голос.

* * *

Дима поднялся на веранду так тихо, что Лена отвлеклась от походов японского вампира, только ощутив его на периферии зрения. Он был бос, в одних шортах, мускулы всё же неплохие от всех этих боевых искусств, надо лбом красовался солидный репей. Лена строго запретила превращаться в её присутствии: Димка не увлекался воем с выворачиванием суставов и шерстью мучительно не обрастал, но от его превращений долго чесались глаза и ныли виски.

— Пива выпьешь? — спросил Димка, бросив кислый взгляд на экран. Он предпочитал брутальные хроники из жизни шпионов и ментов, расстраивавшие Лену (заговоры против всех её также не вдохновляли).

Лена захлопнула ноутбук. Пора завязывать с мультиками, а то опять придётся пялиться в лицо реальности, силясь вспомнить, что это за хрень.

— Давай. Дим, давно хочу спросить: ты видишь фей? Нюся болтает, что Фанта их ловит, а вы с Кешей? Небось, тупо мышкуете?

— Фей? — Дима задумался. — Поди угадай, что она называет феями. Мы с Кешей охотимся на мышей и кротов, лягушек ещё. За Фанту не скажу, она у тебя такая же с придурию, как вся ваша семейка.

— По поводу придури — спорный вопрос, — надменно заметила Лена. — Никто из моей так называемой семейки не бросается на людей из-за отсутствия в их квартирах мохнатых слизней.

— Я ведь сто раз извинился! Про фей правда не знаю, ты же заметила, я мало соображаю, становясь собакой. Иногда боюсь, что не смогу вернуться назад.

«Удивительно, что до сих пор возвращался», — подумала Лена. Димка и человеком

собачью сущность так себе контролировал, а уж «на собачьей территории» вопрос лидерства был явно решён в пользу собаки. Даже Кеша вил из хозяина верёвки. С другой стороны, сколькими людьми управляют их малолетние дети, а то и кот!

— Я помню то, что вижу на грани трансформации, — продолжал Димка. — Как раз завтра собираюсь притормозить её в сортире...

— Сортир предназначен для совершенно других вещей!

— А Нюся тебе не рассказывала, что там живут разбегающиеся глазки?

— Рассказывала, — вздохнула Лена. — Если правда живут, держи это знание при себе: Нюсин горшок мне мал, а гадить в глаза я не в состоянии.

Дима поставил на стол две ледяные бутылки. Зверь-холодильник, у бабушки такой был, даже круче: яйца к дверце примерзали.

— Ромке так и не звонила?

— Сил нет. Как вспомню Москву — резко заканчиваются.

— Зря ты телефон отключила. Две недели тут сидим, всякое могло случиться.

Пиво обожгло язык. Лена вернула бутылку на стол — пусть немного согреется, не хватало испортить отпуск больным горлом.

— Могу я отдохнуть или как? Чего комплексуешь? Новые неполадки в астральной флоре? Из меня вроде ничего не выпрыгивает, хотя тебе видней, конечно.

Дима серьёзно посмотрел на неё.

— Ты *ego* не уничтожила?

Лена промолчала.

— Рано или поздно он тебя достанет, — Дима упрямо поджал нижнюю губу (пухлую, точно подведённую помадой). — Я знаю, о чём говорю. Он же не просто так вокруг тебя крутился. У вас в роду шаманов нет?

— Я похожа на чукчу?

— Иногда шаман уговаривает волка, что быть в одном теле выгодней, чем порознь. Потом шаман волка убивает, и дальше, когда действует шаман, волк спит. Если удобней действовать зверю, волк активен, а человек контролирует ситуацию, если может. Когда шаман умирает, волк остаётся не при делах. В этом случае он так просто не отлезет: может, ему, кроме тебя, некуда деться?

— Это его проблемы, — отрезала Лена. — Кроме того, не стоит буквально воспринимать всю ерунду, которой начитался. Или ты из личного опыта? Ну, твой предок... — Лена прыснула, представив сурового воина духа в бусах и перьях, с гиканьем преследующего стайку трепетных колли.

Дима обиженно отвернулся, закурил.

— Дело твоё, я хотел предупредить. Я тоже пробовал послать своего зверя, и едва не загнулся. Мои предки русские, не слышал, чтоб в Курской губернии водились шаманы. У меня, наверно, атавизм. В древности трансформироваться в животных могли все, и сейчас могут в первобытных племенах, но там, где цивилизация, навык утрачен. Я случайно его восстановил: генетика подходящая, к тому же была история. Ещё со школы я занимался рукопашным боем. Отец устроил меня тренироваться к одному знакомому, бывшему инструктору из армейского спецназа. Он меня брать не хотел, но отец добился. Учитель рассказал нам про оборотней, правда, лишь в смысле их помощи в бою. С этого момента он начал учить нас совсем другому бою.

— Ты про собачьи бои? — удивилась Лена. — Вот же гад! Вдобавок идиотский выбор

породы, был у меня один придурок, требовал, чтоб я натаскала его колли на охрану...

— Да слушай ты! Физическая трансформация на фиг не нужна, речь шла о том, чтобы отыскать в себе зверя (если он есть) и войти с ним в контакт. В экстремальных ситуациях зверь берет на себя саморегуляцию организма, переводя его в боевой режим. Мышечная активность возрастает, ускоряются метаболизм и регенерация, кости становятся более гибкими и прочными, слабеет инстинкт самосохранения. Реально даже не очень сильный человек способен творить практически невозможное для понимания и повторения обычным человеком. По словам учителя, отыскать в себе зверя способно восемьдесят процентов людей, но на этом первом этапе отсеялось большинство парней. Многие не верили или пугались и бросали. Из тех, кто не испугался, часть оказывались попросту без зверя в душе. А ещё зверь должен быть конкретный в плане боя, не кролик там и не хомяк.

Мне было легко поверить, и я не боялся, наоборот, с детства бабулиных сказней наслушался, размышлялся, а тут такой облом! Когда я вошёл в контакт со своим зверем, учитель сразу разобрался, что это собака, а не волк, но сказал, что так тоже нормально: арийские маги впускали в себя ярость и мощь львиноподобных собак Тахо, и их силы удесят�ерялись... Не мой случай. Меня легко делал даже парень с сущностью барсука, вдобавок я подцепил питомниковый кашель.

— Чего-чего?

— Истинный оборотень рискует переболеть всеми болезнями, присущими виду, — мрачно ответил Дима. — В смазанной форме, но радости мало. Учитель не стал морочиться вопросами ветеринарии, просто выпер меня из секции. Знаешь, в шестнадцать такие вещи тяжело переживаются. Ещё отец взбеленился, орал, что смотрел сквозь пальцы на суеверия, которым нас учили, лишь бы из меня сделали мужика, но теперь в них поверил, потому что у слюнтяя вроде меня может прижиться внутри только слюнтявая болонка, и снаружи тоже. Скандал дома закончился тем, что я вылетел на улицу, а потом вправлял едва ли не все свои суставы на правой руке. Так зверь первый раз показал характер. Дело в том, что моё оборотничество изначально было открыто и запущено в боевых целях. Никто не учил меня нормально жить с собакой внутри, а я его, соответственно, не учил жить спокойно. Он ещё не умел смотреть моими глазами, пытался защититься от невидимой опасности. Проще говоря, пытался трансформировать нас, что сопровождалось дикой болью.

Вот тут мне не стыдно признаться, я занервничал, каждый бы занервничал на моём месте. Я рванул к учителю, тот послал меня к психиатру. Я бы сам решил, что свихнулся, если б не знал о возможности физической трансформации в нашей семье. Только я не думал, что это настолько больно и страшно за крышу. Короче, я решил задвинуть эту тему, будто ничего не было. Своего зверя я в то время ненавидел, вот прямо про себя, как мантру, твердил: «Сдохни, сдохни, сдохни, тебя нет, сдохни!».

— Непоследовательная мантра, — заметила Лена. — Или уж «нет», или «сдохни».

— Мне тогда было покласть на определения! — огрызнулся Дима. — Зверь боролся за свою жизнь. Меня спасло только то, что он был щенком, а я — почти взрослым. Крышу рвало неимоверно. Зрение, обоняние, слух выдавали сюрпризы, которые словами не опишешь, вдобавок раздвоение личности. Попади я тогда в психушку, букет моих заболеваний привёл бы в ужас любого врача. Другой вопрос, что раздвоения личности у оборотня на самом деле нет, но со стороны это выглядит для обычного человека дико, да и мне пришлось хреново. Я был в постоянном напряжении, а малейшие нервяки вели к неконтролируемой трансформации, психической и физической. В полнолуние это и сейчас

так, гораздо меньше, но один косяк ты недавно наблюдала. После первой полной физической трансформации я узнал, что моя собака всё же колли, а не болонка, это подняло меня в плане самооценки. И отец затих, что с волком у меня не срослось — глотку бы я ему порвал без вопросов, а так он отделался парой швов на заднице. Но я сам понял, что надо что-то делать. Правильного учителя так и не нашёл, пришлось засесть за книжки по восточным единоборствам, магии, биологии, всяческую литературу по психологии и про собак. Зверь был на меня в обиде. Ему хотелось, чтобы его гладили, с ним играли и общались. А я сначала был направлен на одно его применение — в драке, а потом вообще пытался его уничтожить. Только спустя несколько лет наше взаимопонимание дошло до нормального уровня, постоянный контроль уже не был необходим, а трансформации перестали быть болезненными. Если бы сейчас мне предложили отказаться от зверя, я был бы против. Скоро на пенсию выйду, надеюсь здесь секцию организовать: рядом несколько коттеджных посёлков, там много детей. Ещё бы поработать с контролем после трансформации, чтоб говна не жрать и котов не гонять. Хоть дрессировщика самому себе нанймай... ты б согласилась?

— Бесполезно, — фыркнула Лена. — Меня твой зверь будет слушать, но на твоих с ним отношениях это не отразится, я и Кешей не хочу заниматься по той же причине. Помимо выпивки, у тебя всего два способа расслабиться: Кеша и превращение в собаку, проблема в этом. Портить себе кайф ты не станешь. Я не осуждаю, у самой Фаня на шее, лапками болтает. Ну, знаешь, либо расслабляешься и любишь, либо дрессируешь. С Фаней проще: я всегда её *остановлю*, если что. Зато колли априори безобидная порода...

Лена заткнулась, успев удержать при себе последнюю мысль: Дима не способен жить один. До сих пор его выдёргивала из собачьего состояния мама, последние две недели — она сама. Представить, что случится с Димкой, если мама не успеет сдать его на руки подходящей Насте, было сложно и печально.

После третьей бутылки Дима отправился в спальню, где не ночевал с самого приезда, предпочитая прохладные кусты за домом. Вскоре до Лены донеслись вопли, пальба и взрывы телевизора. Поднимаясь к себе на второй этаж, она не удержалась, сунула голову в голубой мрак Димкиной спальни.

— Дим, а ты не боишься мальчишек этому учить?

— Чему? — промычал он, не отрываясь от экрана.

— У тебя в секции совсем мелкие дети, а ты в них оборотней откапываешь.

Димка резко обернулся.

— Сдурела?! Я дзюдо преподаю, для здоровья, чтоб росли настоящими мужиками, которые могут постоять за себя и защитить близких. Оборотни! Придёт такое в бошку!

Кажется, истинный критерий отношения к чему угодно — готовность или нет передать это ребёнку. Лена нравилась себе гораздо больше прочих людей (верней, прочие ей гораздо больше не нравились). Однако представься ей возможность передать свои *особенности* Нюсе — на фиг-на фиг, пусть живёт нормальной, пусть хочет того, что ждёт от неё общество. Тоска? Ага. Лена бы первая от такого повесилась. Но так лучше, чем... Хотя этому ребёнку нормальность не грозит, да, точно, никаких сомнений. Глазки в сортире! Бррррр!

Испортившаяся погода смягчила кошмар возвращения в будни. На работе Лене обрадовались непомерно. Она почти занервничала, но вовремя догадалась: коллеги ждали конца её отпуска с таким ужасом, что испытали облегчение, когда беда, в конце концов, разразилась.

В разгар установления контакта с покупателем позвонил Рома. Вечером он сидел, развалившись, на кухонном диванчике и поглощал четвёртую порцию жареной колбасы с картошкой. В окно барабанил вполне себе осенний дождь.

— Макс — странный человек, ест только чай, — голос Ромы дрогнул жалостью к себе. — Сказать, что я так не умею, было неудобно — парень пустил меня на халяву, хотя в реале мы познакомились только у него дома. По моим представлениям, у меня на карте было гораздо больше денег, но хватило только на неделю в засранном скворечнике в Реутово. Если б не Макс, до твоего возвращения бомжевал бы на вокзале. У Макса я так оголодал, что просматривал информацию на тему пунктов раздачи еды бездомным.

— А объявления о работе просмотреть не судьба? — процедила Лена.

— О чём? Ах да. Нет. Я же знал, что это ненадолго. Ты вернулась, и всё устроилось.

— В каком смысле устроилось? — ещё днём Лена уяснила, что этот человек собрался поселиться у неё на неопределённое время за её же счёт, причём гнать данного человека совершенно некуда. Вопрос Лена задала из любопытства: хватит ли у парня нахальства изложить свои претензии ей в глаза.

Рома воплощал идею невинности.

— Поживу у тебя, папа выпишется из больницы, купит мне квартиру — он только обрадуется, что я, наконец, хочу жить самостоятельно. Будет класть мне на карту столько же, сколько раньше, у меня аскетические потребности...

— Как долго он без сознания? — осторожно спросила Лена.

— Что ты, был всего три дня, сейчас состояние тяжёлое, но опасности нет. Лидка положила его в частную клинику, меня не пускают. Но я сам не лезу, папе сейчас не до наших с Лидкой разборок. Кстати, не думай, я пригожусь — я хорошо лажу с детьми. На Татьяне Викторовне сэкономишь.

Дело представилось с неожиданной стороны.

— Помню я, как ты ладишь, — проворчала Лена, но поглядывала на Рому заинтересованно.

— На самом деле я ответственный. Мамин психолог говорил, даже гиперответственный и тревожный.

— А готовить ты умеешь, тревожный?

— Не представляешь, сколько я перечитал кулинарных блогов! И я могу мыть посуду. У мамы я однажды мыл унитаз, в качестве повышения мотивации к учёбе.

Ленин взгляд окончательно потеплел.

— Ну, если ненадолго... Не обижайся, Ром, просто я не очень хорошо уживаюсь с людьми.

— Зато я великолепно уживаюсь! После Лидки с кем угодно уживусь.

— Достала она тебя, — усмехнулась Лена.

— Мягко сказано. Какое облегчение, что она меня из дому турнула, сам бы я ещё долго не решился. Своя квартира — уборка, стирка, а я не рождён для этого дерьма. Но лучше так, чем с Лидкой! Я, в целом, спокойно отношусь к чокнутым, только Лидка элементарно буйная. Представляешь, у нас нет ни одного телевизора...

Лена пожалала плечами.

— У меня тоже.

— Потому что есть ноутбук, и ты пересмотрела тучу фильмов о вампирах и оборотнях, я бы на твоём месте стеснялся...

— Ха! Стесняйся на своём, поводов больше чем достаточно.

— Как бы то ни было, я ни разу от тебя не слышал ничего в стиле: «Я не смотрю фильмов, потому что смена кадров создаёт волновое торсионное поле, испускающее флюиды. Они изменяют память воды, из которой состоит человеческое тело, и тем самым разрушают биополе, зомбируя мозг на низком культурном уровне».

— Лидка такое говорит? — вяло заинтересовалась Лена. — Мне она всегда казалась до тошноты нормальной.

— С психами всегда так: чем нормальной кажется, тем круче каша в мозгах, спроси у Иннокентия Германовича. Нормальным нельзя доверять. Если у человека такая качественная маскировка, значит, ему действительно есть, что скрывать! Лидка — единственный известный мне человек, не имеющий мобильного, в смысле он у неё есть, но у помощницы, сама в руки не берёт. А папа заплатил страшные бабки за соседский дом только ради того, чтобы Ольгу Леонидовну не ломало прогуляться к Лидке пешком, когда приспичит поболтать, ведь Лидочка и по городскому не разговаривает, на звонки отвечает через няню либо домработницу. Ей, видите ли, любые аппараты испускают прямо в мозг всепроникающие энергетические невидимые лучи.

— Со мной Лидка говорила, и довольно подолгу, — возразила Лена.

— Потом, небось, часами мозги от лучей зачищала. Просто ты не рвёшься с ней встречаться, а у неё к тебе профессиональная слабость: семейный психолог не может наладить отношения с сестрой, какой моветон. Ольга Леонидовна всем внушает, что Лидочка с детства не выносит технику, потому что увлекается экологией, а по мне — это натуральная шиза. Компьютеры у нас только у папы в кабинете и в моей мансарде. Недоумеваю, как только Лидка шапочку из фольги от инопланетян не носит и потолок в спальне фольгой не задраила, чтоб моя радиация к ним в кровать не сочилась.

— Надо же!

Лена чувствовала себя обманутой. Приятно думать, будто где-то на земле живут нормальные, слышите, нормальные люди, но всякий раз выясняется, что нет нормальных, есть социально-адаптированные и остальные, которых держат в дурке. Примерно так утверждает папа, ему видней.

* * *

Если бы человечество пришло и спросило Ромино мнение по поводу своего существования, Рома ответил бы, что жить станет намного проще, если поголовно все прекратят цепляться друг к другу. Подчиняться или подчинять одинаково утомительно, так пусть каждый живёт по своему вкусу. Однако человечество не шло и не спрашивало, в результате Рома сталкивался с претензиями, едва человечество объявлялось в ареале его обитания. Именно это привело Рому к идее максимального сокращения контактов с человечеством.

Что довольно трудно устроить, если ты завис без денег в малогабаритной квартире, весь

день кормил чипсами и ядовитыми леденцами трёхлетнего ребёнка и агрессивно настроенного ротвейлера, показывал им мультики, а теперь стоишь лицом к лицу с разъярённой хозяйкой упомянутых квартиры, ребёнка и ротвейлера (которой предстоит отмывание разрисованного кетчупом пола).

— Она покрылась коркой! — Ленино шипение перешло в рык. — Урод!

Подозрительно краснощёкая, но мудрая Нюся сочла, что самое подходящее для ней место — под столом. Рома томился и мечтал оказаться в Японии. Фанта поскуливала в прихожей, намекая на срочную дефекацию — привередливая собачья печень соглашалась перерабатывать сугубо диетический корм супер премиум класса. Луковые чипсы в список таких кормов не входят.

Вернувшись с внеплановой прогулки, Лена застала Рому и Нюсю, размазывающих по кухне кетчуп при помощи окаменевшей швабры и Роминой майки. Лена смерила старателей презрительным взглядом и принялась накачивать собаку медикаментами, по опыту зная, что чудеса медицины не спасут от пяти-шести ночных выгулов плюс визит к ветеринару. Чипсы! Пицца с оливками и салями. Предварительные анализы. Курс терапии. Контрольные анализы. Поддерживающая терапия. Срочно продать Ромку на органы.

— Зря ты так, — осмелился подать голос Рома. — Раз собака любит чипсы, значит, они нужны её организму. Мама признаёт только органическую вегетарианскую еду, а я не вылезал из гастритов, пока к папе ни перебрался. Стал есть, что хочется, проблемы ушли сами собой!

— Ты где деньги на отраву достал? — перебила Лена.

— В комод. Мы проголодались.

— В холодильнике каша и котлеты, а ты потратил две тысячи на то, чтобы отравить моих ребёнка и собаку?!

Изящным движением Лена подцепила с пола Нюсю. Рома воззрился на баночку с зелёными разводами у неё в руке.

— *Та самая банка?* Ты собираешься *этим* ребёнка мазать?!

Голосом, предназначенным для переговоров со слабоумными, Лена ответила:

— За ночь деточка расчешет диатез в мясо, считаешь, так лучше?

— Вообще-то считаю. Я знаю, ты лечила *этим* свой дерматит, и Нюсю тоже, но... Не хочу тебя пугать, я ей показывал сериал о японских призраках, так она узнала половину и рассказала, где они у вас в доме и в парке водятся. Гм. Димка почерпнул бы много нового о своей квартире. Не то чтобы меня это насторожило... Ты чего? Куда ты?! А это зачем?

— Это — деньги, — всё тем же размеренным тихим голосом объяснила Лена. — В парке гуляют дамы с собачками. Спросишь их, как пройти в дежурную аптеку. Отдашь эти бумажки тёте в белом халатике и попросишь мазь от диатеза для ребёнка трёх лет. Усвоил?

Лена почитала Нюсе сказку и ещё раз вывела Фанту. Упоённая предчувствием ночных прогулок ярость дожидалась момента, когда Лена позволит ей излиться без помех. Дух бабушки расправил пылающие шерстяные крылья (платочная вязка в два цвета). Лена громче всех согласилась бы, что бабушке стоило чуточку реже и менее тщательно убираться, а щи с кашей — вовсе не такая полезная еда, как из них раздувают. Но теперь она обрушила на низко склонённую Ромину голову весь запас бабушкиных соображений о жизни, ввевшийся в плоть вместе с кашей.

— Если ты хоть на минуту вообразил, будто я стану с тобой возиться, как твой папочка, то умойся в унитазе и забудь! — заключила она. — Большинство людей обходятся без

родительских бабок, не вижу причин, почему бы и тебе не попробовать. Два дня на решение вопросов, и мы расстаёмся, успевай, как хочешь.

— Стерва ты, Лен, — тихо выговорил Рома. — Семейное это у вас, что ли? Первый раз заметил, как сильно ты похожа на Лидку.

— Чего?! — опешила от его наглости Лена. — Да ты мне спасибо должен сказать, что я тебя сегодня не выставила после всего твоего свинства, а у тебя хватает наглости...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Красный и серьёзный Рома смотрел на неё исподлобья, больше чем когда-либо похожий на мальчишку, готового ночь простоять в углу, но не попросить прощения за изрезанный ножницами диван.

— Давай тебе Иннокентий Германович деньги, ты сама жила бы и лапками не хлопала. Только не пытайся меня убедить, будто обожаешь вкалывать в магазине! Легче тебе станет, если и я начну копошиться в том же отстое? Ты очень справедливая, да? Мечтаешь, чтобы всем было так же хреново, как тебе?

— Заглохни! — *приказала* Лена. Шарики её сознания плавно проехали по роликам, напрягся живот, мозг сладострастно чавкнул, и по черепной коробке разлилось блаженно-липкое тепло.

Дух бабушки стих, унеся в кармане халата клубочек ярости. Лена отвернулась за сигаретой. Повернувшись назад, она обнаружила Рому заметно посиневшим и хватающимся за горло с полными ужаса глазами. Такое уже случилось однажды, когда Лена изгоняла из квартиры Серёгу, утомившись спонсировать бесплодные эксперименты по расширению узких мест его сознания. Серёга настолько впечатлился, что отбыл аж до Индии.

— Забыл, как дышать? Вспомни и дыши! — петушиным голосом пискнула Лена, надеясь обыграть дело в шутку. Однако пришлось сосредоточиться и *приказать*: — Дыши.

Рома шумно последовал приказу.

— Так вот как ты в своём магазине работаешь, — просипел он полчаса спустя. — Нареканий от покупателей не поступает? От тех, кто выжил после обслуживания?

— Хочешь пива? — спросила Лена, избегая смотреть Роме в лицо. — Я схожу.

— Сиди, — Рома хитро усмехнулся, доставая из-за дивана банки. — Догадался запасти на вечер. Тётя Лена, прости меня, а? Я бытовая свинья, но я над этим работаю.

— Из-за твоей дурости мне всю ночь бегать с Фаней на двор. Не знаю, во сколько обойдётся ветеринар, но это будет за твой счёт.

— Не вопрос, как только папу выпишут — так сразу. Давай я с ней побегаю?

— Ты когда-нибудь выгуливал серьёзных собак?

— Никаких не выгуливал, но готов рискнуть, ночью кусать некого.

— Кроме тебя, — напомнила Лена. — А потом она поест всю тухлую селедку и бомжей на районе. У Фани паршивые нервы после питомника, точнее, она родилась нервной. Плюс гипотериоз и мелочи вроде аллергии на всё. Менты списали её в некондицию, а я вот забрала. Первый год мы с ней жили в основном по ветеринаркам, дрессировку запустили. Я справляюсь, но непрофессионалу не доверю. Завтра я выходная и буду отсыпаться, Нюся встаёт в шесть, покормишь её завтраком, — едой, — понял?! Славненько.

Рома вытянулся по стойке смирно, проявив редкое для его габаритов проворство.

— Yes, ma'am!

— Не понимаю, почему ты хочешь остаться? — Лена потянулась за пивом. — Другой бы на твоём месте, ну, в общем, убрался бы сразу, как смог ходить, хоть на вокзал, хоть к

Лидке. После того, что случилось.

Вторая банка крякнула в Роминых пальцах, неожиданно артистически-тонких для такого пухлого тела.

— Для жизни на вокзалах я не приспособлен, даже попробовать не хочу. Несмотря на определённый романтический ореол бомжевания, это не мой путь. И потом — менты. Что может быть прозаичней московских ментов? Потом, как бы тебе сказать, я не был совсем уж не готов к чему-то в подобном роде, хотя не знал, что у тебя всё настолько серьёзно. Всё равно, если выбирать между тобой и Лидкой, ты лучше. Уверяю тебя, это не лесть, но суровая правда жизни. Некромантия прикольна в мультиках, а в реале — на редкость неприглядное зрелище.

Лена ничего не поняла и призналась в этом.

— А я считал, что это ты добираться до Лидки, — поправил очки Рома. — Нет? Выяснение отношений в астрале, магическая дуэль. Не смотри на меня так. Мне всегда нравился фильм «Иствикские ведьмы». Богатый сюжет для комикса: сёстры, унаследовавшие от предков...

— Ты чего несёшь?

— Да так, ерунду всякую, не обращайте внимания. Ты, конечно же, не знаешь, что, пока ты отдыхала на природе, твоих близких родственников постигли мелкие неприятности? О нет, откуда, ведь ты отключила телефон и при этом ну абсолютно не имеешь ни к чему отношения. Бытовые неурядицы, с кем не бывает! Автомобиль — самый опасный вид транспорта, папа не справился с управлением на ровном месте, затылок в ключья. Лидка тоже в аварию попала, да, и она не справилась, отделалась испугом, разбитым затылком и крыло поцарапала. Погнали дальше. Мигрени у Ольги Леонидовны перманентные подумай, — дважды за два дня скорая приезжала, — боли в области затылка, практически норма в пожилом возрасте. Ещё Марка Венедиктовича в центре Москвы долбанули арматуриной по затылку, разгул преступности, бич крупных городов. Ах да, всё это сразу после твоего отъезда. Я тебе не говорил, что с тех пор нормально сплю? Огромное спасибо, позволь ещё раз засвидетельствовать признательность. Помимо прочего, из всей компании я один не пострадал, если не считать Лидкиного нападения. Тебе Лидка, кстати, ещё не дозвонилась? Я бы на твоём месте сам ей позвонил, проверил, осталось ли у тебя немножко родственников. Лен, как раз об этом я хотел поговорить. Твои дела с Лидкой меня не касаются, но если что-то случится с папой или с племянниками, я против, имей в виду. Можешь в любой момент перекрыть мне дыхание, но надеюсь, ты этого не сделаешь, и что с папой и ребятами всё будет хорошо, тоже надеюсь. Вася с Платошкой не спали толком с тех пор, как ты... что бы ты там ни сделала. Кошмары, знаком такой термин? Кого я спрашиваю, в этой области ты профи, тем более что детям снится, угадай кто? Ну же, с трёх раз!

— Хватит паясничать.

— Бинго! Большой серый волк! За цвет не ручаюсь. У Платошки начались странные припадки, Лидка с ним по врачам носится.

Лена почувствовала необходимость покурить на балконе — не только потому, что ей хотелось курить, но чтобы побыть одной.

— Лидка считает, что это я? — спросила она, вернувшись за стол. — Ты рассказал ей про мазь?

Рома соорудил неопределённую гримасу.

— Сама-то как думаешь? Но у Лидки есть другие источники информации. Всё-таки

сложно поверить, что ты действительно не знаешь, кто твоя сестрёнка.

— Ох, как меня это... ещё недавно Димка с чем-то похожим докапывался. А я ничего не знаю, тем более про Лидку. Да я её не видела лет десять! Так кто же моя «сестрёнка» и что у неё за «источники информации»?

— Как понимаешь, душевных бесед мы с Лидкой не вели, разница темпераментов мешала, поэтому могу рассказать только о том, чему был свидетелем. Неделю назад Лидка вернулась из больницы от папы. Через час она ворвалась ко мне, выглядела так, словно её долго лупили метлой по физиономии: из носу кровь хлещет, из ушей, даже из глаз. Но дело не в крови... она казалась старухой. Точнее, их было две: Лидка, и та, другая, что-то вроде я видел под твоей мазью у Димки — человеческая и собачья головы одновременно. И говорила старушечьим голосом, невнятно, выговор странный, я ничего не разобрал, кроме слова «волк». Во мне метр девяносто росту и не меньше ста килограмм... сейчас, наверно, сильно больше, и я занимался тайским боксом, однако Лидка выволокла меня на лестницу как шестилетку. Прибежали няня с домработницей, Лидка велела им гнать меня из дома и не пускать назад, а сама брякнулась об пол. Не разбираюсь в эпилепсии, но это была она, я читал. Я переждал на кухне, пока скорая возилась с Лидкой, потом Ира вынесла мне кое-что из вещей, и я уехал. Собственно, всё, дальше ты знаешь: прокантовался в Реутове, потом Макс пустил.

— Ясенько, — сказала Лена. — А при чём тут некромантия? По мне так больше смахивает на одержимость.

Рома взвёл очи горе.

— Просто ты не знакома с Лидкиной «авторской методикой системных расстановок».

— Когда я встречалась с Лидкой, она только что школу кончила, и никакой методики за ней не водилось. Вроде бы.

— Это точно, — согласился Рома. — Методика началась уже при мне, когда она открыла так называемый «частный психологический кабинет». Гы. Что характерно, ни папа, ни, почти наверняка, Ольга Леонидовна не в курсе прикола.

Лена прислушалась к тревожной возне в прихожей.

— Так, Фане пора на двор, приду — доскажешь.

— Я с тобой, по дороге расскажу.

— Когда меня отчислили из Архитектурного, папа упросил Лидку поработать с моими пресловутыми детскими травмами. По моему скромному мнению, если говорить о травмах, то стоит начать с самого папы: он до сих пор парится, что при разводе оставил меня маме на растерзание. Разумеется, если его, такого большого взрослого дядю, мама трепала аки тузик грелку, то моё детство не могло не быть ожившим кошмаром, и это-де мешает мне определиться с жизненным предназначением. А я терпеть не могу само понятие «предназначение», точно функция полезности какая-то! Как будто ты — холодильник, и твоё предназначение стоять и морозить. Меня совершенно не интересует карьера, мне просто нравится жить без напрягов, и это моё дело, как я распоряжаюсь своим временем. Но объяснять это папе бесполезно, а маме элементарно небезопасно.

Лена сочла нужным вернуть разговор в исходный фарватер.

— А что Лидка? — спросила она.

— Лидка долго виляла: светить свою «деятельность» дома ей ой как не хотелось. Но папа не сдавался, и она согласилась взять меня в группу, проработывавшую отношения отцов с детьми.

Приехал я, сидят несколько унылых персонажей. Мне сразу же «повезло», потому что выпала очередь именно этой тётки. Понимаешь, со жмуриками Лидка в группе не работает, или, возможно, для них у неё специальная группа. Но она не знала, что тётка — тот самый случай, более того, сама тётка не знала: сказала, что поругалась с сыном, Лидка и запустила её к нам-хомячкам.

Начали с того, что тётка вытащила картинку из кучки на столе, — в основном вырезки из журналов и народное детское творчество, — фотографию рушащегося небоскрёба. Картинку надо было описать своими словами, а потом выбрать для каждого слова заместителя. Тётка уложила в четырёх человек, меня назначила «золотистым облаком». И нечего ржать, это не моё выражение. Лидка велела тётке подойти ко мне и сказать: «Ты — золотистое облако».

Когда всех назначили, Лидка сказала, что тётка должна расставить заместителей по своему желанию. Стоим, втыкаем. Лидка спросила, что мы ощущаем. Вот тут люди начали разбирать полёты, точно родственники, решившие, наконец, высказать, насколько сильно друг в друге разочарованы, прямо как канализацию прорвало. Из этих разборок я понял, что тёткин сын накопил на скутер, родители встали в третью позицию, парень свалил из дома и пропал, третью неделю ищут. А заместителем парня оказался я.

Меня сильно знобило, как при температуре, дрожу, потный весь, не то, что говорить — стоять не было никакой возможности. Лидка предложила мне делать, что хочется. Я лёг на пол, слегка полегчало. Лидка сразу занервничала, сказала, что расстановку необходимо прервать. Из носу у неё пошла кровь, но она уверяла, что всё в порядке, ходила, промакивая нос платочком. Мне эта история окончательно разонравилась, я попытался встать, но тело не слушалось.

Лидка приказала офигевшей тётке сесть рядом со мной, взять за руку и смотреть мне в глаза. Лежу бревном, готовлюсь в морг. В какой-то момент получилось говорить. Хочешь — верь, хочешь — нет, но я только слушал как бы со стороны, а моими губами разговаривал пропавший парень, даже голос был не мой. Я не мог ему помешать, и я точно знал, что он

мёртв. Вскоре он сам это подтвердил. После ссоры он на этом своём скутере врезался в какую-то машинку, оттуда вылезли суровые дяди, скутер оттащили в овраг, парня в багажник и зарыли на пустыре. Умер он в багажнике. Хочу сказать, я около года не мог заглядывать в собственный багажник без того, чтоб меня не вывернуло наизнанку, спасибо Лидочке и её ценной практике! Тётка в плане психологических проблем тоже вряд ли подлечилась, зато я, то есть её сын, рассказал, где искать тело. Лидке не психологом, а следователем надо работать, поиск пропавших трупов — её несомненная стихия, главное набрать добровольцев на роль заместителей. Лично я пас, так хреново мне ни до, ни после не было и, надеюсь, не будет.

Ну вот, далее парень долго прощался с мамой. Лидка подсказывала тётке, чего говорить: велела поблагодарить сына, что осчастливил родиться именно у неё, подарил столько неземного блаженства от совместной жизни в течении девятнадцати лет, сказать, что просит прощения и отпускает его в мир иной... не помню уже подробностей. Мне она не подсказывала, но я своим телом и не владел, лежал, рыдая белугой, как пятилетняя девочка, и тоже прощения просил. Приехал домой в соплях, дрожащими пальчиками позвонил маме в Осло, та уточнила про предназначение, узнала, что пока никак, и меня послала, только тогда я несколько пришёл в себя. Мама умеет приводить в чувство. Но это лирика. В общем, все распрощались, Лидка с тёткой меня подняли под ручки, тётка провозгласила, что я больше не золотистое облако, я смог двигаться и первым делом удрал оттуда.

Лидка догнала меня возле машины, прямо по асфальту растеклась в извинениях. У меня было сильнейшее желание устроить ей сеанс мозгового секса, остановил только её стрёмный вид. Волосы, и те были в крови — из ушей, что ли, натекло? Зачётная такая натура для вампирской саги, вживую увидел, как человек кровью плачет.

Воображение подкинуло Лене сестру в роли Люси из «Дракулы Брэма Стокера» — подвенечно-погребальное платье с огромным воротником и кровавые клыки под немислимым чепчиком.

— Остыв, я сообразил, что мы можем облегчить жизнь друг другу, а этим не стоит пренебрегать, в жизни и без того уйма ненужных сложностей. Лидка занимается неприятными вещами, но её деятельность опасна только для участников. Папу она на свои шабаши не потащит, не дура, а в качестве жены и матери Лидка — леди Совершенство (если не обращать внимания на заморочки с техникой). Папа её и Ваську с Платошей обожает, на фига всё портить? И мы с Лидкой заключили маленький пакт о ненападении: я молчу в тряпку об её некромантском бизнесе, а она втолковывает папе, что мои тяжелейшие травмы исцелит только время и полное оставление меня в покое. С тех пор мы с ней жили относительно мирно, пока она меня из дому не выгнала. В принципе, если надлежащим образом раскрыть, тема — ценнейший материал для манги. На несколько сезонов хватит...

— Теперь ты скажешь отцу? — поинтересовалась Лена, пристально наблюдавшая, как Фанта жуёт размокшую траву.

— Нет, — помолчав, ответил Рома. — Я догадываюсь, что на неё нашло. Когда нас накрыло неприятностями, Лидка без заместителей проконсультировалась у кого-то из своих наиболее компетентных покойничков. Похоже, выгнать из себя мятежный дух сложнее, чем из пациента, я ещё дешево отделался — неизвестно, кого она в себя запустила, но что-то мне подсказывает, что те, кто прописался в раю, вряд ли навещаются к Лидке на кофе. Лидка первая теперь жалеет: боится, как бы я не разрушил ей семью, а семья у Лидки — идея фикс. И к папе меня поэтому не пускает, дура. Не стану я ломать кайф папе и племянникам, да и

себе дороже — у папы тяга к инфернальным дамочкам: сначала мама, потом — Лидка... хватит уже экспериментов.

Лена пристегнула Фанту на поводок.

— Расстановки какие-то выдумала, — ворчала она. — Гораздо честней проделывать такие вещи на спиритических сеансах и не парить народу мозги.

— Не выдумала, — возразил Рома, — я побывал на таких расстановках у обычных психологов: подозрительные мероприятия, но явного общения с жмуриками там не происходит.

— Смелый ты, — уважительно заметила Лена.

— Нет, ну я для начала изучил вопрос, и только после этого пошёл! Рассудил, что сильные медиумы вряд ли стали массовым явлением, так что не очень рисковал. Лен, ничего личного, просто чтобы знать: ты случайно не увлекаешься вызыванием духов предков?

Лена вскинула голову.

— Не так воспитана! Я всего лишь могу приказать тебе прыгнуть под трамвай, но только если при виде рельсов у тебя краснеет лицо, учащается пульс, а руки непроизвольно тянутся к ширинке.

— Тогда другое дело, успокоила.

Уже дома Лена спросила:

— Ром, ты уверен, что была старуха? Может, женщина под пятьдесят, очень похожая на меня?

— Кого-то конкретного подозреваешь?

— Родственницу одну. Есть причины.

— Вполне вероятно, у Лидки тесный контакт со всем пантеоном ваших родственников, но в тот раз была окончательно дряхлая бабка, достигшая мумификации естественным путём.

Тётя Ида относилась к людям, почти с рождения выглядящим на пятьдесят, но всё же не на сто, да и разговаривала она совершенно обычно. Лена поёжилась. Бабка. Со свечкой, угу.

Фанта порадовала внеурочными прогулками всего три раза за ночь, однако Лене было о чём подумать, и она не роптала. Оказывается, тётя Ида относилась к ней гораздо симпатичней, чем Лена привыкла думать. Мать не зря дёргалась на похоронах: тётя навестила обеих племянниц, причём Лене досталась не худшая половина наследства (на её вкус, во всяком случае). Придётся съездить на кладбище, подмести могилку, пластиковый веночек прикупить — надо проявить благодарность.

* * *

Отоспаться не получилось, и ни Рома, ни Фанта не были в том виноваты. Собака дремала под Лениным боком, не настаивая на срочном визите к ветеринару, а Рома кормил себя и Ньюсю королевских размеров яичницей. Даже осень передумала приходить, солнышко светило летнее, навевая мысли о возможности съездить на Лосиный остров и всласть прогуляться, тоскуя по Димкиной даче и смиряясь с ежегодным осенне-зимне-весенним кошмаром. Телефон зазвонил в тот момент, когда Лена приняла взвешенное решение проспать до обеда. Нечто в Лидкином голосе выдуло её вон из квартиры, таким образом, Рома получил шанс реабилитироваться в качестве домработника и беби-ситтера.

Перед входом в кафе Лена топталась долго. Во-первых, в подобные заведения она не ходила, во-вторых, не была уверена, что узнает сестру. Ленины метания привлекли девушку в чёрном переднике, от которой Лена влетела в зал, как преследуемый собаками кот. И сразу увидела Лидку за столиком возле окна.

Первый взгляд на неё сокрушил взлелеянный Лениным воображением жуткий кадавр — помесь сливочно-розового младенца, кудрявой малышки в розовом, розовой девочки-подростка, Люси из «Дракулы Брэма Стокера» и Страшной Бабки. Со второго взгляда Лена убедилась, что настоящая Лидка симпатична ей гораздо меньше вышеперечисленных персонажей и ещё сильнее смахивает на мать, разве что худей. Волосы, пожалуй, темней, хотя кто их, крашенных, разберёт. С тех пор, как волк отвязался, запахи перестали мучить Лену, но Лидкины духи ей всё равно не понравились. У Ленины такими шмотками не торговали, труба пожиже, и фифы такие к ним не заглядывали. Интересно, как они так ногти красят, чтобы внутри нормальные, а по краям белые, точно перхоть набилась? Не, уж лучше бы Люси.

— Рома у тебя, — сказала Лидка, и это не прозвучало вопросом.

Лена кивнула, усаживаясь напротив. У одной из бабушкиных подруг-соседа была старинная фарфоровая кукла. Лена её боялась, потому что соседка сказала, что куклины волосы из мёртвых людей. Лидкины локоны были того же цвета, что у той куклы, и так же аккуратно разрисованное личико. Кроме того, последнее время решительно все обвиняли Лену в беспредельных гадостях — вряд ли Лидка станет исключением.

Официантка принесла Лиде кофе с мороженым, слегка разрядив обстановку. Лена заказала того же себе.

— Дети не спят, — Лида, аккуратно зацепила ложечкой неправдоподобно огромную и глянцевою клубничину, поднесла к губам и надкусила. Блеснувшая на карамельной помаде кровавая клубничная капля заставила Лену поёжиться. — Нам не надо обсуждать, почему, не так ли? Меня интересует, способна ли ты исправить ситуацию.

Лена покачала головой. Ладони стали липкими и холодными, зато уши горели. И ведь она правда ни при чём! Какая засада.

Лида ещё раз куснула клубничину.

— Не можешь или не хочешь?

— Не могу, — сказала Лена, теребя заусенец. Ну вот, начинается.

— Я так и думала, — спокойно ответила Лида, прикончила клубничину и слизнула с ложечки сливки. — Могу я спросить, что вы с Романом натворили? Не сомневаюсь, с него началось.

Лена выложила историю охоты на волка почти целиком (проблемы оборотня в большом городе к делу не относились). Набежала официантка. Залпом осушив игрушечную чашечку кофе, Лена закурила.

— У Ромы тяжёлая карма, — заметила Лида, тоже пригубив кофе, — такие люди приносят проблемы всюду, где появляются. Я серьёзно.

— Ну, моей карме Ромка не помеха, — сухо ответила Лена.

Лида повела идеальной бровью.

— Если б не Роман, китайская мазь всё ещё была бы в твоём распоряжении, а мы все избежали бы неприятностей. Но, возможно, ты права.

— Если б не Рома, я бы всё ещё носилась с волком наперегонки, — напомнила Лена. — Но, возможно, для всех вас это не является неприятностью. Не сомневаюсь.

— И всё-таки...

— И всё-таки мне надоело отдуваться за всю семейку. Ты в шоколаде, а я...

— Не преувеличиваешь? — усмехнулась Лида. — «Всем сестрам по серьгам».

«Всем сестрам — по серьгам», — шепнула тётя Ида, продевая в ухо серёжку. Лена поперхнулась дымом. Вспугнутая её кашлем официантка по собственной инициативе принесла стакан воды. Лене полегчало.

— Знаешь, мы с бабушкой думали, тётя Ида про тебя забыла, — сказала она. — Конечно, я могу вполтину меньше, чем тётя, но ведь и тётя умела меньше прабабушки Татьяны, а та меньше, чем её бабка Анна. Мы даже радовались, что у меня нет этих проблем с покойниками... извини. Кстати, Ромка не собирается откровенничать с отцом. Больше того, планирует от вас съехать и благодарен, что ты придала ему ускорение.

— Очень мило с его стороны, — холодно улыбнулась Лида. — Мама тоже уверена, что тётя не вписала меня в завещание.

— А мне казалось, у вас с мамашей эти, близкие доверительные отношения... Когда умерла тётя Ида, тебе было девять лет, неужели ты не побежала жаловаться маме?! Даже я бы, наверно, побежала — при отсутствии выбора, конечно.

— Начнём с того, что о тётинном существовании я узнала много лет спустя после её смерти и не от мамы, — заметила Лида, снова принявшись за мороженое. — Хорошо, что об этом зашла речь: давно собираюсь попросить у тебя более удачную тётину фотографию — та, что была на старом памятнике, совершенно не гармонирует с новым.

— Кроме деда, тётю фотографировали только на документы, — пожала плечами Лена. — Возьми одну из дедовых, там тётя Ида совсем молодая, но это незаметно. Не понимаю, мать скрыла, что у неё была сестра? Даже от тебя?

— Не скрыла, просто не упоминала. Всё, что касается семьи родителей, вызывает у мамы мигрень, так часто случается. Когда тётя мне явилась, я, естественно, не поняла, кто она, и что произошло. На следующий день я села смотреть мультфильмы и познакомилась с прапрабабушкой Анной, — лицо Лиды скривилось не то нервно, не то брезгливо. — Так легко запутаться в этих «пра»! Анна была очень недовольна разделением серёг, ругалась, что я слабосильная и скоро умру. Я и сейчас не способна общаться с ней дольше нескольких минут, а в тот раз попала в реанимацию. Вскоре мне диагностировали эпилепсию.

Лена нахмурилась.

— Но ведь у тебя её на самом деле нет?

— Есть. У меня не хватает сил, по выражению Анны, «духов кормить», отсюда и припадки, и кровотечения. Вероятно, я бы не дотянула до совершеннолетия, однако моя слабость, как бывает, является моим же спасением: непосредственный контакт для меня возможен только при наличии работающих поблизости телевизоров, радио или мобильных телефонов. Я быстро догадалась держаться от техники подальше, с тех пор живу без лекарств. По совету врачей пришлось рано родить, но во всём есть свои плюсы.

— Ты уверена, что мамаша не догадывается? Не идиотка же она.

— Напротив, мама — умная женщина и не станет забивать голову мыслями, если есть малейшее подозрение, что результат усилий ей не понравится. Не стоит её осуждать — жить с тётей Идой было непросто...

— Это ты мне говоришь?! — рывкнула Лена. — Вообще-то, тётя могла то, что мы обе, но ко мне, а тем более к бабушке, своих способностей ни разу не применяла, точно знаю. Я это оценила, только когда у меня Нюська появилась. У нас с тобой обеих рыльце более чем в

пушку, уж прости. А тётя Ида никого не трогала, старухи сами к ней бегали, она помогала, а они у неё за спиной... И всё-таки с ней было тяжело, даже в комнате находиться тяжело, будто над головой висит набитый мокрыми тряпками шкаф и вот-вот на тебя рухнет. Такой она была человек.

— Я понимаю.

— Ни фигя не понимаешь!

— Понимаю, — твёрдо и тихо возразила Лида. — Ты такая же, я тоже. Семейная черта. Разница между нами в том, что я росла с мамой, мама не хочет иметь ничего общего с этой стороной семейной истории, ей нравится всё красивое, здоровое и преуспевающее, обеспеченная жизнь с привкусом артистизма. От прочего она научилась избавляться, так что выбора у меня не было, но и жаловаться мне не на что, наоборот. Маму устраивает мнение врачей, будто техника провоцирует эпилептические приступы, поэтому мама уверяет всех и каждого в моей рьяной приверженности борьбе за экологичный образ жизни. Настолько искренне, что сама давно в это поверила. А я ей подыгрываю: проще слыть чуточку эксцентричной, чем объяснять, почему я не пользуюсь мобильником.

Лена вспомнила Рому, взерошенного и красного от возмущения.

— Ты правда гонишь про невидимые проникающие в мозг некультурные поля, или это Ромкин вольный пересказ? — фыркнула она.

Лида злорадно ухмыльнулась.

— Ещё в школе подруга собрала мне по форумам фразы, специально для таких случаев.

* * *

Александра Порфировна тосковала над телефоном. Эвона бандюка Галька привезла. Сама крепко на сносях, через месяц-другой родит. Как будто за ум взялась: свет у них горит, дома тихо, и взгляд человеческий. А вчера Валентина про девочку спросила — так зыркнула, отворотилась и прочь пошла. Звонить Ленке или ну к лешему? Ленка строго велела, чтоб позвонить, как Галька объявится.

Под ситцевым платком схлестнулись страхи возможного недовольства Галькиного бандюка и Лениного сверхъестественного возмездия.

Александра Порфировна взялась за трубку.

* * *

В голосе Лиды появились официальные интонации.

— Как ты понимаешь, я не могу оставить всё, как есть...

— Волк ко мне больше не сунется, так что я при всём желании не могу ничего ему приказать.

Глаза Лиды сделались раскосыми и тёмными.

— У Платона подозревают эпилепсию. По твоей и Роминой милости.

— Я сделала, что смогла, когда припёрло, — процедила Лена. — Мои трудности никого не интересовали, очередь из помощников не выстраивалась.

— А должна была выстроиться? — быстро спросила Лида.

— Разумеется, нет. Ну, так и я никому не должна, Поглядела бы ты себя со стороны! — вдруг рассмеялась Лена. — Если я так выгляжу, когда озлобляюсь, ясно, почему от меня народ шарахается с горьким писком. Хорошо, что ты у нас по части жмуриков, не то бежала б я уже топиться в унитазе.

— Рада, что ты признала наше родство, — лицо Лиды приняло обычное выражение доброжелательного внимания.

Лену посетила блудная мысль, что, случись Нюся её кровным ребёнком, ей было бы значительно сложнее мириться с Нюсиным существованием. Всё-таки узнавание себя в другом человеке — удовольствие не для каждого, с зеркалом, и то стараешься лишний раз не пересекаться... Раскурив сигарету, Лена оделила сестру почти тёплым взглядом.

— Я хочу сделать для тебя расстановку, — сказала Лида.

— Нет!

— Мне нужно поговорить с Анной. Прямой контакт заканчивается припадком, после которого я мало что помню.

— По-твоему, нам сильно поможет, если такая фигня случится со мной? Дико извиняюсь, но именно сейчас мне некогда лечиться от эпилепсии.

— Ты не поняла. В качестве заказчика расстановки ты всего лишь выберешь заместителей. Если у кого и возможны... необычные переживания, так это у них.

— А они об этом знают? — поинтересовалась Лена.

— Основная нагрузка всё равно ляжет на меня. — Лида поправила прядь. — Среди заместителей не должно быть людей с улицы. Обе мои помощницы и охранник примут участие, но надо ещё несколько человек, троих обычно не достаточно.

— Ромка сказал, у тебя специальная группа для работы со жмуриками, — опасно улынулась Лена.

— У Ромы богатая фантазия. Ты уговоришь его прийти?

— После того, что ты ему устроила в прошлый раз? Смеёшься?!

— Я ничего не устраивала, — устало возразила Лида. — Роман получил опыт, в котором нуждался, даже если сам этого не признаёт.

— Ещё на один опыт я его вряд ли раскручу, но попробую — парень привязан к племянникам. Вот папа примчится, задрав штаны, развлечение как раз в его вкусе. Против моего папы ты не возражаешь?

— Вовсе нет! — оживилась Лида. — С удовольствием с ним познакомлюсь.

— И есть у меня одна сладкая парочка, так вышло, что один из них практически в курсе событий. Думаю, тоже придут.

— Будем считать, что этого хватит.

В кармане завибрировал телефон.

— Так, Рома поджёг дом, залил соседей, и его съела Фанта, — весело сказала Лена. — Да! Вам кого? Александра Порфириовна? Лид, мне срочно надо идти.

— Подожди, мы не договорились о времени! Я бы хотела сегодня вечером. Пойми, дети...

— Они самые, — пробормотала Лена. — Всё равно сегодня всех не собрать. Завтра. Я позвоню вечером.

Лида протянула ей тетрадь, пухлую, с поблёкшими розовыми котиками на обложке.

— Почитай перед сном, поможет настроиться. Я вела эти записки десять лет назад во время поездки в Екимцево.

— Значит, теперь Нюся твоя? — спросил Рома.

Лена открыла рот, чтобы попытаться это опровергнуть, но передумала.

— Удочерю — станет моя. Галка готова рулон туалетной бумаги подписать, лишь бы Русланчик о Нюсе не узнал. «Пардон, любимый, в меня тут вселялись нечистые духи, и от общения с ними у меня родилась дочь азиатской наружности». Она ведь до самого возвращения в Москву считала, что Нюся ей примерещилась, а когда нашла свидетельство о рождении, вообразила, что в беспамятстве занесла ребёнка куда-нибудь на свалку. Представляешь, как она мне обрадовалась?! Всё-таки довольно нервно чувствовать себя детоубийцей.

Рома смотрел на неё ошарашенно.

— Как думаешь, почему такое произошло? Даже у психов и торчков есть инстинкты. На элементарном уровне. Должны быть. У животных, и то...

— Галка — не псих и не торчок, а я не собираюсь слушать всякую ерунду от человека, ежедневно выдувающего минимум пять банок пива, смотрящего мультики нон-стоп и обжиряющегося мазью от диатеза. Не представляю, что это было, и не хочу пересказывать, что говорила сама Галка. Два года жизни у неё практически вычеркнуты из памяти. Дома мать возила её к какой-то местной бабке, помогла та, или Галка сама поправилась — сложно сказать. Может, зелёная мазь сработала, Галка полбанки себе тогда отложила. Но бабка, зараза, нанесла три коробка дичи в Сашином стиле, а Галка верит. Думаю, поэтому и Нюсю видеть не хочет.

— Твою Галку стоит показать Иннокентию Германовичу, — вкрадчиво предложил Рома. — На всякий случай. Только не злись, но наследственность никто не отменял.

Лена покачала головой.

— Сейчас она нормальная, то есть нормальная для Галки.

— А Нюся нормальная для Нюси, — брякнул Рома и тут же об этом пожалел под взглядом Лены.

— Вот именно, — сказала она. — Мы оформим паршивые документы и будем жить дальше, остальное меня не касается, а тебя тем более. Пойду Нюсе сказку рассказывать. Кстати. Это — тряпка, ею вытирают стол, уяснил? Посуду помой.

«Моя».

— В замке на берегу моря жил был принц. Он мечтал поймать русалочку, расчленив и узнать, что внутри, ведь принц был учёным. Но русалочки ему не попадались. Он их на рыбу ловил, а русалочкам рыба и в море надоела...

Хихиканье в темноте.

— Мам, принц был глупый! Надо на шоколадку или конфету.

— Конфеты в море тают.

— Тогда на котлетку. Котлетка тает в море?

— Котлетка не тает.

— А сыр?

— Нет.

— Русалочки любят сыр?

— В море, знаешь ли, сырных заводов нет, так что вряд ли они его пробовали. Вот принц и придумал ловить на сыр...

— Мам, а почему ты не гуляешь ночью?

— Потому что сплю. Ночью люди спят, и тебе давно пора.

— Нет, мам, ты гуляла, и Фанта. А потом пришёл во-о-о... — губки расплзлись в плаксивой гримасе.

Через полчаса с рёвом удалось совладать.

— Мам, пошли сегодня гулять? — с надеждой попросила Нюся, хлопая мокрыми ресницами. — Я не буду реветь! Дядя Ваня сказал, ты пойдёшь, если захочешь.

От напряжения у Лены свело ноги.

— Какой дядя Ваня?! — голос показался чужим, даже Нюся удивлённо покосилась из-под чёлки.

— Просто дядя, сидит у зелёной речки. У дяди Вани глазки как у меня. Мам, почему у меня глазки как у дяди Вани, а не как у тебя?

— Ты видишь дядю Ваню во сне?

— Мама, я во сне сплю, — снисходительно ответил ребёнок.

— Но сначала ты засыпаешь, а потом видишь дядю Ваню и зелёную речку?

Нюся нетерпеливо подпрыгнула в кроватке.

— Дядя Ваня настоящий! И речка! Мам, принц поймал русалочку?

Лена решила пойти другим путём.

— Что ты делаешь, чтобы увидеть дядю Ваню? Я тоже хочу с ним познакомиться.

— Ой, мама, пойдём! Закрой глазки...

Нюся перебралась к Лене на колени, прижалась, пальчики пробежали по Лениным векам нежно и настойчиво.

— Вот так. А теперь закрой вторые глазки. Чтобы стало совсем-совсем темно.

— Какие вторые?

— Какие внутри, — тоном большой девочки объяснила Нюся. — Мама, я уже гуляю, а ты нет. Закрой вторые глазки!

— погоди, Нюсь, я про русалочку не дорассказала! — разговор начал серьёзно пугать Лену.

— Ну мам, давай и дяде Ване расскажем!

Лена повернула к себе Нюсино личико с крепко зажмуренными веками.

— Ты сейчас видишь дядю Ваню и зелёную речку? — шепнула она.

— Да. Мама, ты обещала, идём гулять!

Лене захотелось встряхнуть ребёнка, раскричаться. Вместо этого она примиряюще сказала:

— Что-то у меня не получается. Просто я привыкла, что у меня всего два глаза, и оба снаружи. Может, так и есть?

— Нет, не так! — капризно ответила Нюся, но, к Лениному облегчению, глаза открыла. — Мам, ты ещё попробуешь?

— Попробую, — обещала Лена. — Теперь слушай про русалочку.

Дверь в детскую она закрывала осторожно, точно за ней тикала бомба.

Фанта взрыла носом простыню, покрутилась на месте, тяжело вздыхая, устроилась в ногах. На кухне возился Рома, пытаюсь вписать тело в рамки углового диванчика. «Это как надо запугать человека, чтобы он предпочёл сон буквой «зю» огромному матрасу у себя в мансарде?», — завистливо подумала Лена. Перед ней лежала тетрадь с котятками на обложке, исписанная округлым почерком отличницы — та самая, что Лидка пыталась ей всучить десять лет назад («Неужели тебя не интересует история нашей семьи? Я такое обнаружила...»). Ха! Лена с детства слушала семейные истории. Её собственная жизнь была сплошной семейной историей! Совесть неуверенно, но ощутимо кольнула Лену, примериваясь. Девчонке всего и нужно было с кем-то поболтать — с кем-то, кто *понимает*, а её послали в грубой форме, только за то, что, видите ли, не так сидит, не так свистит. И слишком похожа на мамашу. Правда заключалась в том, что у Лены были бабушка с папой, а у Лидки — только мамаша и ещё призрак прапрабабки Анны, если она считается. Ты скотина, Лена.

«...издалека откуда-то пришёл. И дочка, Анютка эта, при нём, годов так десяти. Нанялся в пастухи. За скотом не ходил, не глядел. Выйдет на гору, три пальца в рот — и скот сам возвращается. И утром провожает лишь за деревню. И без потерь. О нём говорили: у него бабушка, сидя дома, знает, чем он здесь занимается, то есть, как бы его всё время видит. Он об этом смело и сам говорил, не таясь. Другие пастухи отпуск давали, за то кому как — стричь волосы и бриться нельзя, руку подавать, ругаться, играть с девками, перелезть через забор, в церковь ходить. Но Василий жил, как хотел, однако нас хорошо, сохранно, при его пастушестве зверь не потрогал скотины».

В Лидке пропал этнограф. Обойти кучу стариков, записать все их телеги... Лены бы на такое не хватило.

Василий Дмитриевич Первушин, 1924 г. р., дер. Новый Скребель

«Гореловы, муж с женой, поленили дрова в лесу. С ними были их дети, Пётр с сестрой. Дети стали проситься домой, отец и говорит: «Куда они денутся? Пусть идут». И два дня детей не могли найти. А отец — коммунист, отведывать боялся; жена ходила в Екимцево к бабке Анне. Анна сказала: «Поди домой. Кто попадёт навстречу, ни с кем не разговаривай. А посередке дня весть буде». Чё-то там поделала, так они вышли на дорогу».

«Если б я так умела, пошла бы в частные детективы, — расстраивалась Лена. — Денеги бы подняла... Интересно, кто-нибудь из предков торговал штанами при помощи чёрной магии, или я урод даже в такой семейке, как наша?».

Тихомирова Антонина Степановна, 1935 г. р., дер. Екимцево.

«Мама дружила с Завьяловой Татьяной. Папа вернулся с войны покалеченный, не мог работать. Мама взяла бутылку и к Татьяне. Татьяна до бутылки охоча была. «Полечи мужа, — просит, — твоя бабка лечила». Посидели, Татьяна

рассказала, что бабка Анна знала колдовство. Ночью брала наговорённую свечку, выходила в поле и неслышным голосом звала душу. Приходила душа спящего соседа, Анна приказывала ей взять в руку свечку и уходить. Больной выздоравливал, а человек, чья душа приходила за свечкой, умирал. Если не взял бы свечку, то больной бы умер в три дня, и Анна за ним. Татьяна это колдовство не захотела перенимать. Добрая была, отведывала, кому надо, и денег не брала. За пятнадцать трудодней работала почтальоном. Ей из еды чего носили, но сама не просила. Бедно жила с дочкой, ух бедно! Первый муж через месяц после свадьбы помер. Второй был охотник, лося убьёт, они его ночью перетасят, и тем кормились, чтоб меньше работать в колхозе. На войне его убили. Мама потом знахарку нашла, знахарка отпоила папу травами. Раньше были знахари, это сейчас ни во что не верят, да так и идёт».

О дерматите история и Лидка умалчивали, хотя Анна им, скорей всего, не страдала — то ли по темноте, то ли работа в торговом центре вредней для кармы, чем погубление соседей.

Гусева Катерина Степановна, 1938 г. р., дер. Екимцево

«Мама мне рассказывала. Наш отец был председатель колхоза. Нас было четыре сестры и брат. Брат всё болел. Отец пошёл к Анне, пригрозил, чтоб брата вылечила. Анна взяла петуха, воткнула нож ему в горло. Вытащила нож, петуха бросила. Он, как ни в чем не бывало, улетел. Анна сказала, что брату можно помочь. Ночью брат умер, и Анна, в поле её нашли. Не справилась, старая уже была. Говорят, в молодости губернаторшу от туберкулёза вылечила».

Взглянув на часы, Лена погасила свет. Вместо того чтобы любезно отключиться до утра, мозги раз за разом прокручивали колесо, в котором мелькали Лида, петухи с ножом у горла и Галка в зелёном желе. Дядя Ваня, дядя Ваня, на берегу сидит и купаться не велит. Чаем поил. С печеньем, но не с вареньем.

* * *

Под веками мельтешили радужные пятна вперемешку с мушками белого шума. «Лена, закрой глаза, спи и не подглядывай», — говорит бабушка. Веки тонкие, сквозь них пробивается свет лампы. Оранжевый свет: бабушка накидывает на лампу халат, чтобы не будить Лену с тётей Идой, а сама вяжет салфеточки и носки. Спит бабушка мало, у них полон дом носок и салфеточек, бабушка отдаёт их подруге, а та продаёт у метро. «Закрой вторые глазки», — шепчет Нюся. Дядя Ваня сидит возле речки. Глаза вдавились в череп. Лена перепугалась, отряхнула начинавшийся сон, как собака — воду. Поток устремился в неё, облизывая миллиардами светящихся язычков.

Счастье не нуждается в поводах и причинах. От счастья не умирают, но испытать его по-настоящему можно только перестав быть человеком. Люди не заточены под настоящее счастье. Их предназначение, если таковое существует, явно заключается в чём-то другом (по мнению Лены и древних религий мира, это — геморрой). Лена блаженно таяла в потоке,

будь она в состоянии рассуждать, ей хотелось бы одного — пусть всё остаётся как есть. Вечно. Но ни думать, ни хотеть она больше не могла.

Рывок вверх.

Лена села, полная решимости уничтожить козла, обломавшего самый невероятный кайф в её жизни. Перед ней недвижно колыхался поток. В травянистой глянцевої ряби дрейфовала мелкая полупрозрачная нечисть в форме гондонов, пуча глазки, помахивала белёсыми ручками-плавниками. На секунду Лену посетила ужасная мысль, что она научилась видеть микробы и теперь останется такой навсегда. Что-то похожее ей уже попадалось, но где? Хагтифнатты. Из книжки про Муми-троллей, только те плавали на лодках и жглись электричеством. Лена потянулась к воде, интересуясь поймать хоть один идиотский глюк и рассмотреть поближе.

— Пожалуйста, не трогайте воду, — вкрадчиво, но твёрдо произнесли сзади.

Привалившаяся к Лениному боку Фанта загудела. Снова, значит, увязалась.

Китаец Ваня сидел на корточках у самой кромки слегка пенящейся зелени, сузившейся до размеров тривиальной говнотечки. Ван Юн, теперь Лена знала его настоящее имя. По правде сказать, она с трудом различала китайцев, а их манера улыбаться наводила её на мысли о тяжёлых неврозах. Тем не менее, Ван Юн был слишком никакой. Разглядывать его было столь же информативно, как пялиться на метлу или лопату у него в руках (ни того, ни другого при нём в данный момент не было, и от этого маленькая фигурка вызывала беспокойство, точно лишённая одной из конечностей). Лену грызла обида: проворонить такой приятный способ послать существование лесом! В следующий раз может повезти значительно меньше. Замочить придурка тапком...

В правом кулаке обозначилось нечто тряпичное и твёрдое, с рифлёной подошвой и распалось прежде, чем Лена сообразила, что это было, — на неё налетела Нюся.

— Мама! — верещала она. — Ты упала в воду и таяла, как сахар в чайнике таяла, а дядя Ваня тебя достал!

— Достал, ага, — сказала Лена и встала (предварительно убедившись, что ноги по-прежнему в её распоряжении).

— Здравствуйте, — сказал Ван Юн. — Вам лучше, это хорошо.

— Спасибо. Просто было так...

Ван Юн кивнул. Без улыбки.

— Нюсь, поиграй пока сама, мне надо с дядей поговорить. Не вздумай лезь в эту, блин, лужу!

— Ей не будет вреда, — заверил Ван Юн.

— Я поймаю рыбу! — рядом с Нюсей в пустоте повисла палка вроде тех, которыми она «рыбачила» у Димки на даче (рыбалка и удочка заканчивались поимкой ротвейлера, мигом превращавшего её в щепки). Палка напоминала призрак белой... ну, или бурой дамы в галерее ночного замка, но мало-помалу утратила прозрачность в Нюсиной ручке, даже грязью обросла. Хотя грязи, равно как и земли, вокруг не наблюдалось — ничего, кроме переливающегося в пустоте потока. Речушка тем временем разрослась до ширины немаленького пруда.

Лена повернулась к Ван Юну.

— Что за хрень кругом творится?

— Поток, — ответил китаец. Улыбка заметно вылиняла.

— Сама вижу. Поток чего?

— Всего.

Лена ждала продолжения.

— Всего, — Ван Юн плеснул руками, как начинающий купальщик. Китайское лицо подёрнулось надеждой, сменившейся страданием. — Я не умею объяснять. Отец научил меня готовить зелёную мазь. Отца научил дед. Мы мастера мази, никто из нас не учился по книгам.

— Ясненько. Кстати, с тех пор, как мы последний раз встречались, ты неплохо освоил русский.

— Сейчас язык не важен, — снова разулыбался Ван Юн.

По старой привычке Лена всмотрелась в полоски на белой майке китайца, очень тоненькие синие полосочки. Взгляд скользнул выше, упёрся в пластиковые пуговицы воротника (бабушка пришивала такие к наволочкам) и снова вниз, по выступающим венам коричневой руки.

— Вы не спите, — сообщил Ван Юн.

Благодаря бегущим по венам зелёным струйкам, полным искрящихся микровзрывами хаттифнаттов, выглядел он так, словно среди его предков затесались ёлочные гирлянды и Туве Янсон. Лена перевела взгляд на собственную руку и расстроилась ещё сильнее: цвет крови, а также концентрация в одной хаттифнаттов соответствовали местным стандартам. То же самое касалось Фаниных боков, как и в прошлый раз, основательно позолоченных. На Нюсю Лена решила не смотреть, но не удержалась.

— Прекрати это со мной делать! — в ужасе *приказала* она.

Ничто вокруг Лены окрасилось в яростно-малиновый цвет, разгораясь, хлынуло к Ван Юну, некоторое время слепо в него тыкалось, точно упёршийся в стену ёж, и угасло.

— Я ничего не делаю, вы видите то, что есть, — Ван Юн посмотрел на Лену с боязливым уважением. — Я не знал, что среди лаоваев встречаются пастухи призраков.

Лене сделалось почти так же неловко, как когда она спёрла в школьной столовке булочку с сахарной пудрой и её застучала буфетчица.

— Извини, нервы того. Можешь хотя бы объяснить, что это за белая мелочь?

— Мы называем их «се», — с готовностью ответил Ван Юн.

— Кто «мы»?

— Мастера мази. У людей нет для се названия, потому что люди их не видят. Пастухи призраков тоже не видят се. В Дунчанцзе живут два брата, оба пастухи призраков. Они богатые, почти как горожане...

— Да, чтобы ты знал: призраков я не пасу, — заявила Лена, впрочем, не очень уверенно и всё же любопытствовала: — Неужели на этом можно разбогатеть?

Недоверчиво-удивлённая улыбка.

— Пастухи призраков имеют власть над духами, «ловят» жизни и впускают в тела умирающих. В Китае за это хорошо платят, разве в России — нет? У нас пастухов призраков зовут в семьи, где кто-нибудь тяжело болеет или пропал, а также если потерялась свинья.

Лена пожалала плечами.

— А. Ну да. Что-то такое имело место. Но я только...

Настороженная улыбка, кивок.

— Вы из семьи пастухов призраков. Не знаю, почему вы видите се.

— Твою мазь ела, — буркнула Лена. — И оба раза попала сюда. Более или менее. Но сегодня у меня чисто по памяти получилось.

Глаза Ван Юна стали сливообразными, отчего он сразу сделался похож на любимую Ромой мангу, не хватало парящих вокруг головы вопросительно-восклицательных знаков, которые возникли, стоило Лене о них подумать. Ван Юн разогнал их ладонями, точно мошек.

Смущаться Лена не умела, вместо этого она злилась.

— Ну, ела, и?! Чего вылупился?

— Отец запретил мне лечить... некитайцев, он сказал: «Что хорошо для людей Чжунго, приносит лаоваям бесчисленные беды». Не обижайтесь, мой отец старый человек из деревни.

— А я не обиделась, и потом, он вроде как прав. Но Фанту я, между прочим, твоей мазью не кормила и даже не мазала, почему же она с нами болтается, набитая хагтифнаттами по самые помидоры? Может, мне пальцы случайно облизала? Ты не в курсе, как эта, блин, мазь действует на собак? Не представляю, как я буду объясняться с ветеринаром! И почему она золотая?

— Не беспокойтесь, ваша собака не ела мазь. Собака идёт за хозяином всюду, такова природа собак. Она золотая потому, что намазана вашей любовью. У вас в России продаётся масло из молока. Ваша любовь — как масло. Так вы её защищаете.

«Допустим, — подумала Лена, — Любовь, выраженная в масле, — у нас семейное. Знал бы ты, сколько в меня бабушка этого масла впихнула, странно, что я жирных следов при ходьбе не оставляю».

— Любовь бывает в чём угодно, — сказал Ван Юн. — В рисе очень часто бывает. В зонтиках тоже. Бывает в голодных духах или небожителях, один человек был обмотан золотым драконом. Он был единственным сыном у матери. Такая сильная защита.

— Угу, а Нюся тут потому, что такова природа Нюси? — Лену мучал стыд — на Нюсе масла почти не было заметно, разве что немного на затылке.

— Да. Её мать слышала се, когда носила её. Дети слушающих се от рождения принадлежат двум мирам. Моя мать также слышала се. Отец забрал меня у родных матери в обмен на мазь. Зелёной мазью лечат тех, кто слышит се. Её не едят. Ею мажут глаза и виски, после этого навсегда перестают слышать се. Я дал зелёную мазь Гале, сейчас она должна быть здорова.

Лена почувствовала, что близка к истерике.

— У Галки всё в порядке. Значит, бабка правильно её пугала?! Одержимость хагтифнаттами — как раз тот самый перчик, которого нам по жизни не хватало! И что теперь с Нюской делать? Мазь от одержимости не катит? И что мне делать с собой, тоже хотелось бы знать. Записываться на приём к экзорцисту по фотографии? Интересно, балуется ли Лидочка экзорцизмом. Правда, я вроде никого пока не слышу, ну, кроме тебя, если это считается. Вот папа обрадуется, а уж Ромка просто упишется от счастья, он-то, дурак, решил, что отстрелялся...

— Вам не надо так беспокоиться, — твёрдо произнёс Ван Юн. — Здесь и сейчас нельзя беспокоиться. Опасности нет. Та бабка была глупа. Одержимость бывает демонами, или когда злые духи внутри человека. Зелёная мазь тогда не помогает, надо звать заклинателя. Се не причиняют ни пользы, ни вреда. Живут в потоке, как все десять тысяч существ, им нет дела до людей, но некоторые люди слышат се. Те, чья способность разделять вещи ослаблена: дети, старики и женщины, кому присуща страсть к необузданности, распушенность, нежелание сдерживаться, подчиняя себя дисциплине.

— То есть с каждым может случиться, — заключила Лена.

Ван Юн кивнул.

— Лаоваи лечат слушающих се в больницах вместе с сумасшедшими, теперь в Китае тоже так лечат. Несведущему нетрудно спутать. Слушающие се не отделяют голоса се от своих мыслей. Отказываются от еды, бродят, не зная, где, произносят бессвязные речи и совершают сумасбродные поступки. Воды боятся, темноту и холод ненавидят, стремятся к огню — этим слушающие се отличны от лишившихся ума по другим причинам. Не достигают потока, но иногда похожи на колдунов или предсказателей: говорят разными голосами, видят будущее, вещи, которые не замечают другие, огонь и железо не причиняют им вреда.

— И электричество, — вставила Лена.

— Электричество их привлекает. Может быть, они его едят. Дети слушающих се не слышат се, достигают потока, но в нём не тонут. Их не нужно лечить, они следуют своей природе.

— Ясненько, — зловеще прошипела Лена. — Всегда чувствовала, что эти вот приключения бегемотиков Муми-Троллей — сплошная чернуха. Наверно, то же самое относится ко всей детской литературе. Значит, мне не светит прикрыть Нюськины вылазки в эту канализацию?

Ван Юн отрицательно качнул головой.

— И японских призраков под кроватями она видеть не перестанет, даже если я скормлю ей бидон этой зелёной дряни или отдам банде психиатров на опыты?

— Зачем вы говорите ужасные вещи? — грустно спросил Ван Юн.

— Ну, это помогает меньше бояться, не знаю, почему. Ладненько, с Нюсей разобрались...

— Девочка Нюся вырастет, научится молчать и не будет отличаться от людей.

— И на том спасибо, хотя если ты имеешь в виду себя, то... А, чья бы мычала. Кстати, обо мне. Как там у меня с голосами — начну я их слышать? И поможет ли мне твоя мазь, если ею правильно мазаться?

Ван Юн окинул Лену задумчивым взглядом, точно примериваясь шить ей пальто.

— Китайцы не едят мазей, мы ими мажемся, — мягко ответил он. — Я не знаю, что случится с тем, кто её съест, но вряд ли вы услышите голоса се по этой причине. А вы... ещё кого-то угощали зелёной мазью? Извините.

— Ты меня совсем ниже плинтуса держишь, — фыркнула Лена. — Сами наелись. Мой папа и ещё один... родственничек. Они сюда пока не попадали, папа пытался, но у него заморочки с воронами, долго рассказывать. Короче, я за него практически спокойна. А вот Ромка может попасть. Попадать у него получается лучше, чем всё остальное.

— Может попасть, — эхом откликнулся Ван Юн.

— Вот-вот. А чем это грозит? И вообще, не хотелось бы проваливаться непонятно куда всякий раз, как придёт фантазия поспать.

— Я неучёный человек, — напомнил китаец. — Моё мнение немного стоит. Я думаю, что теперь дверь для вас открыта, как для меня и для девочки Нюси.

Лена поморщилась: от последней фразы китайца пахнуло Серёгой.

— Пожалуйста, разрешите дать вам совет, — продолжал Ван Юн. — Если я прав, вы не будете видеть поток только во сне. Нюся умная девочка, всегда закрывает вторые веки. Постарайтесь делать также. Нельзя смотреть на оба мира сразу, мой отец так делает, от

этого его поведение не всегда понятно. Люди считают его странным.

— Напугал ежа голым задом, — огрызнулась Лена. — Уеду в Китай, иностранцам прощают больше, чем местным психам. Забыла сказать, твоя мазь здорово помогает от диатеза, так что спасибо. Всё-таки дал бы баночку, не пугайся, есть не стану, просто меня аллергия на работу снова одолевает.

— Я могу делать мазь только для того, кто слышит се, в обмен на его кровь. Такое правило, правило нельзя нарушать. Кровь пойдёт на новую порцию мази для другого человека.

— Мам, смотри, какая...

Прибежала Нюся. На «удочке» (верней под ней, потому как леска на палке отсутствовала) уныло болталось нечто волнующей формы, отдалённо напоминающее детский рисунок. Живой. Во всяком случае, оно дёргалось.

— Я бы сказала, какое... — Лена инстинктивно отодвинулась, опасаясь испачкать ночную рубашку. — Брось сейчас же!

— Мама, это же моя рыба! Я её придумала!

— Нюсь, это не рыба, а редкостная хрень. Ты же сто раз видела рыб в зоомагазине.

— Как в магазине я не умею.

Лена вспомнила о важности поддержки детского творчества родителями.

— Ну ладно, у тебя тоже ничего получилось, бывает... — проямлила она. — Зато в ней нет глистов... то есть хаттифнаттов... тьфу, се.

— Они живут только в настоящих вещах, — заявила Нюся. — Вот.

«Удочка» исчезла вместе с неаппетитным довеском, а над раскрытой Нюсиной ладонкой повисла страдающая базедовой болезнью рыбка. Магазиновая, с веерным пятнистым хвостом. Под чешуёй копошились хаттифнатты. Рыбку Лена узнала (страшный скандал во время покупки капель от собачьих клещей, когда Нюся возмечтала об аквариуме). Лена ощупала себя. Ни карманов, ни сигарет в ночнушке не оказалось, но сигаретная пачка материализовалась у неё перед носом. Хаттифнаттов в сигарете не было, вкуса тоже.

— Здорово! — воскликнула Лена, водворяя на место отпавшую челюсть. — Как настоящая: чешуйки, плавники, всё такое...

— Она настоящая, — протянула Нюся обиженно. — Я взяла её в магазине, ну, где я ревела. А ту рыбку я сама придумала. Я хотела подарить её тебе. Она тебе не понравилась?

— Крутая была рыбка, спасибо. Эта тоже хорошая, подари мне её.

— Она же в магазине! Ждёт, пока её купят и полюбят. Чужое брать нельзя, ты сама говоришь. Я придумаю тебе ещё, мам.

— Паршивая рыбина действительно в магазине? — резко обернулась Лена к Ван Юну.

Тот кивнул. Нюся тряхнула рукой, рыбка пропала.

— Теперь идём гулять? — от нетерпения ребёнок запрыгал вокруг Лены. Фанта назидательно разлаялась.

— Если честно, что-то я от всего этого припухла. Мне бы проснуться и снова заснуть, то есть по-нормальному, если я на это ещё способна.

— Ма-а-м!

— Вам может понравиться, — вкрадчиво заметил Ван Юн. — Попробуйте.

Лена махнула рукой.

— Ладно, Нюсь, пошли.

Девочка влетела в неё со скоростью и решимостью мухи, штурмующей рот

велосипедиста. Существо, которым они стали, рванулось вверх, сквозь полы и потолки спящих квартир, сквозь крышу и вниз, погружаясь в звёзды всё глубже.

* * *

Налюбовавшись, как меняет цвета крутящей спирали между струй потока дракон, Ван Юн открыл глаза, потянул чай из носика пузатого чайничка. Искры драконьих чешуек ещё плясали по углам магазинной кладовки, где жил Ван Юн.

Умная девочка — Нюся, хорошая девочка, жаль, что не мальчик! Мастером мази может стать только рождённый от слушающих се, поэтому мастера часто передают искусство приёмным детям. Мальчикам. Почему мастер мази должен быть мужчиной? Ван Юн не знал ответа, отец тоже вряд ли знает. Сейчас многие женщины делают то, что раньше полагалось делать только мужчинам.

Бей-бей скушала муху, посматривая на хозяина лунным глазом, вспрыгнула на колени. Ван Юн погрузил пальцы в мягкую шёрстку котёнка. Говорят, в столице готовят суп из кота и петуха, называется «Битва тигра с фениксом».

Отец ни за что не согласится.

Отцу легко чтить традиции: ему отдали Ван Юна за несколько чашек риса. Когда отец был молод, еды было меньше, чем детей. Дед получил отца даром — в деревне боялись ребёнка, родившегося у одержимой злыми духами. Прежним мастерам мази не приходилось долго искать, кому передать искусство. Большинство детей, родившихся от слышавших се, умирают в младенчестве или вырастают странными, но раньше таких детей было много. Под влиянием се женщины делаются распутными, заигрывают с каждым, мужчины стремятся оплодотворить многих женщин. Теперь в больницах для сумасшедших отделяют женщин от мужчин, одной семье позволено иметь не больше двух детей. Проще отыскать птицу феникс, чем ребёнка, смотрящего в поток. Скоро люди забудут, как готовить зелёную мазь.

В России полным-полно слышащих се (отец считает, это потому, что русские пьют). И русские рожают детей, сколько хотят. Отец велел, чтобы ребёнок хотя бы наполовину был китайцем. Одна из продавщиц на рынке сошла с ума, многие пользовались. Ван Юн сразу понял, в чём дело. Когда стало видно, что Галя ждёт ребёнка, он позвонил отцу и сказал, что скоро вернётся домой. Но не знал, как поговорить с женщиной — русский язык слишком сложен. Женщина пропала, Ван Юн так огорчился, что собрался ехать в Китай один. Той же ночью он встретил ребёнка Гали у потока. Он столько думал об этом ребёнке, но ему ни разу не пришло в голову, что могла родиться девочка! Нюся понравилась Ван Юну, едва ему улыбнулась. Она рассыпалась тысячью бабочек и порхала вокруг его головы. Была такой послушной, красивой и умненькой. Он чувствовал к ней привязанность, как к собственной дочери. Вскоре Галя снова пришла, в очень плохом состоянии. Ван Юн попросил хозяина переводить, особенно настаивал, чтоб тот убедил Галю мазать веки и виски зелёной мазью.

Бей-бей дремала, нежно когтя ногу хозяина. Хорошо бы заварить чай, но жаль будить котёнка. Ван Юн удовольствовался сигаретой. Отцепив от штанины передние лапки, следил, как выдвигаются новенькие лезвия когтей и снова прячутся в ножны. Зелёные струи поднялись из его груди, оплели кладовку и заполнили мир. Мастера мази редко создают семьи и не имеют хорошей работы, беззаботно скитаясь по волнам потока. Ван Юн сидел на пластиковом табурете в магазинной кладовке, в то же время мурлыкая на собственном

колене, перевариваясь в кошачьем желудке бабочкой и опадая к подножью фонаря за окном микроскопической горкой пепла другой бабочки. Он шелестел невыметенным мусором по асфальту, спал в кустах стайкой воробьёв, готовый расчирикаться и разлететься во все стороны с первым дуновением рассвета. Ван Юна не привлекали части его существа, распаханные по мешкам, коробкам и морозильникам. Другое дело — фрукты. Когда существование мастера мази Ван Юна окончится, часть его непременно перейдёт в яблоню или персиковое дерево. Ван Юну нравилось также представлять себя крылышком стрекозы. Он шёл между прилавков, грохоча ботинками, шаря в карманах чёрных форменных штанов. Остановившись перед магазином, принялся долбить кулаком в дверь. Потребовалось некоторое время, чтобы разделить себя на собственно Ван Юна, дверь и молотящего по ней рыночного охранника. Как легко давать умные советы и как сложно следовать им самому! Забыл закрыть вторые веки, непростительная небрежность. Ещё немного, и он станет таким же... рассеянным, как отец. По пути к двери Ван Юн прихватил упаковку батареек и банку хозяйского пива из холодильника.

— И чего врут, что ты по-нашему не понимаешь, — благодарно кивнул краснолицый парень, заряжая батарейками фонарь. — А про пиво ты точняк угадал: в горле пересохло. Выпьешь со мной?

Улыбка, качание головой (последнюю фразу Ван Юн помнил — русские часто её повторяли).

— Ну, бывай.

Заваривая чай, Ван Юн совестливо морщился: Лена не успеет посмотреть, какой вырастет её приёмная дочь, в этом есть и его вина. Зато у Ван Юна есть Нюся. Неважно, может или нет женщина готовить зелёную мазь. Когда Нюся останется одна, он увезёт её домой в Китай. Бей-бей он тоже заберёт — не для того, чтобы готовить суп. Отцу хватит супа из петуха.

* * *

Стайки рыбок щипали плюшевые скалы. Дракон с одинаковой лёгкостью различал ракушки, рассыпанные в многоэтажной морской тьме, и намотанные вокруг звёзд лохмы облаков в небе.

Было ли море реальным? В смысле красот морского дна у Лены однажды была банка головоастиков (но потом её выкинула бабушка). Кроме головоастиков, в банке водились тина и улитки, но всё-таки это не то же самое, что подводный полёт дракона. Чешуйчатая игла тела рассекала воду, лавируя меж огненно-зелёных, переkreщивающихся в нигде, кишащих хаттифнаттами струй. Лена не понимала, каким образом ориентируется в пространстве Нюся — вероятнее всего, попросту его создаёт. Ребёнок правил существом, в которое они с Леной превратились, с уверенностью Иннокентия, сидящего за рулём самой гоночной из своих бесконечных тачек.

При других обстоятельствах Лена испытала бы восторг, страх и тому подобные прелести, но сейчас тупо следила за происходящим, как пассажир из окна маршрутки. Возраст — не повод для гордости, иначе венцом цивилизации считались бы парковые бабки. Однако сложно избежать снисходительности по отношению к человеку, иногда писающему в кровать и наглотававшемуся зубной пасты (третьего дня). На самом деле невозможно

относиться к нему без снисходительности — начнёт бесить. Культурный шок наступает, когда нетвёрдо застёгивающий штаны некто делает тебя на счёт «раз». Со штанами рано или поздно справляется любой не обременённый нарушениями органики персонаж. Зато без Нюси Лена (сомнений в том у неё не осталось) растворилась бы в этом зелёном месиве, получив, правда, при этом гораздо больше наслаждения, чем за всю предыдущую жизнь. Воспоминание мягкой тёплой кисточкой провело по Лениной душе, соблазняя. Вряд ли ей хоть раз ещё будет настолько хорошо. Хорошо? Ерунда! В человеческом языке не слов для описания истинного кайфа. Это было так...

Дракон затрепетал под Лениными мыслями, распадаясь. Нюся обвила её железной хваткой. Закручиваясь спиралью, дракон вернулся в одну из мерцающих струй. Хаттифнатты проходили сквозь него, пугая Лену перспективой застревания в мозгах. Электричеством не жглись, уже спасибо, но вместе с ними по Лене проскакивали весьма странные мысли — к счастью, она не успевала разобрать подробностей. С плеском расправились крылья, дракон взмыл над морем, просверлил облака над покрытыми лесом горами и рухнул в воду. Взбесившимся сёрфером прокатился по волнам и снова взлетел, едва когти царапнули склизкие прибрежные камни. Навстречу скале, вбок, вверх, следуя струе с нанизанными на ней морем, землёй и Луной.

Нюся и Лена сидели на валуне, болтая ногами. Над ними варился облачный суп, море ворчало под босыми пятками. Где бы она ни обреталась во время полёта, Фанта лежала возле Лены, как ни в чём не бывало, лоснясь золотым маслом. Лена попробовала его на вкус, но в этом мире по части вкусовых ощущений отмечалась явная недоработка. И по части запахов. Зато с цветами было более чем шоколадное, что серьёзно подталкивало Лену к мысли о галлюцинаторной природе происходящего. Такую цветопередачу ей удалось выжать из своих глаз, лишь когда Серёге повезло разжиться настоящим ЛСД. В ту ночь волк задал ей такую свирепую, мозговышибающую гонку, что идея о хотя бы косяке прочно связалась в Ленином сознании с панической атакой.

— Мама, тебе понравилось, да?!

— Угу. А что это за место?

— Сзади кустов домик. Мам, вот бы там жили мы? Мы бы купались каждый день. В море есть рыбы! Может быть, даже русалочки. И маленькие... беленькие такие...

— Ракушки?

— Не знаю. Я бы тебе их доставала.

Обернувшись, Лена действительно увидела конёк черепичной крыши. Её сразу потянуло к этому дому, и у порога она оказалась прежде, чем сообразила, как это получилось. Низенький, коренастый, в два этажа, точно замешанный ветром из скал вперемешку со мхом и песком, дом имел высокое каменное крыльцо и террасу, выходящую во двор. Лена подзабыла, что двери бывают деревянными, а с деревянными ставнями сталкиваться ей не приходилось — тем более толстыми, точно двери, на игрушечно-крохотных окошечках. Фасад дома зарос диким виноградом и неизвестным Лене вьющимся растением в фиолетовых цветочках.

Едва Лене захотелось войти, она оказалась среди просторной комнаты с камином, разделённой на столовую и кухню. Современная простота мебели бросалась в глаза в этом старом доме, но гораздо сильнее привлекли Ленино внимание несколько человек среди комнаты. Две круглолицые женщины, молодые, с высоко зачёсанными волосами, в затейливых блузках с рюшами, широких юбках ниже щиколоток, высоких ботах и белых

передниках — та, что посимпатичней, держала в руках гитару. Пожилая женщина в просторной чёрной кофте, тоже круглолицая. Мужчина с бородой по грудь, в тесном, застёгнутом на верхнюю пуговицу пиджаке, из-под которого выглядывал ещё более тесный жилет. Фигуры висели в воздухе, хотя даже складки одежды лежали вполне естественно — если не обращать внимания на такую мелочь, как отсутствие стульев. Мужчина опирался локтём на стол, гораздо выше того, что присутствовал в действительности. На полу сидел мальчик лет восьми в обнимку с собачкой (такие дворняжки всегда бывают песочной масти и быстро бегают). Другая дворняжка, рыжая, лежала рядом, подогнув под морду лапку. В своей неподвижности и люди, и животные напоминали старые фотографии с длинной выдержкой... или девочку в избе. Лена зажмурилась.

Глаза она открыла уже в саду, хотя садом это было сложно назвать, скорее промежуточным звеном между заросшим пустырём и молодым лесом.

— Мам, ты их увидела? — рассмеялась Нюся, выглядывая из по-прежнему закрытой двери. — Мам, они ненастоящие.

Лена гадливо поёжилась.

— Пойдём отсюда, Нюсь. Можешь вернуть нас домой?

— Ну ма-а-а-м! Это мой любимый домик. Я так хотела тебе показать! Они не страшные. Их всюду много, и других тоже. Есть страшные, но не эти! За домом девочка. У неё сверху платья сарафан, белый, с крылышками, но сзади вместо юбки — бантик. И на косичках вот такие бантики! Она красивая, только её нет. Пойдём покажу!

Лена спешно соображала, как проснуться — это очень сложно сделать, если не спишь. Но в прошлые разы ей удавалось выйти из этого, блин, состояния, когда её будили. То есть будили тело. Насчёт тела можно не волноваться: рано или поздно проснётся Ромка, а ещё скорей Нюся проголодается. Но болтаться всё это время среди привидений... Домой захотелось ещё сильнее. В последний раз, у папы, она выбралась самостоятельно. Или волк подсуетился напоследок?

Нюся прервала Ленины размышления.

— Мама, ты всё ломаешь!

Дом и деревья утратили плотность, искрящая сетка проступила сквозь камни под ногами, расчертила облака. Роща за оградой слилась в неподвижное, полное хаттифнаттов зелёное месиво. Лене стало жаль прекрасного места, в котором она вряд ли окажется ещё раз. Дом вновь налился цветом и тенями, по роще пробежал ветерок. Лена даже ощутила запах... много запахов, которые смогла классифицировать как «южные» (бывать где-либо южней Чертаново её не приходилось).

— Ладно, пошли уже, — проворчала Лена сквозь улыбку. В дом они проскользнули, взявшись за руки.

На первом этаже было ещё две комнаты, тоже недавно отремонтированные. Лене понравилось сочетание каменных стен со стенами, оштукатуренными и выкрашенными белой краской. Выложенный терракотовой плиткой пол. Низкие потолки с толстыми балками. Комнаты выглядели нежилыми — пустые шкафы, сложенные горкой подушки и лоскутные покрывала.

Из кухни-столовой на второй этаж закручивалась новенькая лестница. Наверно, старая находилась немного правей — там, где шествовал кот. Чёрный, но с обширной манишкой, немало не смущавшийся, что лапы его переступают по воздуху. Фанту кот не заинтересовал: прозрачные кошки несъедобны, а её интерес к представителям данного семейства был

сугубо гастрономическим.

Едва заглянув в комнату с королевских размеров кроватью под смотрящем в море окном, Лена поняла, как должна выглядеть её спальня. До сих пор возможность выбора применительно к жилью казалась ей чем-то столь же далёким от жизни, как, скажем, полёты в космос. Меняя квартиру, Лена согласилась на первый предложенный агентом вариант, куда перевезла бабушкину мебель в полном составе (перевезла бы и обои, если б смогла оторвать их от стен). Всё равно примерно с год она чувствовала себя фикусом, неудачно пересаженным в другой горшок, пусть и более просторный, тоска по прежнему ненавистному жилью особенно сильно донимала по вечерам. Вдруг осознав в достаточно зрелом возрасте, что ей нравятся чёрные дощатые полы, покатаая крыша и море за окном, а комоды с буфетами не необходимость, но пожиратели пространства и рассадники пыли, Лена испытала очередной культурный шок. Настоящее море за окном — не школьный забор, чтоб его, и даже не панорамный вид на мотостроительный завод. Море с настоящим кораблём, разукрашенным, точно праздник, отправившийся ненадолго полетать. Здорово, что лампа не по центру потолка, а над кроватью, и абажур из цветных стёклышек и бусин, а не тряпичный ужас с бахромой. Ленины восторги не охладила даже пожилая тётя в углу, лежавшая в полуметре над полом. Теперь на ней была белая ночная кофта и чепец, а выглядела она гораздо старше и куда менее круглолицей, чем внизу у камина. Запавшие обведённые кругами глаза были открыты, да и челюсть на месте. То, что это живое привидение, успокаивало Лену, имевшую не самые приятные воспоминания о покойниках. Неужели Нюся постоянно живёт среди отпечатков прошлого... и не только? Лене очень не улыбалась идея знакомства с прочими посетителями Нюсиного мира, например, тем самым «кругленьким без ручек».

К счастью, ничего «чёрненького с глазками» не попало даже в погреб — единственной части дома, избежавшей ремонта, но не строительного мусора. Разве что нечто серое и мохнатое, принятое было Леной за очередного кота, но у котов отсутствуют человеческие руки. В отличие от привидений, недокот был заражён хаттифнаттами по самые помидоры, что как бы намекало на его реальность. Нюся помахала ему ладошкой как приятелю, Фанта рыкнула, а Лена отложила выяснение, что это было, до другого раза. Сохранились огромные бочки для хранения вина или масла. Пустые полки, крючья, на которые так и просились колбасы с окороками (примерно в таком погребе должен был пировать Атос). Бабушка считала, что он был та ещё редиска: «Не поговорив, так сразу бабу и повесил». Вместо любимого мушкетёра у бочки стоял бородач, в одной рубашке, но такой же надутый. На этот раз глюк вышел анимированным: мужчина важно отпил из бутылки, заткнул пробкой, поставил на полку и прошествовал наверх. Бутылки на полке не оказалось, что доказывало существование вещей-привидений. Если они нуждались в доказательствах.

В столовой Лена расхрабрилась настолько, что присела в кожаное кресло (хорошо, на подлокотник кресла). Группа привидений больше не удивляла — ко всему привыкаешь. Удивляло собственное нежелание отсюда уходить. Нюся лизнула её мысли — Лена прямо-таки ощутила острый язычок под своей черепной коробкой.

— Мам, давай тут жить всегда?

— Нетушки, дорогуша, мы не привидения.

— Ты не будешь их видеть, — умильно продолжила Нюся. — Ты не видишь, когда у тебя глазки открыты.

— Тогда я и дом этот твой не увижу.

— Нет, мам, мы приедем сюда на поезде. Или на трамвае, — произнесла Нюся, большая девочка. — И ты привидений не увидишь, и домового тоже, как дома.

— Та-а-а-к... — протянула Лена.

— Маленький и совсем не вредный.

— А ещё кто тут водится? Выкладывай.

— Никто, — потупилась Нюся, правдивая девочка.

Лена молчала, рассчитывая на продолжение.

— Ну... ну я не знаю, кто. Но только в саду и не кусаются.

Вот чего до ребёнка докопалась? Можно подумать, правда переезжать собралась. Ага, вещички упаковала и вперёд, с песней на поиски домика мечты с привидениями.

— А что тебе, собственно, мешает? — спросил Иннокентий.

— Папа? — озираясь, Лена вскочила.

— У вас в подъезде такой... своеобразный запах. Наверно, из-за крыс и лифта в мусоропроводе. Вид, правда, красивый, но здесь гораздо более умиротворяющий, на мой взгляд. К работе ты не привязана. Мне кажется, и тебе, и Нюсе море пошло бы на пользу.

— Папа?!

Стены рушились, зелёные линии расчертили потолок, поток открылся под осыпавшимся полом.

— Папа!

— Лен, да чего ты так орёшь?!

Рома тряс за плечи. Над широкими трусами синхронно трясся Ромин живот.

— Хватит, — Лена встряхнула головой. — Где Нюся?

— Где-где, спит. Лен, тебе кошмар приснился или опять началось?

Из детской слышались всхлипывания, а под боком — очень низкий и весьма конкретный рык.

— Фанта, фу! Ром, ты в другой раз осторожней подходи, охранный рефлекс у ротвейлеров никто не отменял.

— Ну да, слышала бы ты свои вопли!

Лена прошлёпала в детскую, одна нога в тапке, другая — босиком. Нюся плакала во сне. Не обращая внимания на маячившего в дверях Рому, Лена с ней противнейшим образом посюсюкала, почесала пузечко, точно Фанте, и ребёнок затих, примерно сложив ручки на одеяле, но физиономия всё равно осталась слегка обиженной. «Небось, Ване на меня жалуется, — вздохнула Лена. — Такой прогулки я бы ей устроить не смогла, я только всё портить могу. Откуда бы там взяться папе, вот что скверно. Если это был папа. «Извини, пап, я звоню тебе в четыре утра, потому что у меня случился очередной глюк».

— Может, расскажешь, что случилось? — напомнил о себе Рома.

— Утром. Давай доспим.

Рома смотрел кисло и недоверчиво.

— А это точно не оно? Ну, ты меня понимаешь.

— Расслабься.

* * *

— Знаешь, что меня в тебе больше всего прикалывает? — не дожидаясь ответа, Ромин

голос взвинулся вверх. — Каждый твой песец страдает ожирением, несовместимым с жизнью, но ты мало того, что находишь всё более откормленные экземпляры, так ещё и других за собой утягиваешь.

От такой наглости у Лены перехватило дыхание.

— Чего?! Это ж ты мази обожрался, с тебя всё пошло!

— Да, я её съел, и мне было вкусно, убей меня за это, — простыня сложилась на пол вместе с Ромиными волосами. Рома провёл рукой по голове. — Там ничего не осталось! — простонал он.

— Нормально осталось, — уверенно соврала Лена, отведя, тем не менее, глаза. — Это, знаешь ли, первый Нюсин опыт с ножницами, раньше ей не удавалось до них добраться, и сегодня бы не удалось, положи ты их вчера на место.

Нюся подглядывала из-за двери, тихая и скромная, как выкушавшая краденого сыра Фанта. Проснувшийся первым ребёнок усовершенствовал дяде Роме причёску. Результат получился настолько эксклюзивным, что пришлось вгонять его в общепринятые рамки при помощи машинки.

— Я похож на тифозного колобка! — доносилось из ванной.

Посмеиваясь, Лена сметала в совок бывшие Ромины кудри.

— Это не из-за стрижки, а жрать надо меньше.

Не зубы, отрастут, так даже лучше человеку, редко обременяющего себя мытьём головы. С другой стороны, переживания отвлекли Рому от настоящей проблемы. При мысли о том, как он мог бы распсиховаться, у Лены ныли зубы.

Лицо оторвавшегося от зеркала Ромы являло покорность судьбе.

— Сойдёт и так, — с нарочитым равнодушием произнёс он. — Персонал дурки толерантен к внешности пациентов, а в крематории тем более всем по барабану. Уважаемый Ван Юн не уточнил, сколько нам осталось и в какой последовательности?

Лена сглотнула: «Сейчас начнёт ныть».

— Пива хочешь? — быстро спросила она.

— Нет! — взвизгнул Рома. — В нашем состоянии нельзя употреблять вещества, влияющие на сознание! Иннокентий Германович предупредил.

— В каком это «нашем состоянии»?

— Повторить, что ты мне полтора часа объясняла, превращая в лысого ёжика? Пожалуйста, мне вовсе не трудно. Мы с тобой и Иннокентий Германович одержимы хаттифнаттами. Закрыв глаза, в любой момент рискуем сделаться трахающими лампочки приколитами, вроде твоей Галки, и оставшуюся часть жизни играть в жмурки с телепузиками под кроватью, как Нюська. Это состояние или уже диагноз? — Рома замолчал: трудно говорить, когда видишь такое выражение на лице собеседника, однако раздражение пересилило страх перед добровольным убийством себя об стену. — Ах да, в качестве счастливого финала хаттифнатты съедят наши мозги, мы все умрём, бис и ура!

— Придурок, — беззлобно фыркнула Лена.

— As you say, ma'am. Я что-то перепутал?

— Почти всё. Повторяю: Ван Юн не знает, что с нами будет, но одержимость нам точно не грозит. Приятно, да? А лично тебе, по-моему, не грозит вообще ничего. Ты эти вторые веки не закрывал, с волком я разобралась, так что живи и не кашляй, меньше думай на эту тему.

— А ты?

— Мне пока всё нравится, — ответила Лена бодро. — По крайней мере, буду в курсе, чем занимается мой ребёнок. Дай-ка я ещё разок папе наберу...

Рома с возрастающим огорчением ощупал голову.

— Вот о ком можешь не беспокоиться, — буркнул он. — Если у Иннокентия Германовича получился трюк с веками, в реале он будет появляться только для того, чтобы диктовать научные труды. Спорю на сто баксов, телефон он просто отключил, не до тебя ему сейчас при такой плотной практике. Скоро станет светилом и скупит содержимое автосалона в Абу-Даби. Будет справедливо, если он поделится с нами Нобелевкой. Хорошие бабки! Пожалуй, немного пива мне не повредит.

Лена признала, что Рома, пожалуй, прав.

— Лидка меня убьёт, если не хватит человека для расстановки, — вдруг вспомнила она.

Рома погрузился.

— Не представляешь, до чего мне неохота туда тащиться! Совершенно уверен, что выйдет лютая фигня. У вас прямо генетическая предрасположенность!

— Не без того, — уныло согласилась Лена и поставила на плиту кастрюлю с супом. — Давай обедать, Татьяну Викторовну дождёмся и поедем. Димка обещал нас подбросить. Нюсь, кончай дуться, иди руки мыть!

— Я, конечно, знал, что Нюся — выдающаяся детка, но не догадывался, до какой степени, — заметил Рома. — Я не имею в виду ничего плохого, наоборот — когда читаешь и смотришь...

— Фигню всякую, — вставила Лена.

— А хоть бы и так. Начинаешь испытывать некоторое разочарование, что интересное происходит не с тобой и там, куда тебе попасть не светит.

— Угу, в нечистых головах производителей аниме.

— Неважно! А Нюська — она ведь живой гибрид человека с иным разумом! Это внушает надежду, что возможно что-то ещё кроме... Кроме вот этого всего! — бросив пренебрежительный взгляд на стол, Рома молниеносно намазал маслом полбатона, швырнул сверху солидный кусок колбасы и брезгливо съел.

— Непознанного захотелось? — вздёрнула бровь Лена. — Нас с Лидкой и волка тебе мало?

— Извини, но вы больше подходите под категорию «геморрой».

— Так бы сразу и сказал. Нюсь, расскажи дяде Роме, как открывать вторые глазки.

Ребёнок расцвёл.

— Дядя Рома, ты больше не сердись? Я тебя сейчас научу...

«Всё-таки удивительно, как он иногда шустро двигается», — усмехнулась Лена. Полчаса спустя она позвала:

— Ром, вылезай из-под шкафа, обед стынет. Не будем мы тебя учить.

— Я не под шкафом, а на балконе, — приглушённо ответили из недр квартиры, — просто курю.

— Мам, почему дядя Рома убежал? — недоумевала Нюся.

— Ты обещала, что он придет, — Лида рубила слова, точно кубики льда.

Лена с невинным и озабоченным видом дёрнула плечом.

— Весь день ему звонила. С папой бывает.

— Надолго он обычно опаздывает?

— Папа не опаздывает, у него пунктик насчёт точности. Но спокойно может пропасть на несколько лет.

В дверь просунулась рыжеватая головка помощницы.

— Лидия Валентиновна, предложить гостям ещё чаю?

— Дальше ждать не имеет смысла, скажи, что мы начинаем. Лена, подожди минуточку.

Очень важно, чтобы ты сосредоточилась на нашей ситуации. Не имеет значения, как ты её для себя сформулируешь, лишь бы в постановке присутствовала Анна.

На обложенных яркими восточными подушками диванчиках томились участники мероприятия. Рома рвал сигаретную пачку. Разругавшиеся по дороге в пух Димка с Настей пялились один в занавешенное окно, другая — в толстую унылого вида книгу. Лидины помощницы унесли чашки и сразу вернулись. За ними явился восточной человек с ненавязчивой, но убедительной мускулатурой.

— Я закрыл офис, Лидия Валентиновна, — сообщил он.

— Спасибо, Адиль.

Лена топталась в дверях, от взглядов окружающих у неё зудела кожа. Вместо сосредоточения на какой бы то ни было ситуации по голове гулял стишок:

*«Жила была бабка на берегу речки,
Захотелось бабке искупаться в речке.
Купила бабка себе мочало,
Эта песня хороша, начинай сначала».*

— Что же ты стоишь, Лена? — Лида указала кресло напротив себя. — Присаживайся!

По-крабьи, боком Лена воспользовалась приглашением. Сестра ободряюще ей улыбнулась.

— Пожалуйста, выбери на столе любую картинку и опиши. Единственная просьба: нас меньше, чем обычно требуется для расстановки, поэтому постарайся уложиться в несколько слов.

Лена схватила первую подвернувшуюся бумажку.

— Откуда творчество? — фыркнул Рома, заглянув ей через плечо. — Лида, ты ведёшь кружок некромантии для самых маленьких или в дурдомах мастер-классы проводишь?

— Пожалуйста, вернись на место, — мягко попросила Лида.

Кинув на картинку трусливый взгляд, Лена узнала один из арканов Таро в любительском исполнении. Во избежание разночтений художник завершил рисунок волнистым полотенцем с подписью «Луна». Означенное светило смахивало на взрыв галактики. Зайцы с некупированными хвостами изображали волка и собаку. В лужице на переднем плане варился успевший покраснеть рак, а на заднем маячили два кариозных зуба

— башни, так сказать.

«Жила была бабка на берегу речки...»

В своё время Лену чуть не перевели в коррекционную школу из-за систематических отказов отвечать на уроках. Негуманно запрещать детям материться — у них больше поводов, чем у взрослых. Лена это всегда понимала, заранее преподав Нюсе несколько уроков. *А они смотрели.* Лена прочистила горло:

— \$%*^*!

— Будем считать это вступлением, — предложила Лида.

— Собака и волк воют на Луну, вот! Ну, теперь выбрать этих... заместителей?

Улыбка Лиды съёжилась в тревожную гримасу.

— Будь добра.

Лена подошла к Насте.

— Ты — Луна.

«Кругломордая и плаксивая, как на картинке», — прокомментировала она про себя свой выбор.

Как бы подтвердив правильность выбора, Настя хлюпнула носом и покосилась на Димку горько.

— Надо сказать: «Настя, ты — Луна», — поправила Лида.

— Угу. Насть, ты — Луна.

Собака — это Димка, без вопросов. С Ромки волков хватит, жаль, что Лидка вне игры. Охранник почему-то не годился, хотя Лена была уверена, что волк мужского пола. Тёмненькая помощница? Совсем мелкая девчущка, худенькая, глаза янтарные, как у кота... Нет. Вторая девушка, рыжая, больше походила на лису, ну да ладно.

— Ты — волк.

— «Света, ты — волк», — снова поправила Лида.

— Хорошо-хорошо, Свет, ну, ты меня поняла. Ах да, Дим, а ты — собака.

Дима показал ей из-под стула безымянный палец правой руки.

Последовавшие за тем полчаса Лена постаралась прочно и безуспешно забыть: расставленные хороводом персонажи зажили настолько личной жизнью, что ей сразу сделалось неловко. Настя легла на пол, Света присела рядом, глядя её руки и утирая слёзы (впрочем, ревели обе). Едва Лида побеспокоила их расспросами насчёт ощущений, чувства хлынули из девиц, как понос из ноздрей нищего, производившего дефекацию на кладбище и застуканного жильцом могилы. Речь шла, главным образом, о любви. Димка также улёгся на пол — багровый, веки подозрительно дёргались. Девушки внимания на него не обращали, развернулись спинами. На осторожные Лидкины расспросы Дима реагировал невнятно: борьба со слёзными железами сказывалась на дикции. Лена не знала, куда деваться. Её жизнь изобиловала позорными моментами, но по части любовей она за себя ручалась: кроме бабушки и собак ни-ни. Папа разве что, но он вполне жив, если это важно для расстановки. И вообще, папа бы себя до такого не допустил. Любовь не пользовалась популярностью в Ленином семействе. Как пить дать, в бедолаг просочились посторонние мелодраматические духи.

— Анны нет, — шепнула Лида Лене, и, вслух: — Расстановка неполная, пожалуйста.

опиши карту подробней.

— Ну, там ещё две башни и в речке рак. Упс! Одного заместителя не хватает. Либо забиваем, либо ловим прохожих в подворотне. Какое слово выкинуть?

Лида встала.

— Я тоже участвую.

— Тебе видней, — кивнула Лена. — А ты уверена, что нас тут песцом не накроет?

Рома заёрзал. Чернявая пигалица попыталась что-то сказать, но заткнулась под взглядом начальницы. Лампа бросала блики на череп Адила.

— Выбирай! — искры вспыхнули в серьгах Лиды и пропали.

Лена обратилась к чернявой:

— Тебя как зовут?

— Вика.

— Вот и славненько, Вика, ты — первая башня («маломерная»). Адиль — ты вторая башня («в этом хоть какой-то смысл есть»). Рома, ты — вода. Лиды, ты — рак («прицепишься — не отцепишься»).

Расставить новых участников Лена не успела.

— У, дурища! — пропела Вика голосом, в котором кончились зубы.

Лида выскочила вон, хлопнув дверью. На этом представление кончилось. Заместители растерянно переглядывались, троем первым возвращение к реальности давалось с немалым трудом. Лена отправилась на поиски сестры. Офис закрыт, значит — кабинет. Заперто.

— Идиотка! — сдавленно прошипела Лида из-за двери. — Скажи, что я не рак!

— А я всё гадал, кто у нас волком будет, — раздался сзади глумливый Ромин голос. — Лен, как думаешь, что случится, если мы выломаем эту дверь и войдём? Лида прыгнет от нас в окошко? Всё равно этаж первый...

— Отвали! — шикнула на него Лена. — Лид, ты не рак. Выйди уже наконец.

Прибежали помощницы. Света всхлипывала, Вика опасно посматривала в зеркало.

Замок щёлкнул. На Лену с новой силой навалился Дракула Брема Стокера: кровавые струйки под носом, аппетитные пятна в вырезе платья, макияж Лиды эффектно дополняли слипшиеся от крови ресницы.

— Э... — выразилась Лена. — Тебе легче?

* * *

Кое-как умытая встрёпанная Лида сидела в кресле. Вокруг суетился Рома, пытаясь соорудить вокруг неё нечто вроде кокона при помощи белой шёлковой верёвочки.

— Напрасно возимся, — бурчал он, — одержимые обладают силой нескольких десятков человек, тут цепь надо или две.

Верёвочка из сушилки для белья (прикупленная Викой себе в ванную) доверия и правда не внушала. Ещё меньше внушал его бантик, которым Рома увенчал труды.

— Нашёл время издеваться! — зло бросила ему Лена.

— Слушайте, я нормальный лузер, а не склонный к бандажу и дисциплине террорист. Не умею я вязать заложников!

— Уйди.

— Этому клоуну ничего нельзя доверить, — поморщилась Лида.

— Конечно-конечно, — радостно отозвался Рома. — Лид, просто признайся, где прячешь наручники, и мы сделаем всё, как полагается. У девочек вроде тебя может и дыба завалиться — для особых случаев. Хотя я бы предпочёл клетку. В смысле в данной ситуации. Лид, у тебя нет складной клетки? Честное слово, папе не скажу.

На Лидином лице застыло доброжелательное выражение цирковой кошки, бегущей по канату кверху задом.

— Если в твоём черепе когда-нибудь имелось образование в форме мозга, то за ненадобностью оно давно превратилось в творог.

Рома улыбнулся ещё шире.

— Не надо стесняться внутренних потребностей, ты же психолог. А ещё есть специальные скамьи для фиксации. Ведь ты не собираешься сорваться с привязи и всех нас перекусать? Ни фига себе! Тётя Лена, ты где научилась таким узлам? В магазине тренинги проводят? Повышаете качество обслуживания?

— Ром, за... — Лена осеклась. — В общем, хватит фигню пороть.

Испуганно на неё покосившись, Рома притих, но его настроение оказалось заразным.

— Что теперь? — спросила Лена, разминая пальцы. — Начертать мелом круг и зажечь три чёрные свечи из жира чёрного кота?

— Включи телевизор, — Лида мотнула головой в сторону стеллажа.

Под восточной тканью скрывался немаленький и очень плоский экран. Рома мерзко присвистнул.

— Мы собираемся баловаться торсионными лучами? — пугливый взгляд в сторону Лены. — Что же ты такое смотришь, Лида? Чего-нибудь ужасно гадкое. И ты нам это сейчас покажешь? Правда-правда?

— Ещё слово, и я заткну тебе пасть носками, — обещала Лена. — Твоими собственными. Ты их когда менял?

Лида слабо улыбнулась.

— Намного гуманней сунуть ему голову в пакет и проскотчевать. Пожалуйста, не выключай ящик, пока не выудишь из Анны всё, что она знает о твари.

Похоже, в телевизоре не хватало антенны. По экрану бежала рябь, ни одного работающего канала. Лена обернулась к сестре.

— По-моему, он сломан или к антенне не подключён... Лид?!

Лида провисла на верёвках, волосы закрывали лицо, что, вероятно, было к лучшему. Кровь капала на колени нерешительно, точно из крана, не успевшего вполне освоить искусство протекания.

— Мысль с кругом была неплоха, — пробормотал Рома, отодвигаясь от кресла.

— Анна? — позвала Лена.

— В подполе он, в сенцах, — сообщил знакомый беззубый голос.

Лена присела на корточки, вслушиваясь в слова, долетавшие, судя по качеству звука, из того самого подполья.

— Кто? — шепнула она.

— Да кто? Серый. Я схоронила. Изба погорела, клетки тож, а банька цела. Там серый. Забери, не то будет жрать кто нашего семейства, пока всех не переведёт.

— Ан... бабушка Анна, какая банька! Восемьдесят лет прошло, на месте деревни поле. Предлагаешь перекопать в поисках костных останков?

— Чегой-то копать? Не понимаю я тебя.

— Ну, дохлого волка. В поле откопать.

— Бригаду с экскаватором папа обеспечит, — встрял Рома. — Если скелет сохранился, откопают.

— Тебя не спросили, толстомясый. Шкилет ему дай! Сума там запрятана. Дед папе делал, чтоб пасти. Папаша в тех делах не смыслили, а наши-то мужики все были пастухи, ну, и делали себе. Звали серого послужить. Зубы, когти, куски шкуры и ещё что, не знаю, ложили в суму, наговаривали, да в подпол. Серый пастуху помощник наилучший: пастух на печи полёживает, серый за скотиной глядит; в лесу-в поле рыщет, хозяину доказывает, сильный сторож, не даровой, но и гроши не тянет. А дядька Макар трусоват, свёл у барина аглицкого кобеля и себе сделал. Хорошо пас, но люди смеялись.

Анна хихикнула, точно бумагой прошелестела.

— Неужели никого не напрягало, что волки вас типа едят? — воскликнула Лена. — Пастухам настолько хорошо платили?

— Мы в достатке жили, нас звали: не бывало, чтоб у Лукашенных пропажа, — степенно ответила Анна. — «Едят», эго выдумала! Жив был пастух, серого собой кормил, вот как духов, ну да ты поболее мого знаешь, что ж с того? А помирал, серого отпускали. Дядя Анисим в бане угорел, дед егоиную суму на костре спалил, пепел в реку покидал. Я деду хворост носила, токо не расслышала, какие он слова говорил. То мужское колдовство, девки его не перенимали. Как папаша с дедом разругамшись, ушли папаша из деревни. Меня мать била сильно. Думаю: «Чего мне тут?». И ушла с папашей. Папашину суму у деда стянула, без неё папаше пасти было б не способно. После папаша надо бы мне серого отпустить, да я забоялась. Без наговору забоялась отпускать. Замуж пошла, в клетки в новой избе суму схоронила. Невестка такая попалась любопытница, я в баньку перепрятала. Крепкая сума, ещё стока пролежит.

От возмущения Лена не сразу нашла, что сказать.

— У тебя муж молодой умер, из двенадцати детей выжил только сын, и то на войне погиб, а из пяти внуков осталась одна Татьяна. У которой мужа убили через месяц после свадьбы! И ты всё это время боялась сжечь грёбаную сумку?!

Лида встряхнулась сломанной марионеткой.

— Нельзя без наговору, грех!

— Ясно, — кивнула Лена. — А кормить тварь своей семьёй нормально. Что же ты его собой не кормила?

— Нашла чем попрекнуть! Ты-то — меня! Не шёл ко мне серый. Что ж, настоящего вреда с него не было. Серый, он навроде фелшера: навещал, кому равно конец, малую долю себе урывал. Что ж, коли война али мор, али кто с крыши упавший, как мой Сергуня. Детки же мёрли, так то дело обнакновенное, у кого других ни один до свадьбы не дожил. А Тане я наперёд сказывала: «Не жилец твой Мишка, судьба ему положена коротенька». Да припёрло ей, вишь, замуж: в город разохотилась, сапожки там носить. Только скоренько воротилась, Наталку в подоле принесла.

Лена придвинулась ближе, ощутив прерывистое Лидино дыхание на своём лице.

— А ты? Он тебя... ну... я видела, в общем.

— Я девятый десяток разменяла, я пожила. Спину погнуло, ночью кости так-то ломило, хоть криком кричи. Председателишка, дурной, стал своей тыкалкой махать: «Лечи Ванятку! Заявлю! По этапу пойдёте за вашу контра про попа...» Тьфу, не выговоришь поганого слова. С него б сталося, с окаянного. Танька хвораая была, Наталка — малая. А знахарей у нас в

семействе не водилось, не по той мы части. Вот было колдовство, трудное, я дважды делала: губернаторше да Тане. За губернаторшу хорошо меня подарили. Крюков Никишка тогда пришёл, всё одно от водки б околел, беспутный. За Таню Верка Немоляевская явилась. У Немоляевых без неё десять девок, невелика печаль. Невестка с внучонками от испанки сгорели, но Таню я отстояла. Ей от меня перешло в нужное время. Я так знала, третий раз мне последний будет. И вышло: стою я это со свечкой, глядь, Наталка ко мне через поле идёт, ручонки тянет: «Бабаня, бабаня!». Я свечу бросила, Наталку на чём свет изругала. Она реветь, и нет её, а свечка горит на снегу, не гаснет. Я, чего ж, перекрестилась да приняла свечку-то. Знала, на какое дело иду.

В позе Лиды появилось что-то неприятное. Кровь образовала на коленях лужицу, стекала по ногам.

— Дай сестре руку! — приказала Анна на удивление громко.

— По моим подсчётам, ей уже минут пятнадцать полагается биться в припадке, — беспокойно заметил Рома.

— Бабушка Анна, спасибо, уходи, мы сами разберёмся! — быстро сказала Лена.

— Руку, руку ей дай!

Инопланетный погреб припечатали крышкой, Лена с трудом расслышала последние слова. Она коснулась пальцев сестры — ледяных и липко-влажных.

— Крепче... — это был голос Лиды, хоть и наводивший на мысль о трёх пачках «Беломора» в день.

Лена сжала безжизненную ладонь. Озноб пополз от руки, заполняя тело. К горлу подступила тошнота.

— Она хитра, Лидка-то, слабенька, да хитра, — вполне бодро скрипела Анна. — Пилюлек от падучей наглotalась. Досадовала я на Иду, зачем дар поделила, от меня половину отрезала, ан куда вам, малахольным. Васька Лидкина справится, нет ли, но навряд. Не передавай ей! Последняя она девка в роду, уйдёт, и я с ней, а я не хочу. Не передавай!

— Разве это не само получится? — растерялась Лена. — Если у Лиды не нарисуются ещё детей... девочек... Про Нюсю даже не думай!

— Чего бы лучше: крепенькая, здоровая, — умильно прошамкала Анна. — Жаль, не перейдёт дар — чужая кровь.

— Вот и ладненько. Но знаешь, не могу обещать, что дождусь внучатых племянниц, — Лене стало по-настоящему нехорошо, пора было заканчивать. Она собралась с силами. — Так суму что, сжечь, и пепел в реку? Ну, если отроем.

— Снова-здорово! Ямы рыть ума не надо. К косорылому своему ступай, пусть научит достать суму. Через неё серого приманишь. Он при тебе состоять должен, тогда разбой прекратит.

— Обалденная идея, — взвилась Лена. — Ни за что!

— Дурища! Ты вред начала — ты ему конец положи.

— Это какой это вред я начала?

— Свезло тебе, тетёхе, уж свезло. Прикипел к тебе серый, весь был в твоей воле. Нельзя ему без пастуха, пастух его водит, без пастуха серый — что кутёнок слепой. Так делают. Кабы мне! Я б попользовалась. А ты... ай-ай... Ты должна была собой кормить, коли случилось, а ты бегать, других ему через себя показала, натравила, разлакомила, а после прогнала. Видит он теперь пищу. Не заберёшь, нет с ним сладу.

— Да провались оно всё!

— Чего ерепенишься? Сама сгинешь без серого, как твой отец.

— Что с папой? — пролепетала Лена сквозь дурноту.

— С тобой то ж будет без серого, — ответила Анна холодно. — К косорылому ступай.

Достань суму. У-у-у-х, бесстыжие твои глаза! Бабку с тёткой серому скормила! Бывало у нас. Дед своего серого на Урюпина Макара пустил. Повздорили они, дед нравный был, и пустил. Но чтоб родне такое делать...

Лена отдернула руку, будто сидевшая перед ней Лида рассыпалась на миллион червяков и принялась расползаться по углам. Холод отпустил сердце. Шатаясь, Лена добрела до телевизора и выдернула адскую машину из розетки. Лида вздохнула, расслабилась, откинулась на спинку кресла.

— Звони в скорую, — велела Лена Роме. — Мне пора, пока.

* * *

— У нас снег падает один день, под Новый Год. Как-то раз, я маленький был, брат кричит: «Снег!» Мы выбежали — нет снега. По телевизору объявили, что будет. Брат опять: «Снег!» Опять нет. Уже часы должны бить, и тут брат: «Снег идёт!» А мы не поверили и не хотели идти. Глядим — снег, соседи на улице, так на улице и праздновали всей деревней, а не в домах. Приехал в Москву — снег как на открытках, красиво. Каждый год шесть месяцев снег, холод, слякоть...

Воровато потупившись, таксист сунул что-то в рот и принялся жевать.

— Ага, — согласился женский голос, — вместо того чтобы жить у моря, в тепле, люди едут сюда, где большую часть года на улицу не высунуться. Глупость какая.

— Совсем работы нет! — проныл таксист. — Нет работы у нас.

— А тут нет ничего, кроме работы, — хмыкнула женщина.

Лена оглянулась — на заднем сидении пусто. В сумрачном состоянии, в котором она пребывала, данный факт её не обескуражил.

«Это я могла бы жить в тепле, — думала Лена. — У моря. То есть мы с Фантой и Нюсей. Купались бы, когда хотели. Научились бы нырять, если купить герметичные очки... ну, или с чем там ныряют. Никаких пуховиков, двойных штанов на подкладке, прорезиненных говнодавов! У нас больше не было бы соплей. Или чтоб кашель с осени по весну, гадость! Фанта перестала бы травиться помоями в парке, а я — бояться, что её отравит какой-нибудь урод. Лесом детские площадки. И мамаш. И собачников. В задницу метро, пускай передавят друг друга насмерть. А главное, я никогда, ни за что не стала бы работать! В магазины даже за покупками бы не ходила — только на рынок и не чаще раза в неделю».

Между тем таксист продолжал говорить неведомо с кем.

— У тебя муж есть? — спрашивал он.

— Нет, — в голосе женщины лязгнул замок.

— А детки?

— Угу.

— Сын?

— Дочь.

— Одна дочка! Как хорошо! — таксист хлопнула по рулю обеими ладонями. — У меня

шесть дочек. Старшую замуж выдал — машину продал, других двух выдал — дом продал. Всё продал, сюда уехал: ещё три дочки замуж надо.

Подумаешь, Страшная Бабка разговаривает с девятью внутренними голосами одновременно (то есть орёт), и это слышит весь дом. В том числе то, что голоса ей отвечают. Будь у Лены шесть дочек, она бы тоже за себя не ручалась... Да, для поездок понадобится маленькая машинка. Джип. Большой. Широкий. Чтобы влезло несколько собак. Мастифа, что ли, завести? Можно ещё одного ротвейлера в пару к Фанте. И мастифа. И, может быть, кота. Только не бессмысленный меховой шар с мордой кирпичом, а мощную зверюгу с наглой мордахой и в тигровых кольцах. Пить кофе, глядя на волны. Научиться печь лепёшки в печи. Не тащить с собой вещей, даже фотографий... сжечь их. Всё сжечь. Уехать с пустыми руками: в левой — поводок, в правой — Нюся. Закопалась в чужом старье! Сто лет назад расчленённые волки на тебя охотятся, духи предков твою кровь пьют. Ничего удивительного: у тебя в бабушкином комодe платье, в котором прабабушка Татьяна замуж шла. Хорошо, если не трусы. Нет, трусов тогда не носили. Бабушка рассказывала, ещё при ней на гулянке девки уходили к завалинке, расставляли ноги и стоя писали. Удобно, за юбками не видно.

— Ты куда едешь одна так поздно? — таксист открыл окно и смачно сплюнул.

— К папе.

— Заболел папа? — посочувствовал таксист.

— Трубку не берёт.

Лена с возрастающим интересом следила за разговором.

— Родителей надо беречь, — плевков в окно. — А мама с папой не живёт? Умерла мама?

— А что это вы всё плюётесь? — окрысилась Лена. — У вас слюнонедержание?

— Очень тяжёлая работа, — смешался таксист. — Приехали, какой дом?

«Ну вот! — грустила Лена, прыгая через лужи к будке охранника. — Полчаса с мужиком трепалась и не замечала, размечталась — домик у моря, джип широкий! А у самой раздвоение личности начинается».

Неужели мечтала?! Такого с Леной не случилось. Даже в детстве. Жизнь тащила на верёвке, точно упирающуюся собаку, непонятно, куда и зачем. Собака упирается не потому, что у неё собственные планы, а потому, что паршиво, когда тащат на верёвке. Испарись верёвка, подохла бы собака на месте, не зная, что предпринять. Или бы не подохла. Трудно сказать: верёвка всегда сжимала шею.

— Не отвечают, — повторил охранник. — Не могу я вас пустить на территорию, раз никого нет.

Мозг сжался, привычно готовый *приказать*, но Лена передумала. Ну, войдёт она, и? Дверь ломать? Эти... духи... любую фигню могут сморозить по самым разным причинам (в точности как люди). Анна и при жизни слыла вздорной бабой, а папа объявится, как всегда — рано или поздно. Дура, сорвалась, жаль денег на такси, ещё обратно ехать.

«Хорошо не жили, не стоит и начинать», — любил повторять дед. Бабушка говорила, что от мечтаний ум за разум заходит. Удовольствия надо заслужить, употреблять тишком по чайной ложечке и готовиться к худшему. «Не всё коту масленица», «По Сеньке шапка», «Не до жиру, быть бы живу», «Без труда не выловишь рыбку из пруда», — последняя поговорка вызывала в Лене наибольшее уныние. Бабушка смеялась: «Ида после школы чего удумала: на курсы художников записалась, картинки малевать. Тоже работа, прости Господи, ладно б

маляром — маляры хорошо получают. Спасибо, дед прикрутил хвост дурынде нашей! В чертёжной теперь работает, деньги небольшие, ну так в тепле и работа немаркая, а денег всех не заработаешь».

Идея, что жизнь может быть приятной, обходила Лену стороной. Поменьше геморроя — максимум, на который уместно рассчитывать. Поступила в медучилище, так как медсестрой работала бабушкина подружка (медсёстры душевней и лучше во всём понимают, а врачи врут). «Кусок хлеба заработаешь». Мыла полы в ветклинике — рядом с домом. Готовилась в ветакадемию, решив, что с собаками проще, чем с людьми. Занялась дрессировкой — так получилось. То же самое с продажей шмоток. С Нюсей. Со всем остальным. Как бы то ни было, геморроя могло случиться куда больше, и с этим сложно спорить. Лена ещё легко отделалась. Она считала себя оптимисткой.

* * *

Умей очередной таксист читать мысли, ему не понадобилось бы слушать радио. Лена ненавидела себя: привычное занятие, которому способствовало случившееся с ней раздвоение, крепчавшее с каждой минутой.

— За одну ночь ничего не произойдёт, — отбивалась Лена первая. — Утром съезжу на рынок к Ване, расспрошу про сумку, потом в спокойной обстановке...

— Правильно, — истекала ядом новорожденная Лена, — ещё Эдика переводчиком позови, как в прошлый раз. Ваня сразу так разоткровенничается!

— Не полезу я снова в зелёную лужу! Я там рассосусь.

— Ваня тебя поймает. До сих пор у него получалось.

— Он что, сидит и меня перманентно караулит?

— Забери у Татьяны Викторовны Нюсю.

— ...которая увидит волка, разорётся, и я проснусь. Ещё истерику успокаивать.

— Истерика, ах, это ужасно! Тогда поступи как всегда: выгони Ромку и забей на всё, как-нибудь само рассосётся. Ты у нас сидишь на попе ровно, всё с тобой случается само. Правда, через то самое место, на котором сидишь, зато хвост от стула отрывать не надо. Только знаешь, было бы честней, если б ты просто *приказала* бабушке разбежаться головой об ванну. Типа «надоела ты мне, старая кошёлка, освободи жилплощадь».

— Я никогда не...

— Что ж ты ручку у Анны так резко вырвала? Все всегда всё про себя знают. Тётю волку скормила, и никаких колик с тобой по этому поводу не случилось. Только не говори, что тебе её вот прямо ужас как жалко!

— А я и не говорю. Мне хотелось, чтоб тёти Иды не стало... ну, в квартире. Но это не значит, что тётю угробила я. Даже если я, то я же не знала...

— Все всегда всё про себя знают, — жёстко повторила новая Лена.

— А я — нет! Вообще не факт, что с нами разговаривала именно Анна! Мало ли с какой нечистью Лидка возится, почему я должна верить...

— Ну да, ну да.

— Тётю сбил паршивый мусоровоз, точка! И заруби себе на носу: я секунды не хотела избавиться от бабушки, чуть с катушек не съехала, когда она...

— Съехала, съехала, чего другого, а это ты умеешь. Не пора ли назвать вещи своими

именами? Бабушка за всю жизнь ни разу не ходила в поликлинику, типичный долгожитель. Годиков через пятнадцать ты с ней окончательно превратилась бы в тётю Иду. Хотя тётя Ида ты и есть, вот за что ты её терпеть не могла. Да тебя мамаша родила только потому, что у старшей сестры не сложилось с самооплодотворением, — родила и с облегчением слиняла. Ты отличаешься от тёти только тем, что та не была зацикленной на собственных психозах злобной сукой, поэтому она оттрубила при бабушке сорок шесть лет, отдавала зарплату до копейки, её сбил мусоровоз, и похоронила бабушка со своими подружками. А ты белая да пушистая. Ни тебе бабушки, ни тёти, пустая квартирка, ура. Не понадобилось становиться редиской вроде мамаша, бросать родственников, пускаться во все тяжкие в поисках нормальной жизни — всё же само устроилось. Ты спитесь, и то сама не сумела: низкий гематозенцефальный барьер, дерматит, кариес. Вот ведь не уродилась!

Умей таксист читать мысли, он работал бы экстрасенсом на расстоянии, а не крутил баранку, так что в любом случае наслаждаться разборкой Лены между собой ему не светило. Удовольствовавшись деньгами, он оставил Лену тупо стоять возле дороги.

— От того, что я превращусь в компот, никто не выиграет, — говорила Лена первая. — Кроме меня. Это довольно приятно. И разом решит все проблемы. Мои.

— Тогда чего время тянуть? — подзуживала новая Лена. — Бегом в постельку.

— Фанта не гулянная.

— Вот-вот. А ты тут торчишь.

Пихаясь и переругиваясь, Лена ввалилась домой. На прогулке Фанта грызла палки и помойные кости — хозяйке было не до ротвейлерного пищеварения.

— Без меня Фанту ждёт приют, в лучшем случае. И фиг там станут возиться с её медициной! — выложила Лена первая свой главный козырь.

— Тебе ж сказали: Фанта последует за тобой куда угодно — это и значит быть собакой. Зелёный компот на все сто более приятная смерть, чем под капельницами от собачьей старости. Ты ведь этого боишься. Гладишь её и боишься, с каждым годом всё сильнее. Тебе придётся усыпить её своими руками. И смотреть, как она умирает. Затем тебя отправят в дурдом. Зелёный компот — находка для вас обеих.

Из прикушенной губы хлынула кровь, но ни одна из Лен этого не заметила.

— Рита задушила мать подушкой, — говорила первая Лена, — по пьяни призналась. Врачи со скорой всё поняли, но Ритку не заложили. Обезболивающие уже не помогали, даже если их удавалось достать. Бабушка была здоровей меня, но, если бы с ней что-то случилось... рано или поздно могло случиться...

— Ты бы задушила её подушкой, — равнодушно заметила новая Лена.

— Вроде того. Не смогла бы допустить, чтоб она мучилась. Потом себя.

— Тут волк тебе здорово посодействовал. Получила от бабушки, что могла, а саночки возить не надо. Твой принцип. Поехавшая крыша не идёт ни в какое сравнение с совместным проживанием в малогабаритной квартирке с больной старухой. Самое смешное, что и с волком ты поступила, как со всеми: попользовалась да послала. Как же мерзко быть тобой!

— Я — это ты!

— Нет. Ты ничего не делала, а я собираюсь сделать кое-что. Для начала навещу Ваню. Фанта, домой! — крикнула новая Лена.

— Нюся попадёт в детдом, — пискнула Лена прежняя.

— Американцы заберут. Да хоть алкаши, и то лучше, чем с тобой киснуть. У алкашей жизнь активная, весёлая: делают только то, что хотят, не напрягаются, ходят в гости, бьют

морды, мирятся, обнимаются, каждый день праздник. Так и умирают детьми, кто в тридцать, кто в пятьдесят. А ты? Единственное, чему ты можешь научить ребёнка — это как провафлить свою жизнь наиболее унылым образом.

— Какая ни на есть, это наша жизнь! Ради чего всё рушить? Ради Лидки и мамыши? Окажись мы с Нюсей на их месте, они б не расплескались, сказали бы, что «всегда ждали чего-то в таком роде».

— Твою «какую ни на есть» жизнь надо сломать! — заявила новая Лена. — Как же тебя перекобочило, когда Нюся предложила «жить в домике у моря»? Какое море! Надо в крысятнике между заводом и трассой, чтоб восемь месяцев в году морозец, сопли, работа за три копейки и ещё дерматит, да, да, дерматит обязательно.

— Домики на море мне объективно не светят. Торговля шмотками говно, дерматит — ещё большее говно, только по-другому зарабатывать я не умею, а ты гонишь телеги в Серёгином стиле.

— Серёга, между прочим, жил как ему нравилось, это тебя и бесило.

— Меня бесило, что он жил за мой счёт! Я ни у кого на шее не сидела и не собираюсь.

— Ой-ой-ой, прямо очередь выстроилась из желающих! Ты зарабатываешь, ну конечно, купила бы рюкзак, а то весь в дырах, барахло наружу сыплется.

— Рюкзак я куплю. Когда дойду до магазина.

— Второй год идёшь. Путь неблизкий, учитывая, что ты там работаешь. Ты ничего не хочешь по-настоящему, начинаешь дёргаться, только когда припрёт, а припирает тебя всякая гадость, из которой ты умудряешься сделать ещё худшую.

— Нет, это Лида про Ромку говорила.

— Тебе больше подходит.

* * *

— Насть? — робкий шёпот в темноте.

— Что?

— Выйдешь за меня?

Настя мурлыкнула в ответ неразборчиво.

— Ответь, мне важно.

— У-м...

— Завтра идём в ЗАГС.

— Идём.

— Привезём твои манатки из общаги и пойдём.

Пушистый мячик счастья щекотал Настю, гоня сон, которого требовали основательно потрёпанное тело и нервы. Тебя тащат на сборище секты (может быть, даже тоталитарной), всю дорогу кроют последними словами, что выглядишь, будто только из села; потом ты на глазах у сектантов рыдаешь от любви к незнакомой девушке, а у той ноги кривые, с такими носить мини — уродство. Под конец тебя волокут во двор и... На двадцать пятом году жизни Настя открыла секс. Она не считала себя фригидной, просто немногочисленные предыдущие сеансы, в том числе с Димочкой, не шли ни в какое сравнение с...

Первый раз случился слишком молниеносно, а, когда способность понимать вернулась к Насте, начинался второй раз (уже в машине, а не во дворе за гаражами). На кухонном столе

во время третьего раза Настя умерла бы со стыда, но было не до того. Татьяна Викторовна ведь мечтает, чтобы у них с Димочкой уладилось — вот, кажется, и уладилось, тьфу, тьфу, тьфу. При воспоминании о последнем, четвёртом, разе Настины губы расползлись в улыбке, она тесней прижалась к безволосой Димочкиной груди, горячей, точно брюшко кота, и мускулисто-упругой от его спортивных упражнений. Настя провела рукой по Димочкиному животу, с удовольствием ощупав «кубики».

— Дим, а Дим? Что это было?

— А ты не догадываешься? — самодовольно пробормотал Дима.

— Какой ты...

— Тебе не понравилось?

— Спрашиваешь! Подожди, Димочка, я про куда ты меня возил. У Лены полно комплексов, сразу заметно, но какая странная у её сестры групповая терапия!

— Нормальная.

— Ты уверен, что эта Лида — психолог?

— Я к ней лечиться не собираюсь.

— И правильно. Пока я там лежала, мне всё казалось, что я умерла. Не я, а какая-то женщина. Старая. А та Света была как бы моей внучкой. Не моей, конечно, старушки, которая умерла. И мне было её так жалко, так жалко, я так за неё беспокоилась, и я так не хотела от неё уходить...

Настя расплакалась, до дрожи захваченная воспоминаниями.

Дима приподнялся на локте.

— А ко мне что ты чувствовала? — спросил он с укором. — Ко мне, я рядом лежал, а ты даже отвернулась.

— Не помню. Правда, Димочка, это так необычно — почувствовать себя мёртвой бабушкой!

Некоторое время Дима молчал. Настя проклинала свой длинный язык: «Неужели снова всё испортила?»

— Успеешь ещё привыкнуть, куда денешься, — фыркнул Дима.

— Тебе смешно, а у меня тогда чуть голова не лопнула. Подожди, вспомнила! Ты был как бы моя дочка, только я тебя чуточку побаивалась. И мне кажется, ты тоже был мёртвенький, да?

Дима притянул Настю к себе.

— Сейчас не боишься?

Поцелуй. И ещё.

— Ты моя, — говорил Дима. — Моя и ничья больше. Только моя. Навсегда. Скажи!

— Твоя. Навсегда.

— Тебе всегда было не до меня. У тебя вечно были другие...

Ошеломлённая Настя не знала, что сказать. Вроде бы дело обстояло как раз наоборот!

— Почему ты не обращала на меня внимания? — как-то по-бабьи воскликнул Дима. — Я всегда делал, что ты хотела, а ты... Ты меня боялась? Я странный, да? Я — зануда и неудачник? Знаю, так и есть. Но я тебя люблю, Настюха! Никуда не отпущу, я с тобой, ты со мной, навсегда, поняла?!

— Ой, Димочка, ты опять...

— А ты не хочешь?

— Нет... да... а-а-а... у Лены такие странные комплексы... м-м-м...

Света приняла холодный душ, как Лидия Валентиновна учила делать после расставаний. На этот раз совершенно не помогло: всё ещё хотелось позвонить бабушке — просто убедиться, что бабушке можно позвонить. Глупость будить бабушку в час ночи: перепугается позднего звонка, напридумывает всякого, пока трубку найдёт. Не ставит на базу, потом ищет по всему дому. Какое счастье, что бабушка есть!

На кухню зашла мама.

— Как ты сегодня поздно. Ты плачешь?

— Ты бабушке звонила? У неё всё в порядке?

— Света, что случилось?

— Ничего. Бабушка хорошо себя чувствует?

— Почему ты спрашиваешь?

— Мне надо знать.

— Жаловалась на давление, но ей как-никак семьдесят пять. Не замечала, чтобы ты раньше беспокоилась о бабушке, с праздником поздравить, и то не допросишься.

— Если с бабушкой что-то случится... рано или поздно может случиться...

— Что за мысли на ночь глядя? Я тебя предупреждала, мне не нравятся методы работы Лидии Валентиновны. От того, что ты мне рассказывала, пахнет сектантством. Может быть, ты всё же поищешь себе более... традиционную практику?

Света зло сверкнула на неё заплаканными глазами.

— Да, мама, подыщу. Подыщу другое занятие — не знаю, какое, но психологом я не стану! Ни за что им больше не позволю лить в меня своё дерьмо!

— Прекрати ругаться.

— Не позволю! На свете столько дерьма, с которым я незнакома, и хочу, чтобы так и продолжалось как можно дольше.

— Мне нравится, — заметила Вика, прохаживаясь по кухне. — Столько разных штучек... Неужели ими всеми пользуются?

— Ну да, повариха у Лидки классная, — при воспоминании об Ириной стряпне Рома мысленно облизнулся и впервые заметил, что сарафан на Вике с довольно глубоким вырезом, почти не скрывавшим щуплую полудетскую грудь.

Ехать в больницу Лидка отказалась наотрез. Пришлось Роме сесть за руль её тачки. Опоздавшая на метро Вика вызвалась провожать. По приезде Лида сразу ушла спать. Соваться в свою уже бывшую мансарду Рома не решился, кухня показалась ему идеальным местом, чтобы переждать ночь: первый этаж, если что, можно сигануть в окно. Вряд ли до утра у Лидки хватит пороку зазвать в себя очередного буйного покойника, и всё-таки... Он не чувствовал внутренней готовности к сеансу укрощения бесноватой. Рома направился к холодильнику.

— Пиццы, разумеется, нет. И пива, — ковырнув что-то в тарелке, Рома с отвращением облизал палец. — Тофу, блин. Котлеты по-киевски будешь?

— А это удобно? — спросила Вика, запуская в котлету зубы. — Вкуснятина! Прямо как в ресторане! Только надо было подогреть. Хлеб есть?

— Салат ничего. Кстати, этот козий сыр надо есть с мёдом, попробуй. Так, вино — ординарная фигня, но мне надо выпить. Тебе налить?

— Как думаешь, мне удастся со временем прикупить такой домишко, если вместо расстановок толкать клиентам гороскопы? Психологические? — спросила сытая и развеселившаяся Вика.

Рома подавил зевок.

— Ты занимаешься гороскопами?

— Да, отлично сочетается с психоанализом, только я после каждого гороскопа заболеваю. Лидия Валентиновна говорит, что обязательно надо брать деньги, тогда и клиент серьёзней относится, и ты не принимаешь на себя его проблемы. Но мне пока денег не предлагают, а бесплатно я перестала соглашаться, надоело болеть из-за халявщиков.

— У Лидки, конечно, офигеть какое здоровье, — перебил Рома. — Уборщица решит, что мы всю ночь баранов в кабинете резали: кровища даже на потолке.

Вика повернулась к нему. В уголках длинного рта поблёскивал мёд.

— Ты сын мужа Лидии Валентиновны, да? Здесь живёшь?

Он приосанился и отругал себя за это.

— Жил, но давно съехал. На свою квартиру. И вообще собираюсь немного проветриться. Поездить. По разным местам.

Вика длинно ухмыльнулась медовыми губами.

«Да, я не работаю и живу на папины деньги, убей меня за это», — подумал Рома и решил, что Вика похожа на соседскую собачонку — зверюшку с лохматыми ушами и в шипастом ошейнике. В отличие от собачки, ошейника Вика не носила, зато чуть ниже икры и чуть выше сандалии на её ноге была вытатуирована игуана.

Взгляд Вики упёрся в зеркальную поверхность холодильника. Вздвогнув, девушка ощупала щёки.

— Можно спросить? — осведомился Рома. — Ты была старухой? На расстановке?

— С чего ты взял?

— Озарение накатило. А ещё ты всё время косишься в зеркала и трогаешь лицо.

— И что? Прыщи под тональным кремом чешутся, — огрызнулась она.

— Нет, в самом деле, ты что-нибудь помнишь? — попросил Рома.

— Только снег и свечу на снегу. Много раз участвовала в расстановках, но сегодня меня полностью расколбасило. И мне кажется, приколись, кажется, что теперь я умею резать кур. Вот бы проверить!

Рома нервно хихикнул.

— Не понимаю, как ты выносишь Лидкины расстановки.

— А что такого? Возможность пережить чужой жизненный опыт, знаешь, как полезно для психоаналитика?!

— Особенно когда крыша едет. Судя по Лидке, не обязательно быть чокнутым, чтобы работать психологом, но это помогает.

Вика повела плечиком. Не только плечи — ключицы, нос и уши у неё были острыми, а лакированными когтями она могла разрыть термитник.

— Крыша у меня крепко приколочена. Хватит наезжать на Лидию, лучше колись, что сам-то видел?

— Ничего, — буркнул Рома.

Он действительно видел *ничего*, одновременно получив представление о том, что значит быть всем, всюду, всегда и кишеть хаттифнаттами. Представление то и дело просилось наружу из человеческой головы, главным образом через рот. Рома старался не думать о том, что вырвало бы его зелёным. Лучше уж кур резать! Муми-тролли были любимой книжкой Роминого детства, вряд ли он решится открыть её ещё хоть раз.

— Сеанс слишком быстро прервался, — вздохнула Вика. — Знаешь, по-моему Лена отпустила не всех заместителей. У меня сомнения насчёт того дядьки, похожего на мента или на военного, который вас с Леной привёз, с красной физиономией.

— Димы? — Рома пожевал губу, перебирая кадры последних нескольких часов. — Так, первым делом она отпустила Лидку. Потом вас со Светой и меня, охранника, Настю... А Диму действительно нет, потому что он не стал дожидаться, схватил Настю за руку и утащил. Вид у него был... На месте Насти я б смутился. И что, теперь он продолжает считать себя собакой? Вроде его собакой выбрали. Ладно, Лена говорила, что Настя — ветеринар.

— Не собакой, а тем, кого он замещал, — фыркнула Вика, — Собака — просто символ, скорей всего кого-то из Лениных родственников. Таких накладок при мне не случилось, завтра Лидии Валентиновне расскажу.

Рома вздрогнул.

— Видишь ли, у Лены своеобразные родственники, не хотел бы я, чтоб кто-то из них увлёк меня в ночную тьму. Помнишь, что творилось за гаражами? Такие звуки я слышал в одной жёсткой японской порнушке про новогодний корпоратив. Не смотрела? Где секретаршу использовали как подставку к ёлке?

Сидевшая на столешнице Вика скрестила ноги. Роме показалось, что игуана на её правом бедре дёрнула спинкой — очень чёрная чешуйчатая игуана на очень белой коже.

* * *

Адиль не пил. Алкоголь делал его болтливым, что недостойно мужчины, после чего делал его агрессивным, что нехорошо, тем более для человека, много лет занимавшегося вольной борьбой. Ворочаясь на диване в приёмной, он пытался выгнать из памяти воспоминания о том, как сбился с тропинки, увяз и не смог подняться.

Холодно не было, скорей жарко от самогона и долгого барахтанья в снегу. Засыпая, Татьяна смотрела на горящие окна собственной избы и пьяно посмеивалась. Хоть теперь отдохнёт, уработалась, за семерых лямку тянула. Выпростав из снега кукиш, показала избе: «Выкуси!» Бабка Анна тоже вот в снегу померла, ну да чего уж, знать и Татьяне судьба. От избы отделилась тень, подкатила на неслышных лапах, навалилась, сжимая затылок.

Адиль умылся холодной водой из-под крана. Нанялся охранником — значит, ты охранник, и никакие другие дела тебя не касаются. Завтра он скажет это Лидии Валентиновне. Адиль некстати вспомнил свою учительницу русского языка, Татьяну Васильевну. Нет, Николаевну. Татьяна Николаевна, так звали учительницу, да.

Ван Юн укоризненно качал головой, напомнив Лене трофейную куклу-болванчика, кокнутую недавно Нюсей.

— Без девочки вам не надо приходиться.

— Ты сколько в Москве живёшь? — проворчала Лена. — Стала б я сюда лезть, если б ты выучил по-русски хоть что-то, кроме «хозяина нета»!

Содержимое головы норовило растечься, и части тела вслед за ним. Лена чувствовала себя лужей в пакете и изо всех сил старалась не колыхаться. Однако соображала она достаточно, чтобы обратить внимание на произошедшую в китайце перемену: сейчас он выглядел как во время набега на рынок популярного выездного шоу с дубинками и в масках.

— Ты не говорил, что я непременно должна запастись Нюсей для визитов.

— Я не знал, — глазки Ван Юна бегали с проворством, удивлявшим Лену ещё у Николая с Эдиком, когда ведущий маски-шоу задавал скучные вопросы о всяких там документах.

— А теперь знаешь? Может, со мной поделишься?

Китаец переминался с ноги на ногу. Фанта разглядывала его с выражением, обычно предшествующим нападению. Как там они это проделывают? Лена припомнила ощущение Нюсиного язычка в голове, слизывающего мысли...

Ван Юн отпрянул. Из Лениного рта, распрямляя кольца, вырвалось нечто вроде змеи и залепило мастеру мазей по лбу. Происшествие настолько потрясло Лену, что она сумела втянуть... это обратно в рот. Многообещающий трюк, неплохо бы в реале повторить.

— Зачем вы так сделали? — грустно спросил Ван Юн, готовый отпрыгнуть при первом же шевелении с Лениной стороны.

— Эм... Ну, я немного другое имела в виду, извини. Так почему мне нельзя проделывать эту штуку с веками в одиночестве? Если ты про то, что я растворяюсь, то я заметила. Меня всё время должен кто-то ловить?

Ван Юн кивнул.

— Ромку и папу тоже? — спросила Лена бесстрастно.

С фигурой китайца случилось странное: Ван Юн как-то замигал и вылинял, превратясь в каркас зелёных искристых вен со всплесками хаттифнаттов.

— Вань, не переживай ты так! погоди, неужели ты стал свидетелем очередной битвы папы с вороной, и это тебя морально шокировало?

Китаец промолчал, но видимость восстановил.

— Да ты не пугайся, ничего у него не выйдет, — злорадно ухмыльнулась Лена, — Ясно, почему он на расстановку не явился: боевых шрамов стесняется. Мог бы, конечно, трубку взять хоть раз, детский сад. Ладно, у меня к тебе серьёзное дело, такое серьёзное, что давай, лезь мне в мозги, так быстрее, а я рядом постою — поучусь.

Кошачье прикосновение сняло пенку Лениных воспоминаний, Лена поморщилась. Ван Юн посмотрел на неё вопросительно.

— Мне нужна эта сумка.

— Вам надо захотеть попасть туда, где она лежит, — посоветовал китаец. Таким тоном Лена предлагала Нюсе ещё раз попробовать вынуть мячик из пасти ротвейлера.

— В баню, — машинально поправила Лена. — Слушай, это слишком легко. Анна сама

бы сказала, уж она-то знает, как тут всё работает!

— Ничего не знает. И она не ваша прабабушка. Она... — китаец поморщился. — Тень. Вам это не важно. Вы просто идите в дом.

— В баню! — Лена сделала шаг и споткнулась о лавку. Гроыхнула, опрокидываясь, кадка с водой, посыпались предметы крестьянского обихода, боле-менее укладывавшиеся в понятия «кадка» и «длинная палка». Последней упала лопата. Лена высказала всё, что думает о происходящем, в нескольких словах (для неё оставалось тайной, каким образом Бабка Страшная из тех же слов составляет многочасовые диалоги, которые сложно запомнить и невозможно забыть).

Ван Юн шевельнул носком кроссовка проржавевшее кольцо, ранее скрытое лавкой, то в ответ сварливо брякнулось о доски пола. Лена дёрнула его, крышка люка подалась неохотно. Лезть в нору не хотелось — вдруг там затаилась кусачая юношеская ипостась прабабки Анны? Под шварканье бабушкиной швабры об линолеум детской библиотеки Лена-второклассница читала: *«...Когда зарывают под деревом деньги, в ту же яму почти всегда кладут мертвеца, чтобы он приглядывал за ними». «Господи помилуй!».* *«Да-да, кладут, — мне говорили об этом не раз».*

Бросив свирепый взгляд на Ван Юна, Лена спрыгнула в погреб. Отсутствие источников света не препятствовало зрению, и всё-таки пришлось долго шарить среди хлама, в общих чертах проходившего по категориям «кадушка», «корзина» и «горшок». Обилие пустой тары поражало, только в одном мешке обнаружилось немного зёрен — не пшеничных. Кроме того, на гвозде болталось несколько связок сушёных грибов. Из-за тревожного топтания по полу собачьей тушки на голову сыпалась пакость вроде сухого мха. Под ногами пылал поток, что сглаживало клаустрофобию, но провоцировало страх высоты. Нечто, примерно подходящее под описание «доска с ручкой», огрело Лену по затылку. В этот момент она заметила тряпку, втиснутую между очередной кадушкой и стеной. Мгновенье спустя Лена стояла перед Ван Юном, прижимая к груди кожаную сумку, завёрнутую в рогожу. С отвращением заметив, что скопировала жест Анны, она швырнула суму на лавку, поставленную китайцем в прежнее положение (Ван Юн умудрился привести сени в куда больший порядок, чем был до устроенного Лениной погрома). Фанта оскалила клыки, загудела низко.

— Вы будете смотреть, что внутри? — поинтересовался Ван Юн.

— Угу, типа буду.

Руки вовремя покрылись зелёными резиновыми перчатками (некоторые вещи происходили здесь гораздо проще, чем в привычной среде обитания). Содержание «сумы» не поражало: перевязанные нитками клочья шерсти, кости, клыки, не поддающийся классификации мусор.

Подождали. Ничего не происходило. Наверно, Анна имела в виду настоящую суму. С другой стороны, рыбка у Нюси была настоящей, Ван Юн подтвердил, значит...

— А могу я перетащить эту штуку домой? — раздумчиво мусоля суму, спросила Лена скорей себя, чем китаец.

Тот приподнял брови.

— Идите домой.

Лена пронеслась по проломившей бревенчатые стены шахте лифта (а заодно и по совмещённому с лифтом мусоропроводу), испытав нервирующие ощущения, которые вряд ли смогла бы описать. С укором обернувшись на Ван Юна, она демонстративно взялась за

дверную ручку, однако ключ, как она отлично видела, находился с противоположной стороны двери. Лена угрюмо прошла сквозь двойное железо и уселась на кухне (незачем всяким китайцам плясать на её тело в кровати). Фанта растянулась в ногах хозяйки, в силу параноидального склада характера готовая к любым пакостям со стороны Ван Юна.

— Ну и?! — спросила Лена.

— Вы дома, — дёрнул плечом Ван Юн.

— Не прикидывайся, будто не понял, что я имела в виду. Выкинь меня отсюда, быстро!

И с сумкой.

— Не получится, — уныло ответил китаец. — Это будет неправильно!

— Так «неправильно» или «не получится»? Что неправильно? Валяется старая сумка, кому какое дело. Вряд ли мир вот прямо лопнет, если она продолжит валяться у меня на столе.

Ван Юн нервно поёжился.

— Это будет совсем неправильно, поэтому не получится.

— Вот традиционная реакция окружающих на любое моё действие, — насмешливо произнёс Иннокентий внутри Лениной головы, — поэтому я рано привык жить, как мне удобно, в итоге как-то выходит, что в моей реальности это и есть «правильно», чужие реальности мне недоступны, так стоит ли беспокоиться? Тебе нужна сумка? Отлично. Ты не хочешь провести следующие полгода, перекапывая поле? Великолепно тебя понимаю. Так сделай то, что тебе удобно.

— Папа, это уже свинство, сейчас же покажись! — крикнула Лена.

— Извините, я должен был сказать сразу. Мне так грустно вас расстраивать, но... —

Ван Юн развёл руки. Между его ладонями возникла клетка. Клюв ворона кромсал прутья, дно устилала перья, точно опавшие чёрные листья.

Лена трянула Ван Юна за грудки, легко, точно пустой мешок, швырнула об стену. Клетка исчезла. Лена пинала китайца ботинками, нечаянно прикрыв собой от собаки и сохранив ему тем самым изрядный кусок зелёного тела.

— Гад! Ты... вот же гад!

— Хватит, — приказал Иннокентий. — Я запихнул ворона в клетку, господин Ван Юн наблюдал, каких трудов мне стоил положительный результат, и согласился передать птицу тебе. Меньше всего он заслужил, чтобы ты реализовывала на нём своего внутреннего гопника.

Лена выпрямилась. Из её черепа словно вытряхнули содержимое, и теперь она пыталась кое-как вернуть его на место. Китаец отполз в противоположный конец кухни, где затих под присмотром Фанты.

— Пап, тебе настолько Нобелевской премии захотелось, что на жизнь начхать? Фигли ты ворона-то запер? Выглядит паршиво. Как у тебя вообще получается не рассасываться без него на запчасти?

— У меня... не получается.

— Папа!

— Жаль, приходится говорить тебе это в неподходящий момент. Постарайся не нервничать, здесь... то есть в твоём состоянии, это крайне нежелательно. Так вот, я утратил контакт со своей физической оболочкой и не думаю, что его возможно восстановить. Гуля, мой секретарь, свяжется с тобой по поводу оставшихся у меня на счетах средств. Если захочется, поинтересуйся у неё, где и во сколько состоится кремация, хотя не советую: будет

скучно. Самое главное: не вздумай затевать цирк с урнами! Необходимо, чтобы остатки были уничтожены полностью. Я слишком долго имел дело с пропиской, документами, гражданством и иже с ними, чтобы вновь оказаться привязанным.

Ван Юн робко дёрнул Лену за рукав.

— Пожалуйста, нельзя больше так стоять. Посмотрите на меня, пожалуйста.

— Наша беседа не идёт тебе на пользу, — обеспокоенно заметил Иннокентий, растекаясь по извилинам Лениного мозга и сжимая их пружиной. — Сконцентрируйся на солнечном сплетении, всасывай сумку, как пылесос. Могут возникнуть несвойственные тебе мысли, не обращай внимания.

Лена нашла в себе силы сопротивляться, чему немало удивилась.

— Да я с места не сдвинусь, пока...

— Пока что? — перебил Иннокентий.

Его тон умерил Ленин пыл.

— Пока не пойму, что с тобой происходит.

— В настоящий момент ты не можешь себе этого позволить в силу взятых на себя обязательств. Займись сумкой!

— Ты говоришь об обязательствах?! — взвилась Лена. — Сам-то не больно себя ограничивал, делал, что левая пятка пожелает.

«И в этом у него стоит поучиться», — прошипела новая Лена.

— Диссоциативное расстройство идентичности? — поприветствовал её Иннокентий. — Не ожидал.

Новая Лена вцепилась в сумку.

Рассыпанный по миру зелёный свет сменился красной пузырчатой пеленой. Единственным Лениным желанием стало слиться с куском гнилой кожи, поглотить, сделать частью себя. Азарт охоты охватил её, опьяняя до судорог. Преследовать добычу, впиться клыками, разрывая шкуру и мясо. Если бы можно было засунуть Лене в вену градусник, ему бы настал логический конец, как в чашке с кипятком.

Когда Лена очнулась, она снова прижимала к груди сумку жестом прабабки Анны. Голова была блаженно пуста.

— Ты слышал мой разговор с папой? — спросила она Ван Юна, рискнувшего, наконец, выглянуть из-за холодильника.

— Я не слышал. Я увидел, что вы начали растворяться в потоке. Вам пора уходить.

— Так давай, выкини меня отсюда!

Секунду спустя Лена сидела в спальне на полу, сжавшись в комок, дрожа от перенесённого откровения. Раньше она считала, что сносить крышу до такой степени может только гнев, но с охотой гнев и рядом не пробегал. Не хватало на кошек начать кидаться! А что? Не так много в жизни кайфа. Фанта скулила над ухом — переходящее в рык поскуливание, точно как во время Ромкиной возни с...

* * *

Лена ущипнула себя за руку так сильно, что ойкнула. Под окном взревел мотоцикл и умчался на свидание с постом ДПС, заглушаемый грохотом грузового состава. Грохнул цепями и рухнул вниз набитый призраками лифт. Звуки и запахи позднего лета говорили в

пользу реальности происходящего. Стены не делались прозрачными, пол не пытался рассосаться, и ни грамма хаттифнаттов не казалось белёсых тушек из Лениных вен. Помойная машина подкатила к бакам — значит, уже пять утра. А у Лены на кровати, почти в центре Москвы, на пятом этаже кирпичного дома, построенного для работников железной дороги в 1965 году, лежал волк, слепое бурое пятно на фоне предрассветной комнаты. От него к Лене тускло отсвечивал серебром шнур, один конец соединялся с её солнечным сплетением, другой терялся в волосатой волчьей шкуре.

«А вот это песец», — тоскливо подумала Лена прежняя.

Новая ткнула её локтем под дых.

«Глаза раскрой, дура, это гораздо круче!».

В Серёгиных книгах немало писалось о серебряных шнурах, но подразумевалось, что они вроде как должны соединять тело с другими телами или с душой, тут книги расходились во мнениях. Волки ни в одной не фигурировали.

Лена встала — очень медленно и очень осторожно, тесня к двери вибрирующую от ярости Фанту. Волк слегка обнажил клыки. Довольно странное ощущение — точно с кровати скалилась Ленина собственная рука или, скажем, голова, почему-то отделившаяся, но всё ещё связанная с телом серебряным поводком.

— Вот зараза! — возмутилась новая Лена. — После всего геморроя валяешься у меня же в койке и быкуешь? Р-р-рядом!

Опытная рука рванула «поводок». Зверь слетел на пол кувырком (шнур крепился в области волчьего брюха), пополз к Лене, поджав хвост, прижимая уши. Фаната бросилась на него, но была выпихнута из комнаты вон, оставалось надеяться, что привыкшие к лаю соседи поленятся вызывать милицию.

— Отвали! — весело сказала волку Лена новая. — Ты будешь жить в лесу, понял? В лесу (лесом Лена пугала Фанту).

Волк закрутился вокруг ног. Под жёстким мехом легко прощупывались кости, то ли дело Фантины округлые бочка! Лена потрепала зверю щёку, тот поднял заискивающе улыбающуюся морду.

— В лес, я сказала, — прыснула Лена в волчьи глаза.

Белые.

«Без пастуха он что кутёнок — слепой, — прошамкала прабабка Анна Лидиными губами, плюясь звуками, точно шелухой от семечек. — Так делают».

Прежняя Лена жалко поморщилась, новая глубоко вдохнула, втягивая грудью поводок вместе с волком.

Заваливают на спину, колотишь воздух лапами, фыркаешь и рычишь, пасть набита снегом, извиваясь, пытаешься выскользнуть из-под брата, в свою очередь, ухватить щёку или ухо. Потом вы носитесь, смеётесь, сшибаетесь и падаете в траву, стараясь откусить друг другу головы. Тёплая тьма, мягкий материнский живот с набухшими сосками. Вкус молока. Спокойствие.

Чувствуя, что сон вот-вот свалит её, Лена запустила в комнату Фанту и упала на подушки рядом с собакой.

Весь сон она бродила по подъезду, наблюдая забавные существа из Нюсиного bestiария. Красное без ручек показалось ей довольно симпатичным, хотя она так и не догадалась, что это было. Гораздо меньше понравилась тухлая плесень, живущая под потолком неопрятными лохмотьями — всюду, кроме Лениного этажа. Ещё меньше

понравилось Лене то, что некоторые существа, включая плесень, вызывали у неё неконтролируемый животный аппетит. Она стала снисходительней к Фантиной страсти к помойным бакам. Едва сдержавшись, чтобы не проглотить нечто, выползшее из мусоропровода со щупальцами, Лена выскочила на улицу. Из парка возвращалась Вера с Белочкой (ужасно, когда вид столетней пуделихи с вывернутыми наружу зубами провоцирует слюноотделение и бурчание желудка). Стоило Лене овладеть собой в достаточной степени для того, чтобы поздороваться, собачонка забилась в психическом припадке, а её чокнутая хозяйка, подхватив на руки сокровище, развила скорость, которую нереально ожидать от судмедэксперта предпенсионного возраста весом под сто килограмм.

* * *

Будильник. Морозящий дождь за окном. Два часа нездорового сна, тогда как для нормального самочувствия этих часов Лене требовалось десять. Впереди день, полный мучений, с другой стороны, сонная одурь мешала думать о папе.

Татьяна Викторовна лучилась, точно двухсотваттная лампочка в сортире, и это настораживало. Как правило, во время общения с Димкиной мамой Лену не покидало ощущение, что в навалившихся на даму маленькой пенсии, сыне-оборотне и свекрови, слышащей умерших родственников лучше, чем здравствующих, виновата лично она.

— Мамочка! — Нюся прибежала, размахивая ложечкой. — Я помогаю тёте Тане варить яйца! Ма... а-а-а-а...

Рёв сотряс ряды картонных коробок и запас верхней одежды последних пяти поколений Димкиных предков.

— Температуры у неё нет, — оправдывалась Татьяна Викторовна. — Спала хорошо, яблочко скушала... не понимаю. Не хочет к тебе выходить, боится какого-то волка. Я уже как-то заводила этот разговор, и снова серьёзно советую тебе обратиться к хорошему психиатру. При её наследственности...

— Татьяна Викторовна, тут резиновые сапоги, и шапочку оденьте ей, пожалуйста, если получится выбраться на прогулку...

Нюся пахла тёплой булкой, Димка — табаком, пивом и носками, Татьяна Викторовна кислой шерстью, бабуля... лучше не стоит. Кто же у них в гостях? Запах больницы, приглушённый освежителем для туалета. Ленин взгляд зацепил туфель, каблук которого, применительно к Татьяне Викторовне, вызывал ассоциацию с переломом шейки бедра. Применительно к Насте ассоциации смягчались до вывиха голеностопа. Вероятно, в обычные дни девушка носила нормальную обувь, но Лене, встречавшей Настю исключительно в экипировке для свиданий, было трудно представить будущего ветеринара вне борьбы с силой тяжести на высоте десяти сантиметров от земли. Может быть, именно поэтому ей удавалось столь точное воспроизведение унылой усталости от жизни, характерное для Татьяны Викторовны. А может, таковым было собственное Настино выражение лица.

Татьяна Викторовна моргнула под очками, стараясь казаться смущённой, но довольная улыбка растянула сжатые гузкой губы.

— А у нас... свадьба намечается. Я уже не надеялась, что Дима... он был так привязан к этой своей Алёне, которая о нём совершенно не заботилась, но она же мать его ребёнка,

бедный мальчик...

— Поздравляю, — вскинула бровь Лена. Вчерашняя, блин, расстановка всё же пошла кому-то на пользу.

— Леночка, подожди! — Татьяна Викторовна не поленилась выйти на лестницу, дверь притворила. — Вера Михайловна звонила, рассказала такую неприятную историю. Примерно в шесть утра она пошла гулять с Белочкой, и что ты думаешь, увидела перед нашим подъездом живого волка!

— Простите, но меня это не удивляет, — устало вздохнула Лена. — Я действительно опаздываю...

— Лена! Вера Михайловна может отличить собаку от волка и на расстройстве воображения не жалуется.

— Угу. Наслаждается эффектом.

— Ты такая резкая, Лена, иногда с тобой трудно разговаривать. Вера Михайловна хорошо разглядела: это был волк, тёмного окраса, с белым пятном на груди. Я думала, волки бывают только серыми. У Белочки случился нервный припадок и тик!

— Вот в это я верю.

В голосе Татьяны Викторовны прорезались плаксивые интонации.

— Лена, ты не смотришь телевизор, а люди держат в квартирах ядовитых змей...

— Вере Михайловне стоит определиться: волка она всё же видела или змею.

— ...неужели тебя это не пугает?! У тебя же ребёнок!

— Пугает, Татьяна Викторовна, пугает. Скажите Диме, чтоб звонил в санэпидемстанцию и грозил удостоверением — пускай ловят.

— Дима пригрозит, — улыбнулась Татьяна Викторовна польщённо. — Но как хочешь, мы с Нюсенькой не будем ходить гулять, пока то животное не поймают. Я не могу взять на себя такую ответственность.

Лена закатила глаза. Ей хотелось свернуться прямо на ступенях калачиком и спать, спать. Между тем её нос знакомился с готовившимися в доме завтраками — яйцами и бутербродами. На третьем этаже кто-то заморочился овсянкой на молоке. Вредительница с седьмого скреблась в замке, предварительно опрыскавшись нечеловеческими духами. Чихнув, Лена побежала вниз, по ушам стучали ключья телевизионных передач, ошмётки утренних перебранок и бурление спускаемых унитазов. Запах кота едва не сшиб её с ног на площадке между вторым и первым этажами. Минуту спустя Лена поняла, что точно знает, чем моется Бабка Страшная — хозяйственным мылом. Это было слишком! Последние несколько месяцев она провела в ватном колпаке на всю голову, теперь слух и нюх не только вернулись, но усилились до неприличия. «Пойду обнюхивать урны, — думала Лена мрачно, — и получать от этого удовольствие».

* * *

— Ты где шляешься?! — вопил Рома. Накал его страстей делал поднесение мобильного к уху опасным мероприятием. — Второй час не могу дозвониться!

— Я на работе, — шепнула в трубку Лена, забившаяся в самый дальний угол подсобки. — Прекрати орать, что опять случилось?

— У тебя там всё в порядке?

— Прямо вся танцую, до какой степени.

Лена задумалась. Скорее всего, волк Лидкиной семейке больше не грозит. Скорее всего. С другой стороны, возвращать в квартиру Ромку пока рано. Случай с Белочкой... в общем, Лена пока не чувствовала себя специалистом в области дрессировки трансцендентных волков.

— Ром, посиди немного у Лиды, только до завтра, на всякий случай. Пока.

В соседнем с подсобкой кабинете нагрянувший администратор Витя кого-то распекал, судя по запаху — Сашка. За стеной в примерочной мамаша убеждала дочку, что зад у той не толстый, а наоборот, ужасно стройная фигурка. Кажется, беруши ещё валяются в буфете, срочно найти! И ещё нужен насморк, но с этим проще — осень на носу.

— Ни фига! — пропела новая Лена. — В жопу осень, а магазин ещё дальше.

— Хотя бы ты заткнись, — взмолилась Лена прежняя.

— Сама заткнись, гнида. Я чувствую себя вооружённой, точно в каждом кармане по атомной бомбе, приготовься словить оргазм, насколько сумеешь, — я иду к Виктору в целях официально послать его туда же, куда и эту кисельную контору.

— Умница, сто раз проходили, только учти: новый фортель Виктор не простит, придётся другое место искать, иначе что мы будем жрать? Жрать что мы будем, я спрашиваю?! Я чувствую себя человеком, который по ночам растворяется в зелёной луже с хаттифнаттами, всасывает дохлых волков, имеет на руках трёхлетнего ребёнка плюс собака с гипотиреозом, страдает дерматитом и дурной наследственностью, а вчера получил приглашение от папы на его собственные похороны. Ой, забыла, прямо сейчас у меня припадок раздвоения личности, и моя вторая половина собирается оставить нас без бабла.

— Серёга всё удивлялся, насколько твои лузерские телеги искажают реальность, — прошипела новая Лена, — и, что ужасно, не только твою. Смешно, но он — единственный человек на свете, которому ты реально помогла: со страху аж до Индии от тебя удрал, сам бы вряд ли собрался.

— Надеюсь, страдает сейчас геморроем в каком-нибудь сарае на берегу океана, — рыкнула прежняя Лена.

Лена новая пожалала плечами.

— Даже если так. Мечту он, по крайней мере, сбыл, в отличие от тебя, хотя перечень твоих геморроев пора издавать на рулонах туалетной бумаги в качестве чтения на ночь.

— Ну нет у меня мечт! — выкрикнула вслух прежняя Лена.

— Твоя реакция на жизнь заключается в геморроях. Возвращаясь к папе. Он как раз советовал не ходить ни на какие похороны, а заняться вместо этого своей жизнью. Оставь папу в покое! Мало он с тобой возился, надо, чтобы вечно? Сменил человек обстановку, имеет право и, по-моему, нормально себя чувствует. Предупреждаю: вздумаешь ехать крышей, скормлю волку. До тебя ещё не допёрло, с чего волк к тебе прилип? Да он сверхъестественной падалью питается, так что ты в самом его вкусе.

— Ты каждый раз мило забываешь, что ты — это я, — напомнила прежняя Лена.

— Не-а! У меня мечты, пошла сбывать.

Ленино тело вскочило, вздёрнутое новой Леной за шиворот так резко, что на мгновение ноги оторвались от земли. В подсобку заглянула Наташа.

— Лена? Ты одна? Мне показалось, я слышала разговор.

— Ага, показалось.

— А мне показалось, что ты говоришь по телефону. Ты у нас на привилегированном

положении, но...

Лены переглянулись.

— Наташ, а не отправиться ли тебе в жопу?! — радостно спросили они хором.

* * *

— Мама, ты — Иван-Царевич! — веселилась Нюся, летя за Леной воздушным шариком (в пижаме).

— Елена Прекрасная.

— У Елены Прекрасной косички. Можно я тоже на волке покатаюсь? Ну пожалуйста!

— Ты же его боишься?

Мотнув головой, Нюся втиснулась между Леной и мохнатой шеей.

— Теперь я — прекрасная! Давай играть, что я — Елена, а ты — царевич?

Вдруг она замолчала, теребя волчью шкуру рядом со связавшим Лену и зверя шнурком, брошенным через загривок, точно уздечка. Поднесла пальчик, готовая дотронуться, отдёрнула и снова поднесла. Лена забеспокоилась.

— Ты чего, ребёнок? Я же просила выйти из бани и не подглядывать!

— Мам, тут всё равно всё видно.

— Это была ненастоящая девочка, настоящая бы плакала и убегала, когда волк её ел.

— Знаю, — равнодушно кивнула Нюся, поёрзала на волке и повернула к Лене встревоженное личико. Голос её дрогнул:

— Мам, если верёвочка порвётся, ты опять начнёшь таять?

У Лены отлегло от сердца: кормление волка ребёнком может вызвать в другом ребёнке фобию или травму детства, даже если процесс обошёлся без натуралистических подробностей (больше всего это напоминало натягивание удава на кролика, да и призрак Анны не возражал). С другой стороны, сторожить сумку больше не надо, на фига засорять астрал остатками родственников не при делах? Вселится в какого-нибудь алкаша, и станет ему белочка с осложнениями, что-то такое было в Серёгиных книжках. Пусть лучше Лидка порадует — вот кого Анна конкретно достала. Если б Лене мешали смотреть мультики с девяти лет...

Взяв шнур, Лена ощутила его щекотанием в пальцах и сильно дёрнула раз-другой. В груди тоже защекотало.

— Не порвётся, жутко прочная хрень, Фанту выдержит.

— Мам, можно я?

— Валяй. Убедилась? Так что вопрос моего таяния считаем закрытым.

— И нам с дядей Ваней больше не надо ловить тебя из речки?

— Не-а.

— Мам, а зачем ты кормила волка девочкой? — спросила Нюся, достаточно успокоенная, чтобы предлагать новые вопросы.

— Ну... Фанта ест корм, а волк...

— ...ненастоящих девочек. Мы их каждую ночь ловить будем?

— На самом деле там была не девочка. Понимаешь, когда закапывают клад, с ним иногда кладут...

— ...покойника, чтобы сторожил. Ты рассказывала. Волк ест покойников. Здорово, у

нас рядом кладбище. Мам, а покойники дорогие или бесплатные?

«Уф», — выдохнула Лена. Как же тяжело объяснять ребёнку вещи, которые сама не понимаешь. Ну и ладно, «покойники» — довольно точное определение диеты волка.

— Мне тоже так показалось, — согласился Иннокентий. — Прежде, чем ты начнёшь трепыхать крыльями, я бы хотел...

— Не начну, — перебила новая Лена. — Всё в порядке, папа.

Иннокентий замер в её крови, приглядываясь или принюхиваясь. Не каждый может похвастаться, что по его венам растекается собственный отец. Лена не была уверена, что это подходящий повод для хвастовства, да и с кровью, пожалуй, не совсем точное сравнение, только описать свои ощущения иначе у неё не получалось.

— Насчёт урн не беспокойся, прах меня не прикалывает: хранили уже, теперь имеем, — она потрепала волчное ухо.

— Симпатичная зверюга, — одобрил Иннокентий.

Лена почувствовала, как папа перетекает ей в ладонь. Волк отдернул морду, покосился вопросительно и ещё крепче прижался к ладони щекой. В спину упёрся ревнивый взгляд Фанты, пришлось срочно чесать ещё одно ухо — висячее и шёлковое.

— А меня никто не гладит, — пискнула Нюся.

Смех Иннокентия разошёлся по Лене волной тепла.

— Срочно обзаводись третьей рукой.

— Десятком, — сварливо отозвалась Лена. — У меня и с двумя явный перебор сверхъестественных возможностей, не находишь? При мизерном результате. Нормальный человек на моём месте давно бы захватил мир, сидел на троне в башне из хрусталя, поигрывая ядрёным пультом, и противно хихикал.

— Самые нормальные занятия, — поддакнул Иннокентий.

— Гораздо более нормальные, чем использовать чёрную магию при торговле штанами двое суток через двое...

— Мам, ты с кем говоришь? — встряла Нюся.

— С дедушкой.

— Привет, деда! Ты где?

— И как ты выкрутишься? — подумала Лена для Иннокентия. — Где ты?

— Просто поверь, что это не имеет значения.

Лена поняла, что выкручиваться придётся ей.

— Нюсь, наш дедушка стал привидением, так случается.

Глаза ребёнка стали круглыми, точно у кота.

— Деда, а почему я тебя не вижу?

— Он такое особенное невидимое даже для тебя привидение.

— Ой! Мам, меня дедушка в животике щекочет! Мам, я его что, съела?

— Нюсь, дедушка должен уехать, — быстро объяснила Лена. — Он и раньше уезжал, это нормально.

— Деда, когда вернёшься, мы снова пойдём гулять, хорошо?

— Удивительно разумный взгляд на мир, — прокомментировал Иннокентий в голове у Лены. — Поцелуй Нюсю в щёчку.

Лена так и поступила.

— Это от деда, — сказала она. — Теперь иди, полови, блин, что ли рыбу, нам с дедушкой надо попрощаться.

— Мам, ты точно не... — насупился ребёнок.

— Нюсь, ты сама дёргала шнурок, никуда я не упаду, иди давай!

Девочка растворилась в пересечении зелёных струй, а прежняя Лена вырвалась на волю.

— Не уходи, пап! Я не хочу, чтобы ты... У меня от таких вещей крыша едет!

— Этому нетрудно помочь, — злобно ухмыльнулась Лена новая и сунула руку волку в пасть почти по локоть. Зверь облизал её, примериваясь, укусил. Когда Лена забрала руку, из волчьей пасти свисало нечто вроде бальной перчатки (желеобразной), и было с чмоканьем всосано внутрь.

— Всегда мечтал понаблюдать процесс кормления собой голодных духов, — хмыкнул Иннокентий. — Как я вижу, твоё альтер эго водворилось у руля? Мне нравится результат. Теперь выполни... небольшую просьбу: возьми к себе ворона. У господина Ван Юна он не прижился. Возможно, кровное родство действительно имеет значение.

Лена устроилась амазонкой на волчьей спине и нашарила в пустоте длинную сигарету. К сожалению, вместо ведра с попкорном материализовалась ерунда, которую пришлось незаметно счищать с колен всю оставшуюся часть разговора.

— Я знаю, давать объяснения не в твоих правилах, — сказала она, чопорно сложив губы, — но на этот раз придётся.

* * *

Холодный кисель отцовского смятения затопил Лену изнутри.

— Папа, извини, не мог бы ты из меня... всё же вылезти, короче?

— Прости, но тогда у нас не получится разговаривать. Постараюсь сдерживать эмоции. Я мог бы считаться редчайшим представителем человечества, свободным от фобий, если б не сотериофобия. До сих пор я самостоятельно справлялся с проблемами, но сейчас вынужден просить тебя попытаться продлить жизнь ворону. Без него я, пользуясь твоей терминологией, рассосусь на запчасти, а я как раз начинаю входить во вкус данного... способа существования. Ещё раз покорнейше прошу...

— Прекрати! — рявкнула Лена. — Просто скажи, зачем ты пустился в идиотскую авантюру с мазью?

Иннокентий мягко обволок её сознание, точно поглаживая (Лена непременно бы замурлыкала, если б умела).

— Моя жизнь и есть идиотская авантюра, дочь моя. В шестьдесят три года немного перспектив, приятных, я хочу сказать, особенно у человека, не пришедшего к консенсусу ни с одной известной ему концепцией загробного бытия. Так получилось, что готовые решения меня никогда не устраивали, не из гордыни, поверь, просто не находилось подходящих, или же я сам для них не подходил. Вот и приходится изобретать собственные варианты развития событий, начиная с момента, когда в годовалом возрасте мне представилась прекрасная возможность разбиться в автокатастрофе, а я создал сущность, позволившую мне выжить.

— Такое вообще возможно — устроить себе ангела-хранителя?

— По глупой особенности моего характера, о которой я уже упомянул, только на таких ангелов я и могу полагаться. Кстати, небезызвестный тебе Саша утверждает, что люди сами создают большую часть кишаших вокруг них сущностей. Я бы объяснил это тем, что именно по поводу себя человек способен на наиболее интенсивные переживания, вселенная же

значительно меньше нами интересуется, чем принято считать.

— Но мазь-то тут при чём?! — Лена аж на волке от злости подпрыгнула, зверь недоумённо на неё оглянулся. — Только не говори, что разрыл в какой-нибудь китайской могиле эликсир бессмертия. Такие штуки обычно отрываются именно в могилах.

— Бессмертие — не совсем моё амплуа. Не могу сказать, что привязан к жизни, я всего лишь не вижу ей альтернативы. Пока не вижу. Однако, на мой вкус, наш мир излишне материален. Достижение любого желания сопряжено с нерационально высокими затратами на преодоление этой чрезмерной материальности, которую мне всегда хотелось облегчить, дабы, снизив усилия по её преодолению, оставить при себе удовольствия. Каюсь, ленив и сибарит. Но у меня получилось. Не знаю, надолго ли.

— Ага, ты облегчил, не поспоришь! Ваня подсказал? Убью придурка.

— Не стоит. Лет двадцать пять назад мне попались записи некого Лю Цаня, которые тот вёл во время службы личным секретарём начальника уезда Чэнь Си-фана в провинции Гуанси. В ходе расследования по делу о «похитителях кос»...

— ...которые на голове? — уточнила Лена.

— Они самые. Периоды «отрезания кос» случались в Китае довольно часто. В различных провинциях люди жаловались, что им обрезают косы, это приводило к упадку сил, обморокам и даже смерти; косы пропадали как в общественных местах, так и у людей, находившихся в одиночестве. Любопытно, но ни одного похитителя так и не удалось поймать, всякий раз пропажи прекращались сами так же внезапно, как начинались. В 1768 году явление приняло особенно широкие масштабы, страну охватила паника. Принялись хватать «подозрительные элементы», особенно если их можно было заподозрить в колдовстве. В частности, задержали троих мастеров мази. Один из них был сборщиком женьшеня, второй — хвороста, третий, подросток, — бродягой и, по мнению Лю Цаня, откровенно слабоумным.

Лена поморщилась.

— Тёплая компания, Ваня бы вписался.

— Никто из опрошенных Лю Цанем жителей уезда не сомневался в способности мастеров мази изгонять духов, мутящих рассудок, но все характеризовали их как людей никчёмных, неспособных ни к работе, ни к семейной жизни. Лю Цань пришёл к выводу, что они не видят смысла ни в одном виде человеческой деятельности, более того, создавалось впечатление, будто в тюрьме они находились исключительно потому, что им безразлично, где находиться. Впрочем, однажды мальчик исчез из камеры и объявился в деревне неподалёку. Он не мог объяснить, как это получилось, и умер под палками. Происшествие заинтриговало начальника уезда, присутствовавшего на допросах двух оставшихся мастеров мази и впечатлённого их разговорами, подходящими скорей монахам, чем неграмотным крестьянам. Лю Цань позволил себе игривый комментарий, что, поскольку невозможно допустить знакомство этих людей с какой-либо литературой, резонно предположить обратное: одержимые се, счастливо избежавшие встречи с мастером мази, являются авторами большинства популярных книг, посвящённых духовным практикам.

— Ну, в общем... — задумчиво протянула Лена, — не могу представить, чтоб кто-то на здоровую голову смог увидеть вот это, — она развела руками, зелёная рябь на секунду замутила ничто. По меху волка пробежали искры. — И на нездоровую тоже. Сколько Серёга с приятелями сожрали всякого... Это я к тому, что меня тоже всегда смущали всякие книжки о...

— Ты о Серёге, отравившимся народным средством от насекомых? — брезгливо перебил Иннокентий.

— Летательной ведьминской мазью, папа!

— Да-да, всё может быть. Лю Цань также высказал предположение, что цельс духовных практик является доведение организма до состояния, способствующего возникновению одержимости се.

— Не любил твой Лю Цань духовных практик, — одобрительно фыркнула Лена.

— Как и мне, по роду службы ему довелось встретить множество мошенников, сумасшедших и сумасшедших мошенников, но ни одного просветлённого бессмертного.

— Ну, Серёга бы сказал, это потому, что ты психиатр, а Лю Цань — чинуша. Вот просиди вы пятьдесят лет опой на леднике, питаясь саранчой в позе лотоса...

— Как и бессмертие, спорт — не совсем моё, исключая необходимый для поддержания формы минимум, — флегматично возразил Иннокентий. — Начальник уезда Чэнь Си-фан, господин немолодой и обладавший, помимо расстроенного излишествами организма, приличным количеством добровольцев для исследований (из числа заключённых тюрьмы, разумеется), также не был склонен к практическим занятиям. В то же время он с уважением относился к внутренней алхимии и не возражал против личного совершенства, а также связанных с ним бонусов вроде способности к полёту, умению проходить сквозь стены и прочим, приписываемым пернатым гостям...

— Кому-кому?

— Бессмертных часто называли «пернатыми гостями», поскольку в сознании китайцев их образ был связан с идеей магического полёта, — каждое слово Иннокентия сопровождалось лёгким касанием метафорической указки о Ленин мозг.

— Так, папа, всё-таки у нас имеет место быть некоторое бессмертие? — сумрачно поинтересовалась Лена. — Не увиливай! Ну, если Ваню не мочить целенаправленнс палками, он — бессмертный?

— Успокойся, смертный. Я немного побеседовал с господином Ван Юном. Сущности, которых он называет «се», хотя лично мне ближе твоё название «хаттифнатты», так вот, эти сущности пребывают во всём, всюду и всегда. Не удивительно, что у несчастных, которые слышат их вместо собственных мыслей, возникают несовместимые с жизнью проблемы самоидентификации. Что касается мастеров мази, то дети людей, слышавших хаттифнаттов, при рождении делают выбор, чаще всего не в пользу нашего мира. Такие дети редко рождаются живыми, ещё реже — в здравом уме. Те, с кем произошло и то, и другое, сознательно выбрали «плаванье по волнам перемен». В чём это выражается, ты видела, и, думаю, понимаешь, почему у них не возникает желания заниматься чем-либо ещё.

— Нюська вырастет уборщицей, — горько подумала Лена. — С богатой внутренней жизнью.

Иннокентий ласковой струёй погладил её изнутри.

— Не ожидал, что тебя волнуют карьерные вопросы, тем более — сейчас. Тебе ведь пришлось по вкусу «внутренняя жизнь», разве нет?

— Мне? Да. Но то — я! Всё же хотелось бы, чтобы Нюська...

— Нюся сама разберётся, чего бы ей хотелось, не говоря о том, что ты вряд ли сможешь предложить ей нечто вразумительное взамен того, что она уже имеет. У неё врождённый дар наслаждаться творением, минуя лишние, на мой взгляд, подробности физического существования и, что важно, сохраняя собственную личность. Обычные люди при

соприкосновении с хаттифнаттами индивидуальность неизбежно утрачивают. Собственно, с чем и столкнулся в своих изысканиях господин Чэнь Си-фан.

— Обожрался мази, умер, на радостях явился твоему Лю Цаню и рассказал, как классно устроились?

— Возможно, тебя порадует, что он действительно умер от обжорства — Лю Цань упоминал особым образом приготовленные пельмени. Тем не менее, почтенный начальник уезда успел проработать всевозможные способы употребления зелёной мази. Единственным, достойным упоминания, оказалось пероральное: подопытные умирали, впад в кому или во сне, в зависимости от дозировки. Выжила лишь одна пожилая дама, пойманная на мелком воровстве и происходившая из семейства рыбаков, в котором старшему ребёнку переходил по наследству дух-помощник в виде рыбы. Дама сообщила, что тонула в зелёной реке, но успела ухватиться за плавник огромной рыбы, вытащившей её на сушу. Так повторилось несколько раз, однако пельмени не вовремя прервали эксперименты, а новый начальник уезда посчитал деятельность предыдущего суеверным злоупотреблением и отпустил мастеров мази вместе со старушкой, сочтя их безвредными сумасшедшими. Лю Цань удалился в отставку.

— Пап, как ты только до своего возраста дожил? Понятно, мазь тебе только недавно обломилась, но в сказках и не такие средства преодоления материальности описаны, а ещё Серёгу за ведьминскую мазь осуждаешь!

Лена была в бешенстве. Если бы ей удалось вытряхнуть из себя Иннокентия, ему представился бы неплохой шанс опробовать хваленые способности пастуха призраков (на Ван Юна не подействовало, а вот на призрака, по идее, должно). Глупо злиться на человека за то, что он умер, но Лена злилась и ничего не могла с собой поделать. Иннокентий растёкся по ней вязкими согревающими волнами. Беситься в тёплой ванне даже у Лены не получалось, и она успокоилась. Почти успокоилась.

— Хочу подчеркнуть, — продолжил Иннокентий, — речь всё же идёт о мемуарах, притом мемуарах человека, настроенного к «сказкам» скептически. До знакомства с этим поучительным чтением у меня было пять пациентов с симптомами в точности как у твоей Гали и крайне дотошно описанных Лю Цанем, и семь человек после. В двух случаях имело место самоубийство, один пациент скончался по причине возрастных заболеваний, у троих общение с хаттифнаттами спровоцировало дебют психоза, остальные полностью выздоровели, хотя врачи, в том числе я, не смогли подобрать адекватного лечения. Из двенадцати больных девять злоупотребляли алкоголем, один — наркотиками, пятеро были старше семидесяти лет, четверо состояли на учёте в психдиспансере, один увлекался йогой, две женщины страдали истерическими припадками...

— Папа!

— Хорошо, оставим медицину. Я провёл в Китае несколько лет, там мне повезло столкнуться с мастером мази, работавшим в Пекинском госпитале уборщиком. Решив, что я неподобающим образом интересуюсь мазью, он вскоре уволился и пропал, так что в случае с Ромой мне пришлось импровизировать. Времени на размышление у меня не было, но я неоднократно убеждался в способности ворона удерживать меня среди живых.

— Тут ты его переоценил, — против воли ласково пробормотала Лена и против воли же потянулась, за что больно себя ущипнула, отметив, что во сне этот трюк у неё не выходит.

— Скорей наоборот, — возразил Иннокентий почти обиженно. — Если помнишь, мне пришлось изрядно с ним повоевать и, в конце концов, воспользоваться помощью Ван Юна,

сдав ему птицу на хранение. Если это избавит нашего друга от ещё одного столкновения с твоими пролетарскими манерами, поверь: он отнёсся к моему выбору с неодобрением, однако признал за мной свободу его совершить. Мне кажется, это пример истинной вежливости.

— Пап, а меня ты предупредить о своём выборе не мог?! Типа из вежливости? Ленину кровь снова обдало холодом.

— Отчасти я рассматривал вероятность того, что в итоге произошло, но не был уверен. Ты же, извини, слишком впечатлительна. Всем нам не стало бы легче, начни ты нервничать несколькими неделями раньше.

— Мне кажется, я не умею нервничать, — Лена криво улыбнулась, — вроде нервничаю, даже ору иногда, а на самом деле ничего не чувствую. Ни-че-го. Такой психический вывих. Ваня, где ты, радость моя?! — крикнула она.

* * *

Перед Леной возник Ван Юн. Зелёное хитросплетение его вен образовывало паутину под лапами волка, блеснуло в меху зверя, перешло на Ленины босые ступни. Лена чувствовала, как тают выстроенные разумом и привычкой перегородки, отделяющие её от китайца Ван Юна, от убитого сто лет назад волка, от папы, Нюси... Волк мягко сжал клыками Ленину руку чуть выше запястья. Очень реальными влажными клыками. Границы миглом выстроились по местам, Лена благодарно огладила загривок. Когда-нибудь она снова захочет увидеть зелёную сеть, но не сейчас. Несмотря на виртуальность, на ощупь волк был вроде платяной щётки.

Лик Ван Юна покрывала маска улыбочивой невозмутимости.

— Вы пришли за птицей? — он развёл руки. Сквозь прутья клетки силуэт ворона обозначился чёрным на фоне растянутой полосатой майки Ван Юна.

Спрыгнув с волчьей спины, Лена пошла по пустоте, волоча серебряный шнур. Защёлки на клетке не было, дверцы тоже. Лена без труда разогнула прутья, птица вывалилась комком и поковыляла к ней, неуклюже приподняв крылья. Калечные птицы вызывали в Лене иррациональный страх (паршивый из тебя, Леночка, ветеринар). Фанта ощерилась, всегда готовый подкрепиться волк просительно заскулил.

— Имей совесть, — сказала ему Лена. — Я же только что кормила тебя прапрабабушкой и немного собой.

Птица вскарабкалась на ногу, где принялась возиться, видимо, пытаясь взлететь. Впившись ногтями в ладони, Лена зажмурилась и замерла, предоставив пакости случаться. Новая Лена подхватила теряющий перья комок и ввинтила в плечо. Это оказалось не больно. Ворон прошёл под кожу, точно иголка, которой пугали Лену в детстве: «Попадёт в вену, уколет сердце, и — всё».

— У меня на плече что-нибудь есть? — спросила Лена Ван Юна.

— Нет, мам, он вот где! — радостно сообщила Нюся. — Он летает! У нас теперь будет дедушкин ворон, да?

«Я лежал под ярким небом, следил за кружащей надо мной птицей и знал, что всё со мной будет хорошо. И никогда с тех пор в этом не сомневался», — вспомнила Лена.

— Я не прощаюсь, — сказал Иннокентий, его поцелуй смешался с Лениными мыслями.

точно се, и растаял.

Новая Лена вскочила на волка.

— Отец перестроил дом, — с мечтательной улыбкой произнёс Ван Юн. — Я присылал денег, у нас теперь есть свиньи и куры, отец купил мопед. Мне пора домой.

— Удачи. Всё равно увидимся.

— Если вы захотите.

* * *

«Две недели без одного дня, — говорила Лена, прыгая через ступеньку. — Ещё восемь раз схожу в задницу, и свобода. Сво-бо-да, да! Единственный кайф работы — с неё увольняться, уж я-то знаю».

Мокрый зонт колотил по икрам, в кроссовках противно чавкало, но Лена наслаждалась. Даже першение в горле не пугало. Потому что скоро солнце и лето. От любой гадости можно получать удовольствие, если знаешь, что она закончится. Мир прямо расцветает красками, которых до сих пор в Лениной жизни не было. Жизнь под девизом: «Могло быть и хуже». В баню! Наверно, у нормальных людей таким образом начинается старость — когда надежды сменяются покорностью и трусливым беспокойством, нежеланием лишних телодвижений. Лена была такой, сколько себя помнила.

Остановившийся одновременно с Леной лифт изрыгнул Димку и его пакеты.

— Дим, привет, я за Нюсей. На свадьбу скоро позовёшь?

Дима обернулся. Ответная улыбка сползла с его лица, капризный дамский рот дёрнулся. Яблоки попрыгали вниз по лестнице из упавшего пакета.

— Эй, Дим, ты чего? — Лена подошла ближе и застыла.

Так они стояли в темноте подъезда, где какой-то урод-эквилибрист в очередной раз повыкручивал лампочки. Димка долбил кулаком по звонку, а Лена давилась желанием ухватить его за холку, мотнуть головой, и ещё, ещё, пока позвонки не хрустнут. Вонь перепуганной псины опьяняла, заглушая рассудок. Открой Татьяна Викторовна минутой позже, она была бы сильно фраппирована увиденным. Дима влетел в квартиру, толкнув мать в грудь, на двери его комнаты щёлкнула задвижка. Татьяна Викторовна только руками всплеснула.

— Лена, что у вас произошло? Почему сумки валяются?

«Стыдно, стыдно, стыдно», — твердила Лена, подбирая продукты, и драла ладони ногтями.

Нюся помогала. Лена опасалась детских непосредственных замечаний, но ребёнок только серьёзно на неё посмотрел, а потом на запёртую дверь, откуда доносились Настины встревоженные расспросы.

Смущённая и расстроенная Татьяна Викторовна настояла на чашечке чаю — среди прочих вкусовостей Димка притащил шоколадный торт, несколько утративший лоск при контакте с полом. Ни Димка, ни Настя к столу не вышли.

— Не обращай внимания, Леночка, он с утра на нервах, чуть свет за Настенькиными вещами в общежитие ездил, после в ЗАГС, оттуда сразу на работу и ещё по магазинам, вот и сорвался. Димочке не везло с женщинами, я уж боялась, один останется. Ему ведь... ты понимаешь, нельзя одному. Ты понимаешь! А он даже свою красавицу-Алёну как-то по

обязанности любил. Заботливый мальчик, ответственный, к детишкам тянется, но с женщинами бесчувственный. Разве что когда маленький был, бабулю любил, я серьезно ревновала. Кроме бабули никого, даже когда подростком был, не влюблялся, бабуля да бабуля. И тут такое счастье! Такая девочка замечательная!

«Тебе не тортик, а мяса сырого наложить, желательнее из помойки», — пилила себя Лена. Димкины рассказы о нелёгкой доле оборотня червяками копошились в её памяти. Ну почему эти, блин, пастухи не довольствовались обычными дворняжками? Дворняжки классно пасут коров, что за выпендрёж!

— ...если бы дворняжек держал, но ты не представляешь, какие это чудовища, — между тем говорила Татьяна Викторовна, — размером с медведя! Не понимаю, почему их не запретили, Португалия вроде бы цивилизованная европейская страна.

Лена вздрогнула.

— Вы о чём, Татьяна Викторовна?

— Лена, ты меня слушаешь? Я говорю, что моя сестра Наташа потеряла работу. Их вышлют из Португалии, всё, что они заработали, уйдёт на лечение велосипедиста, а Павлик останется без квартиры.

— Какой Павлик?

— Мой племянник. Он с женой живёт в Наташиной однушке, скоро родится маленький, и станет окончательно тесно. Надо ж было этому велосипедисту ехать так поздно вечером, что на него бросились... вспомнила, испанские мастиффы. А виновата почему-то моя сестрёнка, а вовсе не хозяин собак, которого не было в стране.

— Ваша сестра — кинолог? — подавилась шоколадной розочкой Лена.

— Наташа?! Конечно, нет! Моя Наташа — детский врач, но в Португалии она работает домработницей. Её муж Игорь делает мужскую работу и садом тоже занимается, он ведь биолог. Их ещё в Курске агент по найму предупредил, что тот сумасшедший человек уволил уже четыре супружеских пары, из-за собак. Но он предложил гораздо больше, чем обычно за такую работу, к тому же он какой-то известный фотограф, вечно в разъездах, а дом в распоряжении Наташи с Игорем. Представь, почти собственная роскошная дача на море — рай, если б не собаки. Теперь этот невменяемый увольняет бедную Наташу. Он ведь сам требовал, чтобы собак выпускали гулять...

— Татьяна Викторовна, — Лена хищно улыбнулась, — мне надо переговорить с вашей сестрой.

— Зачем?

— Чтобы её с мужем не увольняли.

Удивление, надежда и недоверие затеяли игру в догонялки на лице Татьяны Викторовны.

— Ты? Ах да, Димочка говорил, ты дрессировала собак в милицейском питомнике...

— ...и собираюсь вернуться к прежней профессии.

От Димки Лена уходила с телефоном незадачливой домработницы в кармане, Нюсей на руках и под аккомпанемент восторженных охов.

— Как было бы прекрасно, если б у тебя получилось! Там удивительная экология, Нюсеньке пойдёт на пользу морской климат, а то у неё снова сопельки. Я Димочку каждый год возила на море, он у меня был слабенький, только морем и спасались. Ах да, совсем захлопоталась! Свадьба шестого ноября...

— Димка меня пока не пригласил, — заметила Лена.

— Пригласит обязательно, о чём ты говоришь!

* * *

Дима позвонил, едва Лена отразила сокрушающие Фантины нежности.

— Не приходи на свадьбу, — Лене показалось, что мобильник вибрирует у неё в руке, точно заряженный Димкиной нервозностью. — Я слышал, мама приглашала, но не приходи. Пожалуйста!

— Что так? — холодно поинтересовалась Лена.

— Я реально тебе благодарен, не представляешь, насколько, но... и в парке ко мне не подходи. Ты должна понять. Я буду гулять в другое время, если случайно пересечёмся, не подходи, ладно? Нюсю мама сама приводить станет, я с ней договорился.

— Не переживай, Дим, мы с Нюсей скоро уедем.

— Уедем?! — вмешалась Нюся. — Здорово! А куда?

Лена поцеловала тёплый пробор.

— Ты вроде хотела жить в домике у моря...

* * *

Надвигавшийся вечер окрасил небо в нежнейшие оттенки бекона. С зеленью — это если краем глаза гору захватить. Зелень после лета была даже не второй, но третьей свежести. Так думал голодный Рома, пока ведомая нетвёрдыми Викиными руками машина трюхала по сельской дороге, на редкость похоже пародируя шипение и скрежет зубовой. В переднее стекло прилетел камушек. Вика отёрла лоб.

— Всё-таки удивительно, как тебе дали права, — не выдержал Рома.

— Ага, дали, после чего мы сразу уехали во всякие Индии, и я за два года за руль ни разу не села! А на мотоцикл я прав получать не собираюсь, если на меня упадёт двести килограмм, я, наверно, не переживу, — глянув в зеркало заднего вида, Вика улыбнулась (нежно): Рома загорел до черноты, здорово похудел и больше не напоминал нечто, завалившееся под кроватью.

— В Кито попрактикуешься.

— Попробую, — наморщила нос Вика. — Что он там бормочет?

Заменявший радио старик-португалец усилил громкость.

— Благодарит, что подбросили, — перевёл Рома. Машина остановилась, но общительный дед продолжал сыпать шипящими португальскими фразами. — Интересуется, не в гости ли мы к русским, работающим у чокнутого Дуарти. Хм. Ленин хозяин непопулярен у соседей. Мягко говоря.

— Его пёсики вроде кого-то покусали, — отозвалась Вика задумчиво. — Если честно, я побаиваюсь собак. Непроработанная детская фобия.

Высадив старика, «жучок» пополз вперёд, то замедляя скорость, то с рёвом устремляясь вперёд.

Перед ржавым гибридом калитки и крайне позвоночного доисторического животного стоял мальчик в шортах и майке настолько линялых, что тщедушная фигурка сливалась с выгоревшей травой. Лена и прежде смахивала на подростка, но сзади. Теперь лицо тоже выглядело почти детским: чудесным образом исчезли морщинки, испарились синюшные мешки под глазами.

— Здорово выглядишь, — сказала Вика, высунувшись из машины. Честность заставила ей добавить про себя: «В некотором роде».

Рома фыркнул:

— Тётя Лена, тебе выпивку с сигаретами продают, или взрослых дядей просишь?

— Сама справляюсь, — усмехнулась Лена.

Трое переглянулись и прыснули.

— Пусти порулить, — велела Лена Вике. — Дорога паршивая.

— Ты водишь машину?! Ты? — ахнул Рома.

— Прикинь.

Шустро перевалив несколько порыжевших холмов с рыжими коровами, миновав оливковую рощу, «жучок» замер перед двухэтажным домом: черепичная крыша, стены, сложенные из каменюк всевозможных размеров и форм, разохшиеся балки веранды, заросшие диким виноградом и фиолетовыми цветочками. Крошечные окошки обрамляли чернёные временем ставни.

— Прелесть какая! — всплеснула руками Вики (кляцнули заточенные ногти). — Ему ведь лет двести, не меньше?

Лена пожала плечами.

— Семья Габриэля... в смысле, синьора Дуарти, жила здесь до того, как перебралась в Америку. Оливки выращивали, и сад был неплохой, но сейчас всё заросло. Игорёчек не напрягается, а Габриэлю пофиг. Вон те развалины — конюшни и ещё что-то хозяйственное, мы туда не ходим, можно ноги переломать. Когда у Габриэля начались заморочки с поиском корней, он выкупил ферму, построил дом — выше на холме здоровенный сундук видите? Старый дом Габриэль отреставрировал и планировал как гостевой, поэтому он пустовал, пока мы с Нюской ни приехали.

С крыльца вихрем слетела Нюся, мотая свежеотрощенными косичками.

— Дядя Рома!

— Невероятно вымахала, — удивлялся Рома. — Да погоди, не крутись...

— Ребёнок будет трёхметровым и поселится на крыше, потому что никуда больше не влезет, — басом произнесла Нюся, явно кого-то передразнивая. — Я стану работать Карлсоном! Дядя Рома, я скоро в школу пойду, мама меня записала. Я умею читать по-русски и немного по-португальски. Хочешь послушать?

На террасе материализовалась рыжая зверюга ростом с человека в шкуре, достаточной для нескольких человек среднего размера. Язык нежным лепестком свисал из пасти, подходящей по объёму, чтобы откусывать головы телятам. Несмотря на почти добродушное выражение морды, в позе собаки ощущалось напряжение.

— Крупный такой, откормленный, — почтительно заметил Рома.

— Это Аранда, — затараторила Нюся, — она старшая девочка, Габриэль её ещё до нас

купил, и Милано тоже...

Из-за Лениного, несомненно, представлявшего антикварную ценность, джипа, выглянула, потягиваясь, собачка, по сравнению с которой первая казалась деликатной ланью. Нюся зарылась в складки шкуры (цвета плюшевого мишки из дорогого магазина).

— Милано не агрессивный, — она чмокнула похожий на мокрый кошелёк нос. — А вон Тина, и там ещё Луна и...

— Сколько их? — слабо спросила Вика.

— Четверо, — ответила Лена.

Она не повернула головы, казалось, нарочно игнорируя гигантов, и всё-таки собаки исчезли из поля зрения. Между ними и Леной чувствовалась беспроводная связь. «Самое подходящее выражение», — поздравил себя Рома.

Фанта обнюхала его как давно знакомый незначительный объект, ткнулась мордой в дрогнувшую Викину руку (прощай, крекер) и плюхнулась в ноги Лене, вдруг нарочито громко перешедшей на португальский.

— Пять собак в доме вполне достаточно, особенно хозяину, не знающему, что собакам нельзя давать соус чили, — шепнул Рома Вике на ухо.

Мимо размашисто прошагал мужчина, идеально соответствующий представлению людей о гоблинах. Зелёным он не был, но его татуировки не стоило рассматривать за обедом, а в носу болталось увесистое кольцо. Впечатление портили клетчатые трусы до колен и вьетнамские плетёные тапочки. Буркнув исполненное неприязни английское приветствие, гоблин скрылся в кустах, сверкнув черепом. Собаки потянулись следом (Рома не сомневался, что согласно Лениному распоряжению).

— Зайчик, правда? — ухмыльнулась Лена. — Синьор Дуарти. На самом деле гораздо длиннее, никак не могу запомнить.

— Габриэл Энрике ди Фигейреду Дуартите, — отрапортовала Нюся. — Дядя Рома, ты мороженое привёз? Габриэль ночью съел, обещал утром поехать, но спал и не поехал.

Рома хлопнул по боку рюкзака.

— Может, ещё не растаяло.

— Он всегда такой обаяшка? — поинтересовалась Вика сочувственно.

— Территориальное поведение, — тоном диктора от зоологии объяснила Лена. — Яркое выраженное. Считает, что дома имеет право быть самим собой, то есть злобным гадом, ненавидящим представителей собственного вида.

— Чудесный человек, — Вика закурила, продолжая тихонько дрейфовать в противоположную от Фанты сторону. — Надеюсь, больше тут никто не водится... с территориальным поведением?

— Раньше было много кошек, — вздохнула Нюся, — их собаки распугали, а привидений мама скормила волку, даже девочку с бантиками, хотя она была такая красивая! Но наш волк кушает только привидения или иногда маму...

— Нюська, опять болтаешь?! — цыкнула Лена.

Нюся стушевалась. Рома с Викой старательно сделали вид, что ничего не слышали.

* * *

Вокруг развешанных на веранде фонариков вились не то крупные мотыльки, не то

мелкие летучие мыши, за соснами ворочал мокрой тушей океан. Нос щекотал подсоленный воздух, сдобренный треском цикад вперемешку с запахами травы. Рома маялся в кожаных объятиях дивана, потягивая портвейн из запасов гоблина Габриэля.

— Ну как? — не выдержал он.

Лена положила ноутбук на стол, собранный, вероятно, из остатков пиратских кораблей, глотнула портвейну. Кресло-качалка снова пришла в движение.

— Всегда мечтала о чём-то в этом роде! — Ленино лицо на миг утратило обычное брюзгливо-настороженное выражение, но тут же взяло себя в руки.

— Мечтала, чтобы о тебе нарисовали комикс? — приподнял бровь Рома.

— Об этом! — Лена раскинула руки, точно готовясь взлететь прямо из качалки. — Дом, море, горы, собаки... Первый раз со мной такое: чтобы всё устраивало, как есть, чтобы не «могло быть хуже», а «ничего больше не надо».

— Кри-кра, — сказала качалка.

Рома был немного разочарован.

— Ты говорила, что никогда не мечтала.

— И не врала. Понимаешь, крот чисто технически не может мечтать о полётах на дельтаплане, потому что не имеет шансов войти в тему. Ты когда-нибудь видел пункт проката дельтапланов для кротов? Не видел? Интересно, почему. Но вдруг среди кротов возник урод, которому для счастья надо дельтаплан. Ну, он будет каждый хренов момент своей хреновой жизни ощущать недовольство, сам не понимая, чем, такая вот получится хреновая мечта.

— Кру, — печально согласилась качалка.

— Но это ведь не главное? — осторожно прощупал почву Рома. — Домик да, классный, собачки тоже... гм... крупные, откормленные, большие собачки, море, но... Ты же не только об этом?

— Мне много не надо. Скромность, фамильная черта. А праздник, знаешь ли, всегда со мной, стоит глазки закрыть, — Лена подмигнула Роме. — С нами. Бодрит, правда?

— Ещё как, — ответил Рома холодно. — Особенно если предки не позаботились оставить в наследство хоть какую-нибудь заваливающую сущность, раз волков на всех не хватает. Не было у нас принято тусоваться с мёртвыми, торговать штанами и тонуть в астрале, мажоры, что с нас взять!

Лена плеснула портвейну себе и Роме.

— Нормальный комикс, — сказала она, ухватила с блюда виноградную кисть и затолкала в рот сразу несколько чёрных ягод, — только непонятно, почему про меня. Папа похож, психиатр на службе спецслужб, гы. Обязательно ему расскажу.

— Вы... эээ... видите? — спросил Рома и неожиданно для себя обернулся по сторонам, от чего смутился.

— Иногда, а что? Лидка каждый день с покойниками болтает.

— Ничего, обычное дело, подумаешь. Представляешь, у Лидки с головой сильно полегчало, мы с Викой были в шоке, когда папу навещали. Лидка смотрела мультики с детьми!

— Рада за Лидку. Но вот эта вот мечта педофила! — она ткнула обвиняющим пальцем в ноутбук. — Положим, я медсестра, но ты как, серьёзно считаешь, будто студентки одевают на практику в дурдом латексные намордники и чёрные халатики длиной до пояса?

— Что за ханжество! Это же условность жанра, преувеличение...

— Ты хоть раз видел меня с перевернутой пентаграммой на сиськах размером с жопу гиппопотама?!

— Но так тебя воспринимает Герман...

— Нескромно как-то воспринимает, учитывая, что я — его дочь. Ладно, будем считать, моя настоящая внешность не годится для комиксов. Сама я тоже для них не гожусь, ну не умею я распознавать в прохожих замаскированных волков! И вообще, у вас с самого начала жирный такой рояль в кустах: спасением мира от астральных оборотней увлекаются психи, а не обслуживающий их персонал. Может, в комиксе так полагается, я же говорю — комикс нормальный, но ко мне этот бардак отношения не имеет.

Рома заёрзал, ворчливо скрипнул похожий на убитое животное диван. В темноте гостиной (она же кухня и столовая) Вика быстро заговорила во сне, перевернулась на другой бок. То ли действительно устала, то ли отправилась на покой из деликатности: пусть Ромка с Леной поболтают, всё равно Рома ей потом расскажет, всегда рассказывает.

— Так и знал, что ты обидишься, даже показывать не хотел, Вика уговорила: она считает, что ты имеешь право, раз твоя история послужила прототипом...

— Глупости! От прототипа вы рожек на ножках не оставили.

— В чистом виде события не ложились на комикс, мы с Викой пытались переработать сюжет, но он закрутился сам собой, знаешь, как бывает, ведь это наш первый проект. Мы не собирались кончать самоубийством Германа. Когда он достиг просветления, хотя мы ничего такого не планировали, сначала мы за него обрадовались, но это оказалась ремиссия от перепутанных тобой препаратов, и он выпрыгнул в окно быстрее, чем мы придумали, почему он не должен этого делать. Никаких намёков, правда!

— Верю, — кивнула Лена. — Тем более что ситуация скорее про меня, чем про папу. Ваш Герман вошёл в ту реальность, где он псих в дурдоме, а его дочь — случайная практикантка, потому что такая реальность более нормальна, то есть реальна, чем та, где он — спаситель человечества от оборотней под руку с сисястой ясновидящей дочкой. Папа всегда поступал наоборот, а я именно так. Год назад мне бы в голову не стукнуло, что я могу не пахать в магазине, вообще могу не пахать, и мне необязательно околевать от холода шесть месяцев в году. Я даже не верила, что могу избавиться от дерматита. До сих пор чесалась бы, мёрзла да пахала, если б не убедилась, что все реальности — одинаковая туфта, соображаешь, какая тебе по вкусу, и она вокруг тебя образуется.

— Да-да, читал, — заметил Рома. — Но мне не хватает силы визуализации...

— Ерунда! — перебила Лена. — Пока сам не увидишь, как оно работает, ни фига не получится, не то все читали бы умные книжки и жили б счастливо.

— Ты... действительно видела? — вкрадчиво попробовал Рома.

— Задумал серию с моим участием? — фыркнула Лена. — Забей, у нас слишком разные вкусы в одежде. Когда ваш комикс напечатают?

— Теперь скоро, сначала в Норвегии, дальше видно будет. Мама так счастлива, что я нашёл предназначение, что отдала мне доход от её московской квартиры, — Рома приосанился. — Иллюстрации в комиксном стиле довольно востребованы, так что я почти перешёл на автономный режим, бюджетный, но нам с Викой хватает. К тому же мы стараемся жить в странах, где дешевле, и в большие города не суёмся.

— Кри, — поддакнула качалка.

На холме светил всеми окнами «сундук», точно там намечалась вечеринка. Лена перехватила Ромин взгляд.

— Наталья Викторовна с Игорёчком сортиры зубными щётками дряют, давно Габриэль их не баловал посещением. Кстати, звонила Татьяна Викторовна: у Димки родился сын, счастья полные штаны. А вы с Викой размножаться не собираетесь?

Рома сглотнул.

— Я похож на человека, склонного к размножению?

— Как сказать. Раньше ты был похож на жертву... размножения, я была уверена, что тебя из той мансарды вынесут вперёд ногами, и то крышу придётся снимать. Ты сильно изменился, Ром.

— Научился ценить время, прости за банальность. Одно дело умозрительно понимать, что жизнь — не потом и когда-то, но прямо сейчас, и совсем другое — лично убедиться, что потом может ничего и не быть, что, всякий раз, ложась спать, рискуешь проснуться только для того, чтобы немного побарахтавшись в зелёной луже, о да, испытывая неземной кайф, кто спорит, слиться со вселенной в первозданном экстазе. До сих пор зелёный не выношу.

— Зря ты так. Таять в зелёном довольно приятно, забыл? — съязвила Лена.

— Насколько мог, забыл, но вспомню обязательно. Когда наиграюсь. Важно знать, что из игры есть выход, и хоть примерно представлять, какой. Но сначала я хочу ознакомиться с достопримечательностями, а ещё хочу что-нибудь успеть, даже если этим «чем-нибудь» будут комиксы. Мой эквивалент размножения. — Рома замаялся, посмотрел на Лену искательно. — Ты так и не сказала, что сделала с сумкой. Сюда привезла?

— Выкинула. Ты чего такую физиономию скорчил? Воняла жутко, вот и выкинула. В мусоропровод. Да она гнилая вся была!

— Но...

— Отлезь! Всё ведь нормально, жалоб нет? Вот и славно, расслабься.

— После всего, не знаю, что ты сейчас собой представляешь, а, тётя Лена?

— Могу документы показать! — немедленно ощетибилась она. — Паспорт, рабочая виза... что конкретно интересует? Помощник по уходу за собаками в питомнике «Сан...»

Он продолжал смотреть на неё жалобно, совершенно по-щенячьи. Лена дрогнула.

— Знакомая птичка? — чуть заметно, кончиками рта улыбнулась она и кивнула в угол, чуть более тёмный, чем прочие углы.

В полутора метрах над полом висела клетка, просторная, несколько вычурно-антикварного вида. Едва Рома успел разглядеть силуэт ворона, ветер раскачал фонарики, и в углу обнаружился плетёный комодик с забытым Нюсей мячом. На большом пальце Роминой ноги чёрной снежинкой таяло перо. Рома отдернул ногу, сандалий загрохотал вниз по лестнице.

— Ну, на самом деле ты видел нечто вроде метафоры, — потянулась за новой кистью винограда Лена. — Ворон не относится к существам, находящимся где-то и когда-то. Если у него и есть клетка, то это я.

* * *

Вокруг развешанных на веранде фонариков вились не то крупные мотыльки, не то мелкие летучие мыши, за соснами ворочал мокрой тушей океан. Под крышей сложенного из тех же камней, что и скалы, маленького домика лежала девочка Нюся, укутанная в лоскутное одеяло, притиснутая к стене тушкой ротвейлера, попа к попе, ручка мусолила собачье ухо.

Этажом ниже спал Рома в обнимку с Викой и видел во сне длинный комикс, где фигурировали вороны, китайский монах и красавица с глазами размером с чайную чашку. В «сундуке» на холме пили валерьянку Наталья Викторовна и её муж Игорёчек (копить на квартиру оставалось недолго). Храпел перед телевизором гоблин Габриэль, и четыре испанских мастиффа сопели вокруг него.

Девочка Нюся чмокнула в лоб Габриэля — ишь недовольный какой, чего гостей не любит? Сидели бы все и ели мороженое. По очереди почесала животы собакам, чтобы им приснилось что-нибудь хорошее. Собачьи души благодарно повиляли ей хвостами. Облачком перенеслась к подоконнику, свесила ножки сквозь стекло. В её молчаливо-зелёном блистающем мире под холмом, между оливковых деревьев, стелился волк тенью чуть более тёмной, чем деревья ночью. Следом тяжело переваливалась Фанта. Мама сидела верхом на волке, серебристый шнур соединял её и волка — ни за что не порвётся, Нюся пробовала.

Сейчас к морю, а потом в горы. Лена почувствовала, как волк вежливо приготовил для неё местечко под прозрачной шкурой, а лапы его зудят в предвкушении. Среди небес трепетал ворон, чуть более чёрный, чем дырка из-под Луны.

Больше книг на сайте - Knigolub.net